

Opp. 659 6 (7)

XVe, 19-7

<36607796030010

<36607796030010

Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

COVENTRY

A. NICHOLSON

^с
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ СЕДЬМЫЙ.

^у
7

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1803,

За 1641 547

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

СОДЕРЖАНІЕ VII ТОМА.

	<i>Стран.</i>
На гробъ моего Агамона - - -	1
Что нужно Автору? - - -	20
Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи - - -	25
Нѣжность дружбы въ низкомъ со- стояніи - - -	78
Аѳинская жизнь - - -	90
Мелодоръ къ Филалешу - - -	130
Филалешъ къ Мелодору - - -	148
Деревня - - -	168
О любви къ отечеству и народной гордости - - -	181
Илья Муромецъ - - -	201
Разговоръ о щастіи - - -	224
Моя исповѣдь - - -	270
О легкой одеждѣ модныхъ краса- вицъ девяшаго-надесять вѣка	299
Отъ чего въ Россіи мало Автор- скихъ паланшовъ - - -	308
Мысли объ уединеніи - - -	320
Анекдотъ - - -	329
О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи - - -	342

О случаяхъ и характерахъ въ Рос- сійской Исторіи, которые мо- гутъ быть предметомъ ху- дожествъ - - -	353
О Московскомъ мятежѣ въ цар- ствованіе Алексѣя Михайло- вича - - -	381

Опечатки въ Седьмомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

56	—	12	Лакодемон-	Лакедемон-
			скимъ	скимъ
76	—	3	Тверческою	Творческою
124	—	15	упреній	упренній
128	—	19	квомъ	кромъ
191	—	8	завоевише-	завоеваше-
			ли	ли
—	—	24	воспламъ-	воспламе-
			няетъ	няетъ
351	—	23	огоргаетъ	огорчаетъ
363	—	—	любя, славу	любя славу,
370	—	16	Новгород-	Новгород-
			скіе	скіе

Опечатки въ Осьмомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

34	—	7	Мекедон- скую	Македон- скую
38	—	4	Яначары	Янычары
83	—	5	самимъ	самихъ
99	—	21	Велкаго	Великаго
109	—	17	нравспве- ное	нравспвен- ное
110	—	1	лагерямъ	лагеряхъ
179	—	14	предста- лялъ	представ- лялъ
261	—	21	Герберштен- на	Герберште- ина
279	—	1	недосша- токъ	недосша- токъ ;
291	—	13	черемхи	черемухи
—	—	23	но	; но

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ VII.

ЦВѢТОКЪ

НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА.

His life was gentle, and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world: *This was a man!*
Shakespeare.

Нѣтъ Агафона! . . . Нѣтъ моего
друга! —

Чишпашель! ты не зналъ его —
онъ не былъ ни богачъ, ни знаменъ
— онъ былъ человекъ, благород-
ный по душѣ своей — украшенный
одними достоинствами, не чинами,

VII.

не блескомъ роскоши, — и сіи достоинства палились подъ завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! — Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, — о чемъ проливаетъ слезы, и вѣчно проливаетъ будетъ!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почиаю я сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество, и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ опечесствѣ, гдѣ Природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человекъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, опечесства Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оставьте печальнаго — оставьте сіи безпорядочныя спроки, орошаемая мо-

ими слезами! Не для васъ изливаю горестъ свою, и не пребую вашего одобренія. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огонь чувства угаснетъ въ груди моей, подобно какъ заря вечерняя угасаетъ на полуночномъ небѣ; когда, забывъ свящую истину, паду ницъ предъ злыми кумирами человеческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвящусь вашему удовольствію; тогда удостоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горестъ моя не можетъ васъ пронуть. —

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агапонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человечества; котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ

во мнѣ, не знаю — можетъ быть пламенное усердіе къ добру, непришворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, — искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувствъ. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія — человека, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія; копорой могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія, и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; — однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается — и время нашего знакомства, нашего дружества, будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: — ему еще болѣе, нежели мнѣ; но мы любили книги, и не думали о свѣтѣ; имѣли не много, не многимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе — ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и не рѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннепомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, — и часто заря упренная красила восточное небо, когда я разставался съ Агапономъ, и возвращался домой съ покойною душою, съ новыми знаніями, или съ новыми идеями.

Естьли когда нибудь осмѣлюсь

я слабымъ перомъ своимъ начер-
тавъ *исторію* моихъ *мыслей*, по-
гда опишу можетъ быть и нѣко-
торыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ
которыхъ развивались первыя мои
метафизическія понятія; печать
молчанія хранивъ ихъ теперь въ
груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи
душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣко-
торое *эстетическое чувство*, нуж-
ное для любителей Литтературы.
Вѣрный вкусъ друга моего (опли-
чавшій съ великою тонкостью по-
средственное отъ изящнаго, изящ-
ное отъ превосходнаго, выученное
отъ природнаго, ложныя дарованія
отъ истинныхъ) былъ для меня
свѣдѣльникомъ въ Искусствѣ и
Поэзіи. Восхищенный красою
цвѣтовъ, распускавшихся на семъ полѣ,
дерзалъ я иногда младенческими
руками образовывать нѣчто подобное
онимъ, и незрѣлыя свои мысли из-
ливать на бумагу; — онъ былъ

первымъ моимъ судьей, и хопя замѣчалъ недоспапки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ челоѣкѣ, копорой занимается Липперапуурою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агапонъ испытывать дарованій своихъ въ собственннхъ сочиненіяхъ. Тихой кругъ чипапелей нравился ему лучше, нежели заботливое соспояніе Автора, копорого спокойствіе не рѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него предъ глазами. *Мадлежитъ или сравнятся съ ними* (думалъ онъ), *или не выходитъ на сцену*; первое казалось ему труднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказывающъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть

при различныхъ свойствахъ души: Агапонъ и я любили *одно*, но любили *различнымъ образомъ*. Гдѣ онъ *одобрялъ* съ покойною улыбкою, тамъ я *восхищался*; огненной пылкости моей пропивополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельной Философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и пропивенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не пребоваъ утѣшенія; я былъ чувствительнъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: — но онъ любилъ все младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество. Разные тоны составляютъ гармонию, всегда пріятную для слуха; монофонія бываетъ утомительна — и два человека, совершенно одинакихъ

своиствѣ, всего скорѣе наскучаѣ другѣ другу.

Обстоятельствва разлучали насъ — онѣ писалѣ ко мнѣ — и сіи письма (примѣрѣ чистаго слога и зеркало тихой, спокойной души) будуѣ всегда храниѣся близѣ моего сердца.

Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей; когда желаніе видѣѣ Природу въ великолѣпномѣ ея разнообразіи, видѣѣ тѣхъ великихъ Мужей, копорыхъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувства, превратилось въ совершенную спрасѣ; когда, удовлетворяя сему желанію, рѣшился я оставиѣ на время опеческво и друзей моихъ: тогда онѣ пожертвовалѣ на минуѣ своею пвердостію, и слезы покапились изѣ глазѣ его. *Спѣши*, сказалѣ онѣ, *спѣши*, куда влетѣѣ тебя стремленіе твоего духа, и возвратисѣ къ намѣ благополучно, съ тѣмѣ же сердцемѣ,

сѣ которымъ отъ насѣ ѣдешь! —
Мы разспались. Онѣ споялъ на
дорогѣ, и смотрѣлъ въ слѣдѣ за
мною; плапокѣ долго бѣлѣлся въ
рукахъ его.

Великое проспранство раздѣля-
ло насѣ, но мы не забывали другѣ
друга. „Воспоминаніе о тебѣ (пи-
салъ онѣ ко мнѣ въ Женеву) естѣ
„одно изѣ лучшихъ моихъ удоволь-
„ствій. Часто путешесствую за
„побою по Ландкарпѣ; расчисляю,
„когда куда могѣ ты пріѣхать, и
„сколько гдѣ пробыть; взбираюсь
„сѣ побой на высокія горы, вооб-
„ражаю тебѣ бродяцаго по пре-
„краснымъ мѣстамъ, или сидяцаго
„въ кабинетѣ какого нибудь Уче-
„наго. Усердно желаю, мой лю-
„безный другѣ, чтобы вездѣ встрѣ-
„чались тебѣ такіе люди, копо-
„рыхъ знакомство и воспоминаніе
„возвышало бы удовольствія, на-
„ходимыя побою въ наслажденіи
„прекрасною Природою, и ушѣща-

„ло бы тебя въ непріятномъ опы-
 „тѣ, что вездѣ есть зло. Могу
 „себѣ представить, что сей опытъ
 „часто тебя огорчаетъ, и приво-
 „дитъ въ такое грустное распо-
 „ложеніе, въ какомъ я видалъ те-
 „бя, живши съ побою.“ Такъ, мой
 другъ! вездѣ есть зло; но

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ
 собою,
 Тотъ радость и любовь во всѣхъ стра-
 нахъ найдетъ.

Наконецъ я возвратился—(попѣ
 же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣ-
 копорыми новыми опытами, съ нѣ-
 копорыми новыми знаніями, съ жи-
 вѣйшею способностію чувствоватъ
 красоты физическаго и моральнаго
 міра) — спѣшилъ обнять повѣрен-
 наго души моей; воображалъ его
 пріятное удивленіе, его радость...
 но сердце мое замерло, когда я
 увидѣлъ Агапона. Долговременная
 болѣзнь напечатлѣла знаки изнемо-
 женія на блѣдномъ лицѣ его; въ пус-

кльхъ взирахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни проспылъ въ его сердцѣ, помномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему прїѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минушу являється и въ облакахъ исчезаетъ.

Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣческаго? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!

Пришла весна, и благотѣльные вліянія сего прекраснаго вре-

мени года возврапили мнѣ друга ;
 бальзамическія испаренія зеленѣю-
 щихъ правъ освѣжили его помное
 сердце ; вмѣстѣ съ цвѣтами раз-
 цвѣтала душа его , и вмѣстѣ съ
 нѣжными ппенцами слабый духъ
 его оперялся. Сія весна, сіе лѣто,
 останупся незабвенными въ моей
 жизни !

Всегда , всегда будеще вы пред-
 метомъ благодарной слезы моей ,
 вы пріятные вечера , проведенные
 мною въ сообществѣ милаго друга,
 на зеленыхъ лугахъ , орошаемыхъ
 тихою рѣкою, хопя не споль слав-
 ною , какъ Аѣинскій Иллисъ , гдѣ
 Сократы и Криптоны древле бесѣ-
 довали о мудроспи , но чиспою и
 прекрасною въ своемъ печеніи !
 Тамъ, будучи друзьями цѣлому свѣ-
 ту , разсуждали мы о происше-
 ствіяхъ міра , угадывали будущую
 судьбу челоѣчеспва , радовались
 и горевали ; тамъ вопрошали мы
 Напуру о великихъ тайнахъ ея—

иногда глубокое молчаніе пасмурной ночи, иногда нѣжная пѣснь Филомелы, иногда спрашныя удары грома были намъ отвѣтомъ ея: — мы благоговѣли, и признавали слабость своего разума. — Если бы обитали оныхъ сверкающихъ міровъ, которыми усѣяно голубое небо, когда нибудь съ высоты своей взирающъ на смертныхъ чадъ земли: то конечно и мы удоспоились ихъ взоровъ — два юноши, спрашно любящіе истину и добродѣтель!

Всякой день, всякой вечеръ были мы вмѣстѣ, какъ будто бы предчувствуя, что сіе лѣто будетъ послѣднимъ лѣтомъ дружбы нашей! — Я спѣшилъ къ нему съ каждою новою книгою, съ каждымъ новымъ твореніемъ ума человѣческаго; онъ спѣшилъ ко мнѣ — съ новыми мыслями, съ новыми догадками, съ новою любезностію.

Осень была для насъ печальна;

зимою мы распались — и распались навѣки!

Навѣки! — Я обнималъ тебя въ послѣдній разъ, неоцѣненный другъ души моей! въ послѣдній разъ видѣлъ твою чувствительность! Ты любилъ меня — и никогда любовь твоя не была такъ краснорѣчива, какъ въ сію минуту! *Можетъ быть мы скоро увидимся; можетъ быть опять будемъ жить вмѣстѣ* — сказалъ онъ, и закрылъ лицо свое. Милый другъ! сердце твое конечно предчувствовало, что намъ уже никогда не видашься въ здѣшней жизни!

Переменная климата, а можетъ быть и чрезмѣрная дѣятельность, испортили его слабое здоровье; онъ занемогъ опасною болѣзнію — спрaдалъ — помился — ни молодость, ни искусство врачей, ни пламенная молитва дружбы не помогли ему... Онъ скончался!..

Ахъ! для чего не могъ я быть при

концѣ швоемѣ — не могѣ слышатъ
 послѣднихъ словъ, видѣть послѣд-
 нихъ взоровъ моего друга? — Ты хла-
 дѣлъ въ обѣщаніяхъ смерти, и можетѣ
 бытъ никто изъ окружавшихъ те-
 бя не зналъ, какая душа оставляла
 міръ сей, какой человекъ умиралъ
 въ глазахъ ихъ! Можетѣ бытъ без-
 чувственные люди положили тебя
 въ гробъ, — безчувственные люди
 опустили гробъ швой въ землю!
 — Я хотѣлъ бы ороситъ слезами
 то мертвое тѣло, въ которомъ
 обиталъ бессмертный духъ швой;
 хотѣлъ бы проспитъ ся съ тобою, и
 со всею горячностію дружбы поцѣ-
 ловать тѣ хладныя уста, изъ ко-
 торыхъ нѣкогда лились въ грудь
 мою отрада и утѣшеніе; хотѣлъ
 бы успокоитъ тебя и въ самомъ
 гробѣ, и первымъ весеннимъ цвѣ-
 томъ украситъ могилу швою! . . .
 Ахъ! начпо мы разлучались? Сіи
 не многіе дни, которые остава-
 лось прожитъ тебѣ въ юдоли

смершнаго, пропекли бы въ пишинѣ и мирѣ; попеченія любви, старанія дружбы облегчили бы переходъ твой въ вѣчность, и Ангелъ смерти принялъ бы тебя изъ обѣяпій чувствительнаго человека! —

Онѣ умиралѣ спокойно. *Я говорилъ съ нимъ за два дни до кончины его* (пишетъ ко мнѣ любезной Д***), *и никогда не перестану удивляться силамъ души его* — а я, за сіе удивленіе, никогда не переспану любить тебя, милой Д***! —

Величественная Напура... или Ты, Копораго я назваъ не умѣю... Ты, Копораго истинное имя и существо паяпся въ непроницаемомъ мракѣ, или — въ неприспупномъ свѣтѣ! дерзнетъ ли смерпный съ слабымъ, но чистымъ сердцемъ, безъ страха и препеня вопросиъ Тебя: почто образовалъ Ты прекрасную душу моего друга, и скрылъ ее на зарѣ упренней, прежде нежели возсіяла она во всей красотѣ

своей? Уже ли мудрая рука Твоя ошиблась, и произвела оную не въ свое время, не въ своемъ мѣстѣ? — Невидимая сила заграждаетъ уста мои — безмолвствую.

Горестъ моя будетъ продолжительна — безконечна! Я имѣю друзей сердца, которые меня любятъ, и которые мнѣ всего на свѣтѣ милѣе; но духъ мой лишился любезнѣйшаго своего брата и соопитанника, котораго никто, никто замѣнить не можетъ!

Дражайшій Агапонъ! рука времени не загладитъ образа твоего въ моихъ мысляхъ; всегда, всегда буду воспоминашь о незабвенномъ другѣ: — ибо память твоя впечатлѣлась въ существо души моей, и слилась съ ея любезнѣйшими идеями и чувствами. Скоро разцвѣтеть прекрасный садъ Напуры; скоро ппички запоютъ на зеленыхъ вѣтвяхъ — я пойду въ поле; пойду гулять туда, гдѣ гулялъ съ тобою; ся-

ду на томъ мѣстѣ , гдѣ сидѣлъ съ тобою, и подъ шумомъ весеннихъ водопадовъ пролью сладкія слезы. Тамъ , видя радостное обновленіе Природы , буду воображать себя обновленнаго въ таинственныхъ жилищахъ вѣчности, копорыя спали мнѣ извѣстнѣе съ того времени , какъ ты въ оныя преселился — въ жилищахъ, гдѣ непремѣнная весна царствуетъ, и алѣютъ цвѣты неувядаемые ; гдѣ нѣтъ ни слезъ , ни вздоховъ ; гдѣ мудрые древности , какъ нѣжные братья , бесѣдуютъ съ тобою, и гдѣ нѣкогда встрѣпишь ты и меня съ Ангельскою улыбкою небесной дружбы.

Прости !

Марта 28, 1793.

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Говорятъ , что Автору нужны таланты и знанія: острый, проницательной разумъ , живое воображеніе , и проч. Справедливо : но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе , нѣжное сердце , есѣли онѣ хочетѣ быть другомѣ и любимцемѣ души нашей; есѣли хочетѣ , чтобы дарованія его сіяли свѣтомѣ немерцающимѣ ; есѣли хочетѣ писаѣть для вѣчности и собирать благословенія народовѣ. Творецѣ всегда изображается въ швореніи , и часто прошивѣ воли своей. Тщепно думаетѣ лицомѣрѣ обмануѣ чипашелей, и подѣ злопою одеждою пышныхѣ словѣ сокрыѣ железное сердце ; тщепно говориѣ намѣ о милосердіи , соспра-

даніи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда пишательное, эфирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу чишателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэша (*), то, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ—каррикапуру Заиры. Чистѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечисломъ сосудѣ дѣлается пропивнымъ, ядовитымъ пишіемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотришь прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно зани-

(*) Защитникъ и покровитель невинныхъ, добродѣтель Каласовой фамиліи, добродѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ конечно не дурное сердце.

мапьяся однимъ *изящнымъ*, изображапъ красопу, гармонію, и распро-спраняпъ въ *области чувствительнаго* пріятныя впечатлѣнія? Еспь-ли шворческая Напура произвела тебѣ въ часъ небреженія, или въ минупу раздора своего съ красопою: то будь благоразуменъ, не безобразъ художниковой кисти, — оспавъ свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авпоромъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писапъ портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ могъ бы споль прелеспно изображапъ невинность и добродушіе паспуховъ и паспушекъ, еспьли бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть Авпоромъ: читай исторію несчастій рода чело-вѣческаго — и еспьли сердце швое

не обольется кровію, оставь перо,
— или оно изобразишь намъ хлад-
ную мрачность души твоей.

Но есѣли всему горестному, все-
му угнетенному, всему слезящему
открышь пупъ въ чувствительную
грудь твою; есѣли душа твоя
можетъ возвыситься до *страсти*
къ добру, можетъ питать въ себѣ
святое, никакими сферами неогра-
ниченное *желаніе всеобщаго блага*:
тогда смѣло призывай богинь Пар-
насскихъ — онѣ пройдутъ мимо
великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣ-
тятъ твою смиренную хижину —
ты не будешь бесполезнымъ Писа-
телемъ — и никогда изъ добрыхъ
не взглянешъ сухими глазами на
твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, обра-
зы, выраженія — все сіе прогаешь
и плѣняешь тогда, когда одушев-
ляешься чувствомъ; есѣли не оно
разгорячаетъ воображеніе Писате-
ля, то никогда слеза моя, никогда

улыбка моя не будетъ его наградою.

Опѣ чего Жанъ-Жакъ Руссо нравился намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Опѣ чего любимъ мы чипать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ?—Опѣ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры спраснаго чловѣколюбія; опѣ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину:— ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согреваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной чловѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

НѢЧТО О НАУКАХЪ , ИСКУССТВАХЪ
И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Que les Muses, les arts & la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre & consolent
la vie.

St. Lambert.

Былъ человѣкъ — и человѣкъ великой, незабвенной въ лѣтописяхъ Философіи, въ исторіи людей — былъ человѣкъ, копорой со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что Науки несовмѣстны съ добродѣтелію!

Я чпу великія твои дарованія, краснорѣчивой Руссо! Уважаю испины, открывыя тобою совре-
VII. 3

менникамъ и попомству (*) —
 испины , опнынѣ незагладимыя на
 дскахъ нашего познанія — люблю
 тебя за доброе швое сердце , за
 любовь швою къ человѣчеству ;
 но признаю мечпы швои мечшами,
 парадоксы парадоксами. —

Вообще разсужденіе его о Нау-
 кахъ (**) есть, такъ сказать, логи-
 ческой Хаосъ, въ которомъ видѣнъ
 только обманчивой порядокъ или
 призракъ порядка; въ которомъ сі-
 яетъ только *ложное* солнце — такъ
 какъ въ Хаосѣ шворенія, по описа-
 нію одного Поэта — и день съ но-
 чью непосредственно , то есть
 безъ ушра и вечера, соединяются.

(*) Я говорю о шѣхъ моральныхъ испи-
 нахъ , которыя Руссо открываетъ
 намъ въ своемъ Эмилѣ.

(**) Discours sur la question, proposée
 par l' Académie de Dijon, si le rétab-
 lissement des Sciences et des Arts a
 contribué à épurer les mœurs ?

Оно есть собраніе прошиворѣчій и софизмовъ, предложенныхъ — въ чемъ надобно опдѣлать справедливостъ Автору — съ довольнымъ искусствомъ.

„Но Жанъ - Жака нѣтъ уже на свѣтѣ: на что безпокоить прахъ его?“ — Творца нѣтъ на свѣтѣ, но твореніе существуетъ; невѣжды читаютъ его — самые тѣ, которые ничего болѣе не читаютъ — и подъ Эгидою славнаго Женевскаго Гражданина злословятъ просвѣщеніе. Если бы небесный Юпитеръ опдалъ имъ на время громъ свой, то великолѣпное зданіе Наукъ въ одну минуту превратилось бы въ пепелъ.

Я осмѣливаюсь предложить нѣкоторыя примѣчанія, нѣкоторыя мысли свои о семъ важномъ предметѣ. Онъ не есть плодъ глубокаго размышленія, но первыя, такъ сказать, идеи, возбужден-

ныя чпеніемъ Руссова пворенія (*).

Со временъ Аристоцелевыхъ пвердяпъ ученые, что надобно опредѣляпъ вещи, когда желаешъ говорипъ объ нихъ, и говорипъ основательно. Дефиниціи служапъ Фаросомъ въ пупяхъ умспвова- нія — Фаросомъ, копорой без-

(*) Новая піеса одного неизвѣстнаго Нѣмецкаго Автора, копорая нечаянно попалась мнѣ въ руки, и въ копорой бѣдныя Науки спрада- юпъ ужаснымъ образомъ, заставила меня прочестъ со вниманіемъ Discours de J. J.—Примѣчанія мои неважны; но они по крайней мѣрѣ не выписаны ни изъ Гопье, ни изъ Лабарда, ни изъ Мену, копорыхъ я или совсѣмъ не читалъ, или совсѣмъ забылъ. — Что же принадлежипъ до Господина Нѣмецкаго Анонимуса, то онъ кромѣ злобы, тупоумія и неснос- наго Гопшедскаго слога, ничѣмъ похвалипъся не можетъ; на такія сочиненія нѣпъ опвѣща.

преспанно долженъ сіяпъ предъ глазами нашими, еспъли мы не хопимъ съ прямой черпы соврапипъся. Руссо пишеть о Наукахъ, объ Искусствахъ, не сказавъ, что супъ Науки, что Искусства. Правда, еспъли бы онъ опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи прапша его — поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дымъ, какъ пуспые фаншомы и чада Химеры; то еспъ, прапша его остался бы въ шуманной области небыпія — а Жанъ-Жаку непремѣнно хопѣлось брапипъ ученость и просвѣщеніе. Для чего же? Можетъ быть для спранности; для того, чпобы удивипъ людей, и показатъ свое опмѣнное остроуміе: суепность, копорая бываетъ слабостію и самыхъ великихъ умовъ! —

Не смопря на разныя классы Наукъ, не смопря на разныя имена ихъ, онъ супъ ни что иное, какъ

познаніе Матуры и теловѣка, или система свѣдѣній и чувствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ ()*.

Отъ чего произошли онѣ? — Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ.

Доброй Руссо! ты, копорой всегда хвалишь мудрость Природы, называешь себя другомъ ея и сыномъ, и хочешь обратишь людей къ ея прослымъ, спасительнымъ законамъ! скажи, не сама ли Природа вложила въ насъ сію живую склонность ко знаніямъ? Не она ли приводитъ ее въ движеніе своими великолѣпными чудесами, споль изобильно вокругъ насъ разсѣянными? Не она ли призываетъ насъ къ Наукамъ? — Можетъ ли человѣкъ

(*) Познаніе сихъ двухъ предметовъ ведетъ насъ къ чувствованію всевѣчнаго творческаго Разума.

быть безчувственъ тогда, когда громы Напуры гремятъ надъ его головою, когда страшные огни ея пылають на горизонтѣ и разсѣкають небо; когда моря ея шумятъ и ревутъ въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣтетъ передъ нимъ въ зеленой одеждѣ своей или сіяетъ въ златѣ блестящихъ плодовъ, или, какъ будто бы упругденная великолѣпіемъ своихъ феноменовъ, облекается въ черную ризу осени, и погружается въ зимній сонъ подъ бѣлымъ кровомъ снѣговъ своихъ?

Обратимся во тьму прошедшаго; углубимся въ бездну минувшихъ вѣковъ, и вспупимъ въ тѣ, давно исплѣвшіе лѣса, въ копорыхъ челоѣчество, по словамъ твоимъ, о Руссо! блаженспивовало въ физическомъ и душевномъ мерцаніи; устремимъ взоръ нашъ на юнаго сына Природы, памъ живу-

щаго: мы увидимъ, что и онъ не только о физическихъ потребностяхъ думаетъ; что и онъ имѣетъ душу, которая пребудетъ себѣ не плесной пищи. Сей дикой взираетъ съ удивленіемъ на карнину Напуры; око его обращается отъ предмета къ предмету — отъ заходящаго солнца на восходящую луну, отъ грозной скалы, опѣняемой валами, на прекрасной ландшафтѣ, гдѣ ручейки журчатъ въ серебряныхъ нипяхъ, гдѣ свѣжіе цвѣты песпрѣютъ и благоухаютъ. Онъ въ стихомъ восхищеніи плѣняется естественными красками, иногда нѣжными и милыми, иногда спранными: вливаетъ ихъ, такъ сказать, въ свое сердце всѣми чувствами и наслаждается безъ насыщенія. Все для него привлекательно; все хочетъ онъ видѣть и осязать въ нервахъ своихъ; спѣшитъ къ отдаленнѣйшему, ищетъ конца горизонту и не находитъ его — небо во всѣ

спороны надъ нимъ разливается — Природа вокругъ его необозрима, и симъ величественнымъ образомъ безпредѣльности вѣщаетъ ему: *нѣтъ предѣловъ твоему любопытству и наслажденію!* — Такимъ образомъ собираетъ онъ безчисленные идеи или чувственные понятія, которыя суть ничто иное, какъ непосредственное отраженіе предметовъ, и которыя носящія сначала въ душѣ его безъ всякаго порядка; но скоро пробуждается въ ней та удивительная сила или способность, которую называемъ мы *разумомъ*, и которая ждала только чувственныхъ впечатлѣній, чтобы начать свои дѣйствія. Подобно лучезарному солнцу освѣщаетъ она Хаосъ идей, раздѣляетъ и совокупляетъ ихъ, находитъ между ими различія и сходства, отношенія, частное и общее, и производитъ идеи особливаго рода, идеи отвлеченныя, которыя

составляють *знаніє* (*), составляють уже *науку* — сперва Науку Природы, внѣшности, предметовъ; а по томъ, черезъ разныя опвлеченія, доспигають чловѣкъ и до понятія о самомъ себѣ, обращается отъ чувствованій къ чувствующему, и, не будучи Декартомъ, говоритъ: *cogito, ergo sum* — *мыслию, слѣдственно существую* (**): *кто жъ я?* . . . Вся наша Антропологія есть ничто иное, какъ отвѣтъ на сей вопросъ — —

И такимъ образомъ можно сказать, что Науки были прежде Университетовъ, Академій, Профессоровъ, Магистровъ, Бакалавровъ. Гдѣ Напура, гдѣ чловѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ — тамъ Наука.

(*) Знать вещь есть не чувствовать только, но опличать ее отъ другихъ вещей, представлять ее въ связи съ другими.

(**) Извѣстной Декартовъ силлогизмъ.

Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недоспащны, но они служили основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ знаній, копорыми украшается вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невпоновъ и Лейбницевъ — такъ оный испочникъ, едва, едва журчащій подъ сѣнію вѣшвистаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

Кто же, описывая дикаго или естесвеннаго человѣка, предспавляетъ его невнимапельнымъ, нелюбопытнымъ, живущимъ всегда въ одной сферѣ чувспвенныхъ впечатлѣній, безъ всякихъ отвлеченныхъ идей — думающимъ только объ утоленіи голода и жажды, и проводящимъ большую часъ времени во снѣ и безчувспвіи — однимъ словомъ, звѣремъ: тотъ сочиняетъ романъ, и описываетъ человека, копорой совсѣмъ не есть

человѣкъ. Ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ не найдемъ мы такихъ безсмысленныхъ людей. Нѣтъ! и Готтентоты любопытны; и Кафры стараются умножать свои понятія; и Караибы имѣютъ опвлеченныя идеи, ибо у нихъ есть уже языкъ, слѣдствіе многихъ умствованій и соображеній (*).

— Или пусть младенецъ будетъ намъ примѣромъ юнаго человѣчества, младенецъ, котораго душа числа еще отъ всѣхъ наростовъ, несвойственныхъ ея натурѣ! Не примѣчаемъ ли въ немъ желанія знать все, что представляется глазамъ его? Всякой шумъ, всякой необыкновенной предметъ не возбуждаетъ ли его вниманія? — Въ сихъ первыхъ движеніяхъ души видишь Философъ опредѣленіе че-

(*) На прим. всякое прилагательное имя есть опвлеченіе. Времена глаголовъ, мѣстоименія — все сіе требуетъ утонченныхъ дѣйствій разума.

ловѣка; видишь, что мы сотворены для знаній, для науки.

Что суть Искусства? — *Посражаніе Матурѣ*. Густыя, сросшіяся вѣтви были образцомъ первой хижины и основаніемъ Архитектуры; вѣтеръ, вѣявшій въ опверстіе сломленной проспи, или на струны лука, и поющія птички научили насъ музыкѣ — пѣнь предметовъ рисованью и живописи. Горлица, сѣпующая на вѣтви обѣ умершемъ дружкѣ своемъ, была наставницею перваго Элегического Поэта (*); подобно ей хопѣлъ онъ

(*) Я думаю, что первое поэтическое твореніе было ничто иное, какъ изліяніе шомно-горестнаго сердца; то есть, что первая Поэзія была Элегическая. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. На-

выражать горесть свою, лишась милой подруги — и всѣ пѣсни младенчественныхъ народовъ начинаются сравненіемъ съ предметами или дѣйствіями Напурь.

Но что жъ заставило насъ подражать Напурѣ, то есть, что произвело Искусства? При-

противъ того горестной другъ, горестной любовникъ, потерявъ милую половину души своей, любитъ думать и говорить о своей печали, изливаетъ, описываетъ свои чувства; избираетъ всю Природу въ повѣренные грусти своей; ему кажется, что журчащая рѣчка и шумящее дерево соболѣзнуютъ о его утратѣ; состояніе души его есть уже, такъ сказать, Поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его — слезами и пѣснію.-- Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человекъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.

родное челоѣку спремленіе кѣ
улучшенію бытія своего, кѣ ум-
ноженію жизненныхъ пріятностей.
Отъ перваго шалаша до Луврской
колонады, отъ первыхъ звуковъ про-
стой свирѣли до симфоній Гайде-
на, отъ перваго начертанія деревъ
до картинъ Рафаелевыхъ, отъ пер-
вой пѣсни дикаго до Поэмы Клоп-
шпоковой, челоѣкѣ слѣдовалъ сему
спремленію. Онѣ хочетъ жить
покойно: раждаются пакѣ называ-
емыя *полезныя искусства*; возно-
сятся зданія, копорыя защищаютъ
его отъ свирѣпости стихій. Онѣ
хочетъ жить *пріятно*: являюція
пакѣ называемыя *изящныя искус-
ства*, копорыя усыпаютъ цвѣта-
ми жизненный путь его.

И пакѣ Искусства и Науки *необ-
ходимы*: ибо онѣ суть плодъ при-
родныхъ склонностей и дарованій
челоѣка, и соединены съ сущест-
вомъ его, подобно какѣ дѣйствіе

соединяется съ причиною, то есть союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная напура наша въ теченіи временъ, подобно какъ злапо въ горнилѣ, очищается и доспигаетъ бѣльшаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными живопными, копорыя отъ начала міра живути въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Я помню — и всегда буду поминать — что добрейшій и любезнейшій изъ нашихъ Философовъ, великой Боннепъ, сказалъ мнѣ однажды на берегу Женевскаго озера, когда мы, взирая на заходящее солнце, на злапыя спруи Лемана, говорили объ успѣхахъ человеческого разума. „Мой другъ!“ . . . симъ именемъ называетъ Боннепъ (*) всѣхъ

(*) Онъ былъ еще живъ, когда я писалъ сіи Примѣчанія.

пѣхъ, которые приходятъ къ нему съ любовью къ истинѣ... „мой другъ! размышляющій человѣкъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснится весь мракъ въ пучкахъ Философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство; никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега—но когда явился онъ упругденному взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ странахъ подлунныхъ знать можно: тогда—можетъ быть—исчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и человѣчество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства.“ — Небесный свѣтъ сіялъ въ сію мину на лицѣ Женевскаго Философа, и мнѣ казалось, что я слышу гласъ пророка.

Такъ, Искусства и Науки нераз-

УІІ.

4.

лучны съ сущесствомъ нашимъ — и еспьли бы какой нибудь духъ шьмы могъ шеперь въ одну минуту испребишь всѣ плоды ума челоѳческаго, жашву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ : то попомки наши снова найдутъ поперянное, и снова возсіяютъ Искусства и Науки какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жершвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ шеперь то, чего ни Греки ни Римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны преврапитъ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ печеніе грядущихъ временъ родятся новыѣ Баконы, копорые полагаютъ новое, и можетъ быть еще швердѣйшее основаніе храма Наукъ; родятся новыѣ Невтоны, копорые опкроютъ законы всемірнаго движенія; новой Локкъ изѣяснитъ челоѳку разумъ челоѳка; новыѣ Кон-

дильяки, новые Боннепы силою ума своего оживяпѣ спашую (*), и новые Поэпы воспоюпѣ красоту Напуры, челоѣка и славу Божію: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и естѣ лучъ божеспвеннаго свѣта ея, произведеіе великихъ ея способностей, копорыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожитъ. Перемѣните душу, вы ненавистники просвѣщенія! или никогда, никогда не успѣете въ челоѣколюбивыхъ своихъ предпріятіяхъ; и никогда Прометеевъ огонь на землѣ не угаснетъ!

Заклучимъ: естѣли Искусства и Науки въ самомъ дѣлѣ зло, то онѣ *необходимое* зло, — зло, испекающее изъ самой напуры нашей;

(*) См. Essai analytique sur l'Ame, par Bonnet, и Traité des Sensations, par Condillac.

зло, для котораго Природа сопво-
рила насъ. Но сія мысль не воз-
мущаетъ ли сердца? Согласна ли
она съ благоспію Природы, съ бла-
госпію Творца нашего? Могъ ли
Всевышній произвести человека съ
любопытною и разумною душею,
когда плоды сего любопытства
и сего разума должны спвовали бытъ
пагубны для его спокойствія и доб-
родѣтели? Руссо! я не вѣрю спвоей
системѣ.

*Науки портятъ нравы, говоритъ
онъ: нашъ просвѣщенной вѣкъ слу-
житъ тому доказательствомъ.*

Правда, что осьмойнадесятъ
вѣкъ просвѣщеніе всѣхъ своихъ
предшественниковъ; правда и то,
что многіе ищутъ на него сапи-
ры; многіе, ксшапи и не ксшапи,
восклицаютъ: о tempora! о mores!
о времена! о нравы! многіе жалуютъ-
ся на развратъ, на гибельные по-
роки нашихъ временъ — но много
ли Философовъ? много ли размыш-

ляющихъ людей? много ли такихъ, копорые проницаютьъ взоромъ своимъ во глубину нравспвенности, и могутъ справедливо судить о феноменахъ ея? Когда нравы были лучше нынѣшнихъ? Не уже ли въ печеніе среднихъ вѣковъ, тогда, когда грабежъ, разбой и убійство почитались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ? Пусть заглянутъ въ спарыя, лѣтописи, и сличатъ ихъ съ исторіею нашихъ временъ! — Намъ будутъ говорить о Сатурновомъ вѣкѣ, щасливой Аркадіи... Правда, сія вѣчно-цвѣтущая страна, подъ благимъ, свѣплымъ небомъ, населенная простыми, добродушными паспухами, копорые любятъ другъ друга какъ нѣжные братья, не знають ни зависпи ни злобы, живутъ въ благословенномъ согласіи, повинуются однимъ движеніямъ своего сердца, и блаженспвуютъ въ обѣяпіяхъ любви и дружбы, есть нѣчто восхипипель-

ное для воображенія чувствительныхъ людей; но — будемъ искренны, и признаемся, что сія щастливая страна есть ничто иное, какъ пріямной сонъ, какъ восхитительная мечта сего самого воображенія. По крайней мѣрѣ никто еще не доказалъ намъ исторически, чтобы она когда нибудь существовала. Аркадія Греціи не есть та прекрасная Аркадія, копорою древніе и новыя Поэты прельщаютъ наше сердце и душу.

J' ouvre les fastes: sur cet âge
Partout je trouve des regrets;
Tous ceux qui m'en offrent l'image,
Se plaignent d'être nés après.

Самыя отдаленнѣйшія времена, освѣщаемыя факеломъ Истории — времена, въ которыя Искусства и Науки были еще, такъ сказать, въ безсловесномъ младенчествѣ — не представляютъ ли намъ пороковъ

и злодѣяній? Самъ ты, о Руссо! живописною своею кистію изобразилъ одно изъ сихъ страшныхъ происшествій древности, которыя возмущаютъ всякое чувство (*) и показывають, что сердце человеческое осквернялось тогда самымъ гнуснѣйшимъ развратомъ.

Ты обвиняешь вѣкъ нашъ упонченнымъ лицемеріемъ, приписывомъ; но отъ чего же порокъ спарается нынѣ скрывать себя подъ личиною добродѣтели болѣе, нежели когда нибудь? Не отъ того ли, что въ нынѣшнія времена гнушаются имъ болѣе, нежели прежде? Самое сіе относится къ чести нашихъ нравовъ; и если мы обязаны тѣмъ просвѣщенію, то оно благописно и спасительно для Морали. Иначе можно будетъ доказать, что и добродѣтель развращаетъ

(*) Въ Levite d' Ephraïm.

людей, заспавляя порочнаго лицемѣришь; ибо никогда не имѣешь онѣ такой нужды притворяться добрымъ, какъ въ присущствіи добрыхъ. — Вообразимъ двухъ чело-вѣкъ, копорые оба злонравны, но съ тѣмъ различіемъ, что одинъ явно предается своимъ склонно-стямъ, и слѣдственно не стыдится ихъ, — а другой тайно оныя, и слѣдственно самъ чувствуетъ, что онѣ не похвальны: кто изъ нихъ ближе къ исправленію? Конечно послѣдній; ибо первой шагъ къ добродѣтели, какъ говорятъ древніе и новые Моралисты, есть познаніе гнусности порока.

Мысль, что во времена невѣже-ства не могло быть столько об-мановъ, какъ нынѣ, для того что люди не знали никакихъ тонкихъ хитростей, есть совершенно лож-ная. Простые такъ же другъ друга обманываютъ, какъ и хитрые; пер-вые грубымъ образомъ, а вторые ис-

куснымъ—ибо мы не можемъ быть ни равно проспы, ни равно хипры. Вспомнимъ жрецовъ идолопоклонства : они были конечно не ученые, не мудрецы, но умѣли ослѣплять людей,—и кровь человѣческая лилась на жертвенникахъ.

Сія учпивость, сія привѣпливость, сія ласковость, копорая свойственна нашему времени преимущественно передъ всѣми прочими, и копорую новые Тимоны (*) называютъ сусальнымъ золопомъ осьмагонадесять вѣка, въ глазахъ Философа есть истинная добродѣтель общежитія и слѣдствіе утонченнаго человѣколюбія. Не спорю, что опереть слезы бѣднаго, отвратить грозную бурю отъ своего брата, гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели

(*) Известно, что Аѳинской Тимонъ былъ великой мизантропъ. „Я люблю тебя, сказалъ онъ Альцибіаду, за то, что ты сдѣлаешь довольно зла своему отечеству.

приласкавъ чловѣка добрымъ словомъ или улыбкою; но все то, чѣмъ мы можемъ доставить другъ другу невинное удовольствіе, есть должность наша — и кто хоща одну минушку жизни сдѣлать для меня пріятною, тотъ есть мой благодѣтель. Мудрая, любезная Напура не только даетъ намъ пищу; она производитъ еще и алую розу, и бѣлую лилію, которыя не нужны для нашего физическаго существованія — но онѣ пріятны для обонянія, для глазъ нашихъ, и Напура производитъ ихъ. Учтивость, привѣпливость есть цвѣтъ общежитія.

Спартанцы не знали ни Наукъ, ни Искусствъ — говорили нашъ Мизософъ — и были добродѣтельныѣ прочихъ Грековъ, — и были непобѣдимы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда Римляне повѣствовали міромъ; но Римъ просвѣтился,

и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства (*).

Вопервыхъ Спаршанцы не были такими невѣждами и грубыми людьми, какими хочешъ ихъ описывать Женевской Гражданинъ. Они не занимались ни Астрономіею, ни Метафизикою, ни Геометріею: но у нихъ были другія Науки, и самыя Изящныя Искусства. Они имѣли свою Мораль, свою Логику, свою Риторикку, хотя учились имъ не въ Академіяхъ, а на лобномъ мѣстѣ — не отъ Профессоровъ, а отъ своихъ Эфоровъ. Не священная ли Поэзія приговорила сихъ Республиканцевъ къ Ликуртовымъ успавамъ? Пѣнопѣвецъ Талесъ (**) былъ предше-

(*) Все, что Руссо говоритъ въ своемъ Discours о Спартѣ и Римѣ, взято изъ Essais de Montaigne, главы XXIV, du Pedantisme. Жанъ - Жакъ любилъ Монтаня.

(**) Сей Поэтъ Талесъ жилъ прежде мудреца Талеса или Талеса.

чею сего законодателя ; явился въ Спарте съ зашоспруною лирою, воспѣлъ щастіе мудрыхъ законовъ, благо согласія, и восхитилъ сердца слушапелей. Тогда пришелъ Ликургъ, и Спарпанцы приняли его какъ друга боговъ и челоѣковъ, копораго усами въща- ла истина и мудрость. Во время впорой Мессенской войны повелѣ- валъ Лакедемонцами Аѣинской По- этъ Тирпей; онъ пѣлъ, игралъ на ар- фѣ, и воины его, какъ яроспные ви- хри, спремилсь на брань и смерпъ: доказательство, что сердца ихъ оп- верзались *впечатлѣніямъ изящнаго*, чувспвовали въ истинѣ красоту и въ красоту истину! — У нихъ были и собспвенные свои Поэпы, на прим. Алкманъ, копорой „всю жизнь свою посвящалъ любви, и во всю жизнь свою воспѣвалъ любовь“; бы- ли музыканпы и живописцы — первые гармоніею спрунъ своихъ возбуждали въ нихъ ревность герой-

спва ; кисть впорыхъ изображала красоту и силу, въ видѣ Аполлона и Марса, ччтобы Спартанки, обращая на нихъ взоры свои, раждали Аполлоновъ и Марсовъ — были и Рипоры, которые въ собраніяхъ народа, или на печальныхъ празднествахъ, учрежденныхъ въ память Павзанію и Леониду, убѣждали и прогали согражданъ своихъ — на прим. самые Аѳинцы удивлялись краснорѣчію Спартанца Бразида, и сравнивали его съ лучшими изъ Греческихъ Орапоровъ. Законы Лакедемонскіе не запрещали наслаждаться Изящными Искусствами, но не терпѣли ихъ злоупотребленія. Для сего-то Эфоры не позволяли гражданамъ своимъ чипать соблазнительныхъ пвореній Сапирика Архилоха; для сего-то велѣли они молчать лирѣ одного музыканта, которой нѣжною, томною игрою вливалъ ядъ сладостраспія въ души воиновъ ; для сего-то выгнали они

изъ Спарты того Рипора, которой хотѣлъ говорить о всѣхъ предметахъ съ равнымъ искусствомъ и жаромъ. Истинное краснорѣчіе, одушевленное правдою, на правдѣ основанное, было имъ любезно — ложное, софистическое, ненавистно. Теорія Морали ихъ пославлялась въ примѣръ ясной краткости, силы и убѣдительности, такъ что многіе Философы древности — на прим. Эалесъ, Пиптакъ и другіе, заимствовали отъ нихъ методы своего нравственнаго ученія.

Во вторыхъ — точно ли Спартанцы были добродѣтельнѣе прочихъ Грековъ? Не думаю. Тамъ, гдѣ въ забаву убивали бѣдныхъ невольниковъ, какъ дикихъ звѣрей; гдѣ пирански умерщвляли слабыхъ младенцевъ, для того что Республика не могла надѣяться на силу руки ихъ — тамъ, слѣдуя общему человѣческому понятію, не лзя искать нравственнаго совершен-

снѣва. Естѣли древніе говорили, что „самый Спарпанскій воздухъ все-ляетѣ кажется *Аретинѣ*“, то подѣ симѣ словомѣ разумѣли они не то, что мы разумѣемѣ нынѣ подѣ именемѣ *добродѣтели*, *vertu*, *Tugend*, а *мужество* или *храбрость* (*), которая только по своему употребленію бываетѣ добродѣтелью. Спарпанцы были всегда храбры, но не всегда добродѣтельны. Леонидѣ и друзья его, которые принесли себя въ жертву опечеснѣ, сущѣ мои Герои, истинно-великіе мужи, полубоги; безѣ слезѣ не могу я думать о славной смерти ихѣ при Термопилахѣ — но когда пипомцы Ликурговыхѣ законовѣ лили кровь человеческую для того, чтобы умножить число своихѣ невольниковѣ и поработить слабѣйшія Греческія

(*) *Арети* происходилѣ отѣ *Арисѣ*. Симѣ именемѣ, какѣ извѣстно, называется по Гречески *Марсѣ*.

обласпи: тогда храброспъ ихъ была злодѣйствомъ — и я радуюсь, что великой Эпаминондъ смирилъ гордоспъ сихъ Республиканцевъ, и съ надменнаго чела ихъ сорвалъ лавръ побѣды.

Аѳины — просвѣщенные Аѳины, гдѣ, такъ сказать, возраспали всѣ наши Искусства и Науки. — Аѳины производили также своихъ Героевъ, копорые въ великодушїи и храброспи не уступали Лакодемонскимъ.Themistocles, Arispides, Fokion! кто не удивляется вашему величію? Вы сіяете въ Истории человѣчества какъ благодѣтельные свѣтила — и вѣчно сіять будете! — Самъ божественный Сократъ, первый изъ мудрецовъ древности, былъ храбрый воинъ; онъ высочайшихъ умозрѣній Философіи лепѣлъ онъ на поле брани, умирая за любезныя Аѳины — и я не знаю, кто болѣе имѣетъ причинъ любить и защищать свое опечесство, сынъ

Софронисковъ , или какой нибудь Абдеришъ : первый наслаждается въ немъ всѣми благами жизни , цвѣтами Природы , Искусства , самимъ собою , своимъ человѣчествомъ , силами и способностями души своей ; а второй въ благословенной Абдерѣ — *живетъ* , и болѣе ничего. Для кого спрашивать узы варявовъ? Сократъ , сражаясь за Аѳины , сражается за мѣсто своего щастія , своихъ удовольствій , которыя вкушалъ онъ въ садахъ Философскихъ , въ бесѣдахъ друзей и мудрецовъ — Абдеришъ и подъ игомъ Персидскимъ можетъ быть Абдеришомъ (*).

Что принадлежило до Рима, по Науки не могли быть причиною

(*) Говорятъ еще, что упражненіе въ Наукахъ или въ Искусствахъ ослабляетъ плесныя силы, нужныя воину; но развѣ ученой или художникъ непременно долженъ морить себя въ кабинетѣ? Соблюдая умѣрен-

его паденія, когда Сципіоны посвящали имъ всѣ свободные часы свои и были — Сципіонами ; когда Катонъ, умирая вмѣстѣ съ Республикою, въ послѣднюю ночь жизни своей читалъ Платона ; когда Цицеронъ, ученѣйшій Римлянинъ своего времени, презиралъ опасность и гремѣлъ противъ Капилины. Сіи Герои были питомцы Наукъ, и припомъ Герои; болѣе такихъ мужей, и Римъ безсмертенъ въ своемъ величіи !

Я согласенъ, что чрезмѣрная роскошь, которая царствовала наконецъ въ Римѣ, была пагубна для Республики; но какую связь имѣетъ роскошь съ Науками? Сія полиппическая и нравственна язва пере-

ность въ трудахъ своихъ, онъ можетъ служить опечеству рукою и грудью не хуже другихъ гражданъ. Впрочемъ не Аплетовы силы, но любовь къ опечеству дѣлаетъ воиновъ непобѣдимыми.

шла въ Римъ изъ странъ Азіатскихъ, вмѣстѣ съ великимъ богатствомъ, которое бываетъ ея испочникомъ и пищею. Чѣмъ же обогатились попомки Ромуловы? Конечно не науками, но завоеваніями — и такимъ образомъ причина славы ихъ сдѣлалась наконецъ причиною ихъ гибели.

Успѣхъ самыхъ *пріятныхъ искусствъ* ни мало не зависить отъ богатства. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ, имѣютъ ли нужду въ Моголовыхъ сокровищахъ, для того, чтобы сочинить безсмертную Поэму, написать изящную картину, очаровать слухъ нашъ сладкими звуками? Потребны ли сокровища и для того, чтобы наслаждаться великими произведеніями Искусствъ? Для перваго нужны таланты, для втораго потребенъ вкусъ: и то и другое есть особенной даръ Неба, которой не въ мрачныхъ нѣдрахъ земли хранился,

и не съ золотымъ пескомъ приоб-
рѣщается (*).

И кто имѣетъ болѣе алчности
къ богатству, просвѣщенный че-
ловѣкъ или невѣжда? человекъ съ
дарованіями или глупецъ? Фило-
софъ цѣнитъ умозрѣнія свои дороже
золота. Архимедъ не взялъ бы милі-
оновъ за ту мину, въ которую
воскликнулъ онъ: *Эврика! нашелъ!*

(*) Но чѣмъ же въ бѣдной землѣ бу-
детъ награжденъ писатель или ху-
дожникъ? Похвалою, одобреніемъ, удо-
вольствіемъ своихъ согражданъ: вошъ
по, что истинному Арпису всего
милѣе, всего дороже! — Музы не умѣ-
ютъ считать денегъ, и бѣгутъ отъ
желѣзныхъ сундуковъ, на которыхъ
гремятъ замки и запоры. Тамъ, гдѣ
любятъ ихъ чистымъ сердцемъ; гдѣ
умѣютъ чувствовать красоту ихъ —
тамъ онѣ всемъ довольны, довольны
бѣдною хужиною и ключевою водою.
Въ другое мѣсто не заманишь ихъ и
славнымъ бриліантомъ Поршугаль-
ской Королевы.

нашелъ! Камозэнсѣ не думалъ о своемъ имѣніи, когда понуль корабль его; но, бросившись въ море, держалъ онъ въ правой рукѣ Лузіаду. Сіи опмѣнные люди находятъ въ самихъ себѣ источникъ живѣйшихъ удовольствій--и по тому самому богатство не можетъ быть ихъ идоломъ.

Но сколько заблужденій въ Наукахъ! Правда, для того, что онѣ несовершенны; но предметъ ихъ есть истина. Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываясь на воспокъ, и бывають предпечами злапаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтлозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, при-

демъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эѳирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство. Высочайшая Премудрость не хотѣла насъ удалить отъ нее сими различными запрудненіями, ибо мы можемъ преодолѣть ихъ, и сражаясь съ оными, чувствуемъ нѣкопорую радость во глубинѣ сердецъ своихъ: вѣрный знакъ того, что дѣйствуемъ согласно съ нашимъ опредѣленіемъ (*). Кажется, будто Натура, скрывая иногда истину — по словамъ Философа Демокрипа — *на днѣ глубокаго кладезя,*

(*) Во всякомъ случаѣ, гдѣ мы удаляемся отъ мудраго плана Натуры, отъ ея цѣли, обыкновенно чувствуемъ въ душѣ своей нѣкопорую тоску, нѣкошорое неудовольствіе, нѣкопорую непріятность. Сіе прошивное чувство говоритъ намъ: „ты оставилъ путь, предписанный тебѣ Натурою: обратись на него!“ Кто не повинуется сему гласу, тотъ вѣчно

хочешь единственнѣмъ того, чѣмъбы мы долѣе наслаждались пріятнымъ исканіемъ, и тѣмъ живѣе чувствовали красоту ея. Такъ нѣжная Дафна бѣжитъ и скрывается отъ спрашнаго Палемона, единственнѣмъ для того, чѣмъбы еще болѣе воспалилъ жаркую любовь его!

Науки съ Искусствами вредны и потому — продолжаетъ ихъ славной Анпагонистъ — *что мы тратимъ на нихъ драгоцѣнное время;* но какъ же, уничтоживъ всѣ Науки и всѣ Искусства, будемъ употреб-

будетъ несчастливъ. — Напрошивъ того всегда, когда дѣйствуемъ сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ, или съ волею великаго Творца, чувствуемъ нѣкоторое тихое удовольствіе, тихую радость. Сіе чувство говоритъ намъ: „ты идешь путемъ, предписаннымъ тебѣ Натурою: не возвращайся съ онаго!“

ляшь его? На земледѣліе, на ско-
 товодство? Правда, что земледѣ-
 ліе и скотоводство всего нужнѣе
 для нашего существованія; но мо-
 жемъ ли занять ими всѣ часы
 свои? Что спанемъ мы дѣлашь въ
 тѣ мрачные дни, когда вся Приро-
 да спитъ и облекается въ тра-
 уръ; когда сѣверные вѣтры обна-
 жають рощи, пушистые снѣга
 усыпають желѣзную землю, и ды-
 ханіе хлада закрываетъ двери жи-
 лищъ нашихъ; когда земледѣлецъ
 и пастухъ со вздохомъ оставля-
 ютъ поля, и заключаются въ сво-
 ихъ хижинахъ? Тогда не будетъ
 уже книгъ, благословенныхъ книгъ,
 сихъ вѣрныхъ, милыхъ друзей, ко-
 торые доселѣ улаживали для насъ
 печальную осень и скучную зиму,
 по обогащая душу великими исти-
 нами Философіи, по извлекая сле-
 зы чувствительности изъ глазъ
 нашихъ прогнательными повѣсто-
 ваніями. Священная небесная Ме-

ланхолія, мапъ всѣхъ безсмерт-
ныхъ произведеній ума человѣче-
скаго! ты будешь чужда хладному
нашему сердцу; оно забудетъ по-
гда всѣ благороднѣйшія свои дви-
женія, и сіе пламя всемірной люб-
ви, которое развѣваютъ въ немъ
творенія истинныхъ мудрецовъ и
друзей человѣчества, подобно уга-
сающей лампадѣ блеснетъ — и по-
меркнетъ! . . Руссо! Руссо! памятъ
твоя теперь любезна человѣкамъ;
ты умеръ, но духъ твой жи-
ветъ въ Эмилѣ, но сердце твое
живетъ въ Элоизѣ — и ты воз-
ставалъ противъ Наукъ, про-
тивъ Словесности! и ты проповѣ-
дывалъ щастіе невѣжества, сла-
вилъ безсмысліе, блаженство звѣр-
ской жизни! ибо что иное какъ не
звѣрь есть тотъ человѣкъ, копо-
рой живетъ только для удовле-
творенія своимъ физическимъ по-
требностямъ? Не уже ли скажутъ
намъ, что онъ, удовлетворяя симъ

потребностямъ , спокоенъ и щасливъ? Ахъ нѣтъ! на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ онъ бѣденъ и злополученъ; на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ чувствуетъ онъ вѣчной недосыпокъ, вѣчную скуку. Одинъ , чтобы наполнить сію мучительную пустоту сердца , выдумываетъ тысячу мнимыхъ нуждъ, тысячу мнимыхъ потребностей жизни (*); другой, угнетаемый бременемъ мысленной силы своей , ищетъ облегченія въ совершенномъ забвеніи самого себя , или прибѣгаетъ къ ужасному распуску. — Такъ конечно! человекъ носитъ въ груди своей пламенную Эпну : живое побужденіе дѣятельности, которое мучитъ празднаго — Искусства же и На-

(*) Вотъ главная причина роскоши ! Слѣдственно Науки, будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши , которая питается праздностію.

уки суть благотворный источникъ,
уполяющій сію душевную жажду.

Но развѣ добродѣтель не можетъ занять души твоей? возражаетъ Руссо. Учись быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ, полезнымъ гражданиномъ, теловѣкомъ, и ты не будешь празденъ! Что же есть Мораль, изъ наукъ важнѣйшая, альфа и омега всѣхъ Наукъ и всѣхъ Искусствъ? Не она ли доказываетъ человѣку, что онъ для собственнаго своего щастія долженъ быть добрымъ? Не она ли представляетъ ему необходимость и пользу гражданскаго порядка? Не она ли соглашаетъ волю его съ законами, и дѣлаетъ его свободнымъ въ самыхъ узахъ? Не она ли сообщаетъ ему тѣ правила, которыя разрѣшающъ его недоумѣнія во всякомъ затруднительномъ случаѣ, и вѣрною стезею ведетъ его къ добродѣтели? — Всѣ живошныя, кромѣ человѣка, подвержены успа-

ву необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра ни зла; но мы не имѣемъ сего, такъ сказать, *деспотическаго чувства*, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими; вмѣсто его данъ чело-вѣку разумъ, копорой долженъ *искать* истины и добра. Звѣрь видѣтъ и дѣйствуетъ; мы видимъ и рассуждаемъ, то есть сравниваемъ, разбираемъ, и по томъ уже дѣйствуемъ.

„Опѣ чего же пѣ люди, копорые посвящаютъ жизнь свою Наукамъ, не рѣдко имѣютъ порочные нравы?“ — Конечно не опѣ того, чпо они въ Наукахъ упражняются, но совсѣмъ опѣ другихъ причинъ: на прим. опѣ дурнаго воспитанія, сего главнаго источника нравствен-ныхъ золъ, и опѣ дурныхъ навыковъ, глубоко вкоренившихся въ ихъ сердце. Любезныя Музы вра-

чують всегда душевныя болѣзни. Хотя и бывають такіе злыя недуги, копорыхъ не могутъ онѣ излечить *совершенно*; но во всякомъ случаѣ дѣйствія ихъ благопворны — и человекъ, копорой, не взирая на нѣжной союзъ съ ними, все еще предаеся порокамъ, во мракъ невѣжества сдѣлался бы, можетъ быть, страшнымъ чудовищемъ, извергомъ творенія. Искусства и Науки, показывая намъ красоты величественной Натуры, возвышаютъ душу, дѣлають ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разспроивають прекрасную связь общежитія. Кто чрезъ міриады блестящихъ сферъ, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ, умѣетъ возноситься

духомъ своимъ къ престолу невидимаго Божества ; кпо внимаешъ гласу Его и въ громахъ и въ зефирахъ , въ шумъ морей и — собственномъ сердцѣ своемъ ; кпо въ апомѣ видишъ міръ и въ мірѣ апомѣ безпредѣльнаго творенія ; кпо въ каждомъ цѣпочкѣ , въ каждомъ движеніи и дѣйствіи Природы чувствуетъ дыханіе вышней Благости , и въ алыхъ небесныхъ молніяхъ лобызаетъ край Саваоовой ризы : пошъ не можетъ быть злодѣемъ . На мраморныхъ скрижаляхъ Испоріи , между именами изверговъ , покажутъ ли намъ имя Бакона , де-Карта , Галлера , Томсона , Геснера ? . . . Наблюдатель челоѣчества ! будь впорымъ Говардомъ , и посѣти мрачныя обители , гдѣ ожесточенные преступники ждуть себѣ праведнаго наказанія , — сіи несчастные , долженствующіе кровію своею примириться съ раздраженными законами ; спроси

— естѣли не онѣмѣють успа-
швои въ семѣ жилищѣ страха и
ужаса — спроси, кто они? и ты
узнаешь, что просвѣщеніе не бы-
ло никогда ихъ долею; и что благо-
дѣтельные лучи Наукъ никогда не
озаряли хладныхъ и жестокихъ
сердецъ ихъ. Ахъ! тогда повѣришь,
что ночь и тѣма есть жилище
Грей, Горгонъ и Гарпій; что все
изящное, все доброе любитъ свѣтъ
и солнце.

Такъ! просвѣщеніе есть Палла-
діумъ благонравія — и когда вы,
вы, копорымъ вышняя Власъ по-
ручила судьбу человѣковъ, желаете
распроспранить на землѣ обласъ
добродѣтели, то любите Науки, и
не думайте, чтобы онѣ могли
быть вредны; чтобы какое нибудь
соспояніе въ гражданскомъ обще-
ствѣ долженствовало пресмыкаться
въ грубомъ невѣжествѣ — Нѣтъ!
сіе златое солнце сіяетъ для всѣхъ
на голубомъ сводѣ, и все живущее

согрѣвается его лучами; сей текущій кристаллъ утоляетъ жажду и властелина и невольника; сей столбѣный дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и паспуха и Героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искусства и Науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человекомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій украшаютъ всякое сословіе — и просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго Самрапа.

Просвѣщенной земледѣлецъ! — Я слышу тысячу возраженій, но не

слышу ни одного справедливаго. Быть просвѣщеннымъ есть быть здоровомыслящимъ, не ученымъ, не политикомъ, не педантомъ. Можно судить справедливо и по правиламъ спрожайшей Логики, не читавъ никогда схоластическихъ бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кпо лучше опредѣляетъ ее: Томазій или Тширнгаузъ, Меланхтонъ или Рамусъ, Клерикусъ или Буддеусъ; не зная, что такое *энтимемата*, *барбара*, *целарентъ*, *феріо*, и проч. Для сего конечно не доспанетъ земледѣльцу времени, — ибо онъ долженъ обрабатывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣть въ душу нѣкоторыя правила, нѣкоторыя вѣчныя истины, которыя составляютъ основаніе и существо Логики — для сего же найдетъ онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнать

премудрость, благость и красоту Напуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее, и быть щасливѣе.

Я поставлю въ примѣръ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, которые пахутъ землю и собираютъ библіотеки; пахутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слыжалъ о славномъ Цюрихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-юкѣ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ которымъ Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ человека? — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, которой читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ, и даже иностранныхъ Авторовъ, и

самъ пишетъ прекрасные стихи(*). Сии упражненія не мѣшаютъ ему быть трудолюбивѣйшимъ работникомъ въ своей деревнѣ и прославлять долю свою. „Всякой день, гово-
ритъ онъ (**), благодарю я Бога за то, что Онъ опредѣлилъ мнѣ быть поселяниномъ, котораго состояніе есть самое ближайшее къ Напурѣ, и слѣдственно самое щасливѣйшее.“

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — *просвѣщеніе!* Гласомъ онаго благопворнаго грома, копорой не умерщвляетъ живущаго, а напаяетъ землю и воздухъ пищательными и плодотворными силами, вѣщай человѣкамъ: *созерцайте Природу, и наслаждайтесь*

(*) Многіе изъ нихъ читалъ я въ Нѣмецкомъ Музеумѣ.

(**) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ у него въ гостяхъ.

ся красотою ; познавайте свое сердце, свою душу ; дѣйствуйте всѣми силами, Твердскою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими чадами Неба!

Когда же свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственные Гарпіи, доселѣ осквернявшія чело-вѣчество, — исчезнутъ, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтъ дня исчезающъ ; тогда, можетъ быть, настанетъ златый вѣкъ Поэтовъ, вѣкъ благонравія — и тамъ, гдѣ возвышались теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ. —

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни паяж-

кой праздности. Хопя живу на краю сѣвера, въ опечествѣ грозныхъ Аквилонѣ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснешесь рукою, и печальная сосна въ лаврѣ Аполлоновѣ превращается; дохнете божественными усами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе разцвѣтають. Осыпанный вашими благами, дерзаю презираю блескъ тщеславія и суепности. Вы и Природа, (Природа и любовь добрыхъ душъ — вопіе мое щастіе, моя опрада въ горестяхъ! . . . Ахъ! я иногда проливаю слезы, и не спыжусь ихъ!

Меня не будетъ — но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мірѣ; любезный, нѣжно-образованный юноша, чистая нѣкопорыя мысли, нѣкопорыя чувства мои, скажетъ: *онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!*

~~~~~

НѢЖНОСТЬ ДРУЖБЫ ВЪ НИЗКОМЪ
СОСТОЯНІИ.

—————

Госпожа М*, возвращаясь изъ деревни въ Москву, оспановилась ночевать въ городкѣ О* на постояломъ дворѣ. Въ избѣ все было чисто и порядочно. Три прекрасные мальчика, какими пишунся Купидоны, играли между собою безъ всякой робости, подбѣгали къ хозяйкѣ, смотрѣли на ея часы, пабажерку, муфту, — смѣялись и прыгали. Госпожа М* хвалила, ласкала ихъ, и примѣтила радость на лицѣ молодой женщины, копорая спожала у печи. — „Конечно ты мать ихъ?“ спросила она съ улыбкою. „Нѣтъ, сударыня! отвѣчала женщина: это дѣти покойнаго брата моего. Мать ихъ пошла за водою.“

— И такъ не ты хозяйка въ домѣ? — „Все одно, сударыня! Мы обѣ хозяйки.“ — Видно, что ты любишь своихъ племянниковъ? — „Какъ не любить, сударыня! Вы сами ихъ хвалите.“ — Тупѣ мальчики подбѣжали къ шепкѣ, схватили ее за руки, и подняли вверхъ головенки свои; она съ нѣжностію всѣхъ перецѣловала. — Скоро пришла мать, женщина лѣтѣ въ тридцать, миловидная лицомъ. „Бѣдная! какъ ты озябла!“ сказала золовка, взявъ ее за руку: „поди скорѣе на печь; я буду служишь барынѣ.“

Между тѣмъ Госпожа М* опужинала, и всѣ люди ушли спать, кромѣ ее и двухъ хозяекъ, которыя просили, чтобы она дозволила имъ работать подлѣ свѣчи. Онѣ спалишишь и разговариваешь между собою, но очень тихо, боясь обезпокоишь свою гостью.

Госпожа М*. Говорите! говори-

те! Я не хочу спать; вы мнѣ не помѣшаете.

Золотка. Да вамъ скучно будетѣ насѣ слушать, сударыня. Мы не умѣемъ хорошо говорить. Маша, невѣспика моя, не глупа, очень не глупа; только робка и боится чужихъ людей—а я никогда не умѣю сказать того, что думаю.

Маша взглянула на нее, разсмѣялась и покачала головою. Она хотѣла сказать: *не правда; ты хорошо говоришь.*

Госпожа М*. Мнѣ кажется, что вы живете согласно.

Золотка. Да, сударыня! Мы, слава Богу! никогда не ссоримся. Маша моя такъ смирна, какъ овечка; а я люблю ее больше сестры родной: какъ же намъ жить не согласно?

Маша. Анюта любитѣ ребятшекъ моихъ какъ дѣтей своихъ, сударыня; а дѣти мои любятѣ ее какъ мать родную.

Госпожа М*. Вамъ должно быть очень весело, друзья мои?

Анюта. Какъ не весело, сударыня! Мы рады всегда бѣлому свѣту; вспае́мъ, молимся Богу, цѣлуемся, рабо́паемъ съ охотой, шу́тимъ, смѣ́емся, говоримъ почти безъ умолку; а когда сказа́ть не чего, такъ взгляды́ваемъ другъ на друга. По́слѣ работы о́пдыхае́мъ, играе́мъ съ дѣ́тьми, и не ви́димъ, какъ про́ходитъ день.

Госпожа М*. Давно ли живете вы въ одномъ домѣ?

Анюта. Болѣе десяти лѣтъ, сударыня.

Госпожа М*. И никогда не разсѣивались?

Анюта. Только одинъ разъ — правда, что надолго.

Госпожа М*. Вѣрно вы тогда не были еще такъ дружны?

Анюта. Нѣтъ, сударыня! Маша и тогда была мнѣ всего на свѣтъ милѣе. Мы съ самаго ребячества

любили другъ друга — и я опслужила въ церкви большой молебень, когда брагъ мой помолвилъ на ней женипсья.

Госпожа М*. Жаль, чпо они не долго жили вмѣстѣ. Брагъ швой, думаю, очень любилъ ее?

Маша взглянула на своего друга, и опустила глаза въ землю. Анюта задумалась, сняла со свѣчи, и сказала со вздохомъ: „Брагъ мой, сударыня—брагъ мой умеръ. Суди Богъ шѣхъ людей, копорые сбивали его съ пупи и научали худому!“

Тутъ Маша опять посмопрѣла на друга своего; въ глазахъ ея блиспали слезы.

Анюта. Я поклялась, сударыня, никогда не выходитьъ за мужъ. Мы женщины право лучше мужчинъ; они не умѣютъ любить насъ, и слезы наши имъ ничего.

Госпожа М* (съ улыбкою). Хорошо, чпо ты говоришь не съ женщиною.

Маша. Онѣ, право, былѣ доброй
человѣкѣ, Анюша!

Анюта. Богѣ съ нимѣ! — Пере-
спаненіѣ обѣ эпомѣ говоришѣ.

Госпожа М*. Когда же ты раз-
лучалась съ другомѣ своимѣ?

Анюта. Вотѣ видишѣ, сударыня
— братѣ мой не оставилѣ намѣ
ничего, кромѣ худой избы и —
проихѣ дѣшей, копорыя требова-
ли хлѣба. Чѣмѣ жишѣ? чѣмѣ кор-
мишѣся? Я вздумала ѣхашѣ въ Мо-
скву, кѣ шепкѣ своей башмачни-
цѣ, чшобы выучишѣся масперсшву
ея. Маша плакала, не хотѣла оп-
пустишѣ меня; я крѣпилась, уго-
варивала ее; продала лишнее свое
плашѣ, оставила ей рублей пяшѣ
денегѣ, залилась слезами и побѣха-
ла въ Москву.

Маша. Я не могу обѣ эпомѣ
вспомнишѣ!

Анюта. Тешка взялась учишѣ
меня съ охопою, и хотѣла, чшобы
я всегда жила у нее; шолько мнѣ

было скучно и грустно. Днемъ думала я о Машѣ, ночью думала о Машѣ, ходила по праздникамъ въ церковь, и молилась о Машѣ. Однажды, мѣсяца черезъ три, сдѣлалось мнѣ такъ тошно, что работа выпала у меня изъ рукъ, и я хотѣла броситься на колѣни передъ Образомъ — шумъ вдругъ оповорила дверь, и Маша кинулась мнѣ на шею. Копомка висѣла у нее за плечами; а въ рукахъ былъ посохъ. Бѣдная пришла пѣшкомъ.

Маша. Ахъ, сударыня! всякой кусокъ хлѣба казался мнѣ безъ нее горекъ; и дѣти переспали веселишь меня. Пришла весна, красные дни; ласпочка свила гнѣздо подъ нашею кровлею — Анюпы не было! Я просиживала у воротъ до самой ночи, и глядѣла на большую дорогу.

Анюта. Дурочка спосковалась по мнѣ, и передъ Троицынымъ днемъ вздумала сама иппи въ Мо-

скву, оставила дѣтей у нашего дяди, и пошла.

Госпожа М*. Какъ вы, думаю, обрадовались другъ другу!

Анюта. Такъ обрадовались, сударыня, что — не умѣю сказать вамъ. — Тетя моя, смотря на насъ, плакала; она доброй человѣкъ, сударыня; у нее жалосливое сердце. — „Мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя,“ говорила Маша: „слава Богу, что ты жива, — что ты здорова, — что ты меня любишь! Теперь мнѣ можно возвратиться къ моимъ ребятишкамъ.“ — Нѣтъ Маша! сказала я: нѣтъ, ты пойдешь домой не одна. Мнѣ было безъ тебя очень тошно; я пойду съ тобою. Богъ насъ прокормитъ.

Анюта обтерла слезы свои, и продолжала: „На другой день, въ праздникъ Троицы, повела я Машу свою въ городъ, на красную площадь, въ Соборы. Ей все казалось чудно; однакожь я шихонько гово-

рила ей, чшобы она ни на что не заглядывалась, и не очень дивилась“ — — —

Госпожа М*. Для чего же?

Анюта. Для того, сударыня, чшобы люди не назвали ее деревенскою, такъ какъ меня, когда я въ первой разъ увидѣла высокія каменные башни, большой колоколъ и спрашную пушку. — Когда за-
благовѣспили въ Соборѣ, Маша вынула изъ кармана два пучечка цвѣ-
товъ — „одинъ для тебя, Анюта (сказала она), а другой для меня; будемъ стоятъ съ ними у обѣдни.“

Маша. Подходя къ Москвѣ, сударыня, я нарвала въ лѣсу души-
стыхъ правокъ и цвѣпочковъ, и связала изъ нихъ два пучечка. Мнѣ хошѣлось что нибудь принести Анютѣ для Троицына дня.

Анюта. Обѣдню слушали мы въ Архангельскомъ Соборѣ. Мнѣ было очень весело; только я плакала — и Маша плакала — наши цвѣпоч-

ки взмокли отъ слезъ; однакожь не завяли. Вышедши изъ церкви, мы ими помѣнялись; и теперь, сударыня, лежатъ они у насъ за Образомъ.

Маша. Я часто смопрю на нихъ; стебельки и листочки высохли, а все еще хорошо пахнутъ.

Анюта. Въ тотъ же день простились мы съ шепкою, которая дала мнѣ двадцать рублей денегъ; я сказала вамъ, сударыня, что она доброй человѣкъ. — Время было лѣтнее; мы пошли пѣшкомъ; ночевали всегда въ полѣ, на бережку чистенькихъ ручейковъ, и спали подъ кусточками.

Маша. Соловьи пѣли тогда очень хорошо.

Анюта. Соловьи и жаворонки. Какъ весело было намъ слушать ихъ! — Благополучно пришли мы домой, взяли своихъ малюшкѣ, наняли себѣ эту избу, и спали держась постоялой дворъ. — Богъ къ

намъ милостивъ, сударыня; дѣши наши не терпящъ нужды.

Госпожа М*. И такъ вы совершенно довольны своимъ состояніемъ, друзья мои?

Анюта. Конечно, сударыня!

Госпожа М*. И ничего больше не желаете?

Анюта. Кромѣ того, чшобы Маша моя была жива и здорова. Ахъ, сударыня! она часто неможеть! . . . Вотъ одно мое горе!

Маша. Не бойся, Анюта! Богъ помилуетъ меня для тебя. Я не говорю о дѣтяхъ — у нихъ и безъ меня будетъ мать. Ты мнѣ жалка — я не хочу умереть!

Анюта. Сохрани Боже! Никогда не могу я видѣть въ лѣсу одной горлицы, чшобы не залилась горькими слезами. Дай Господи намъ жить и умереть вмѣстѣ — умереть, когда Ему угодно, только вмѣстѣ, въ одно время, чшобы и въ могилѣ лежали мы другъ подлѣ друга!

Маша. Чтобы и на помѣ свѣтѣ
были мы другѣ подлѣ друга!

Анюта. Я не могу жить безъ
Маши.

Маша. Я не могу жить безъ
Анюты.

Анюта. Маша!

Маша. Анюта!

Тутъ обнялись онѣ въ восторгѣ,
въ жаркомъ изліяніи сердецъ сво-
ихъ, забывъ все; слезы ихъ лились
градомъ; онѣ рыдали. . . .

Чипапель! это не выдумка. Сіи
нѣжные друзья живутъ и нынѣ въ
городкѣ О* *. Госпожа М* всегда
къ нимъ забзжаетъ, и никогда безъ
чувства съ ними не расстается.
Такія души, такая дружба, и въ
такое соспояніи!—Мизантропъ!..

АѢИНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Греки, Греки! кто васъ не любитъ? Кто съ холоднымъ сердцемъ можетъ вообразить себѣ прекрасную картину древнихъ АѢиновъ? Кто не скажетъ иногда со вздохомъ: „для чего я не современникъ Платоновъ?“

Нашъ вѣкъ имѣетъ свои преимущества — знаю — и великія преимущества. Однако жъ — — —

Скажутъ ли вамъ, государи мои, что мнѣ кажется? — Мы *утенѣ* Грековъ, а Греки были — умнѣ насъ, такъ какъ дѣти, бѣгающіе по весеннему лугу за пестрою бабочкою, умнѣ взрослыхъ людей, плывущихъ въ Америку или въ Индію за пряными кореньями.

Тамъ, въ опечесшѣ Сократовъ,

болѣе нежели гдѣ нибудь, болѣе нежели когда нибудь занимались люди важнымъ искусствомъ щастія. Наслажденіе было цѣлію ихъ философіи, экономіи, народныхъ собраній, праздноствъ, спектаклей, прудовъ и работъ. Вездѣ и во всемъ искали они — наслажденія; искали съ жаромъ спраспи, съ живѣйшимъ чувствомъ поппребности, какъ любовникъ ищетъ свою любовницу — и жизнь ихъ была, такъ сказать, самою цѣпущою Поэзіею.

Смѣйшесь, друзья мои! но я опдалъ бы съ радостію своей любимой темной фракъ за какой нибудь Греческой *хитонъ* (*) — и въ минуты пріятныхъ мыслей опдаю его — заверпываюсь въ пурпуровую мантію (разумѣется, въ воображеніи) — покрываю голову большою, распущеною шляпою, и высту-

(*) Родъ полукафтанья, которое носили Греки подъ мантіею.

паю, въ Альцибїадскихъ башмакахъ, ровнымъ шагомъ, съ философскою важностію — на древнюю Аѳинскую площадь. Тупъ многочисленной народъ волнуется; шупъ знакомые и незнакомые соспавляютъ одно шумное семейство, привѣтствуютъ и забавляютъ другъ друга, рассказываютъ новыя происшествія свѣта, Греціи, своего опечесства, домашніе анекдоты, прогательные и веселые, — шупятъ другъ надъ другомъ съ пою прїяпною и нѣжною оспропою, копорая отъ Аѳинъ получила свое названіе, и смѣшила людей безъ обиды и оскорбленія. Тупъ Рипоры и спихотворцы читаютъ наизустъ, свои сочиненія, и собираютъ достойныя похвалы: ибо всякой гражданинъ есть знающій крипикъ, умной судья всего умнаго; шупъ живописецъ показываетъ свою картину, ваятель спатую; слушаетъ мнѣнія зрителей, и поправляетъ

ея недоспапки. Тупѣ Философы и Софисты спорящѣ объ опвлеченныхъ истинахъ, о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ Метифики и Морали, и народѣ одобряетѣ плесками того, кто побѣждаетѣ своихъ противниковѣ силою краснорѣчія и доказательствъ. Тупѣ ученикѣ Гераклиповѣ представляетѣ Напуру страшнымѣ чудовищемѣ, безжалостною тиранкою, которая производитѣ чувствительныхъ пварей единственно для того, чтобы онѣ терзались и мучились. Тупѣ пріятель Абдерскаго мудреца (*) живыми красками описываетѣ благость самой сей Напуры, и вездѣ видитѣ безконечную жизнь и радость. Другой соединяетѣ противоположныя системы, и находитѣ въ необозримыхъ областяхъ творенія зло и добро, разрушеніе и новое бытіе, вѣчную

(*) Демокрита.

комедію и вѣчную трагедію. Третій весь міръ и все сущеє вѣ немѣ называєтѣ ничтожнымѣ привидѣніємѣ, всѣ знанія невѣжествомѣ, всѣ истины ложью, и человека — несчастною жертвою вѣчныхъ обмановъ. Наконецъ, упомянутый шумомѣ и множествомѣ любопытныхъ предметовъ, наполнившихъ, такъ сказать, всю мѣру души моей, я удаляюсь — ищу тишины, пріятнаго уединенія, — и древнія алеи, омывающія берегъ свѣтлаго Илисса, влекутъ меня въ прохладную тѣнь свою. Чувства мои нѣмѣютъ — подобно эху, вдали умирающему — подобно звуку, исчезающему въ воздушномѣ пространствѣ. . . . я теряюсь въ сладостномѣ забвеніи.

Аристевъ, доброй юноша, приближается ко мнѣ съ дружескою улыбкою — беретъ меня за руку — и мы, вдоль по теченію свѣтлаго Илисса, выходимъ на об-

ширныя равнины и пучныя поля,
 гдѣ зрѣлые колосы какъ златое
 море волнуется отъ вѣтра. Вездѣ
 приносятся благодарныя жертвы
 богинѣ Церерѣ; сельскіе олтари
 украшаются первенцами благосло-
 венной жатвы, и жнецы поютъ
 радостныя пѣсни:

Весело въ полѣ работать;
 Будьте прилѣжны, друзья!
 Класы златыя ссѣкайте
 Махомъ блестящей косы!

Солнце сіяетъ надъ нами;
 Птицы въ кусточкахъ поютъ.
 Весело въ полѣ работать;
 Будьте прилѣжны, друзья!

Чувствуйте милость Цереры,
 Доброй богини плодовъ!
 Жителямъ неба любезенъ
 Гласъ благодарныхъ сердецъ.

Скоро настанетъ и вечеръ;
 Вечеръ для отдыха данъ.
 Пользуйтесь часомъ работы,
 Пользуйтесь временемъ дня!

Мы мѣшаемся съ веселыми пол-
нами, и вмѣстѣ со всѣми поемъ:

Весело въ полѣ работашъ;
Будьте прилѣжны, друзья!
Класы златые сѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Звѣри работы не знаютъ,
Птицы живутъ безъ труда;
Люди не звѣри, не птицы —
Люди работой живутъ.

Между сими жнецами вижу я
пурпуровыя мантии; вижу Архон-
товъ, Сенапоровъ, Полководцевъ.
Собирание земныхъ плодовъ, непо-
средственнаго дара богини Цере-
ры, есть для Грековъ нѣчто свя-
щенное, — есть часть ихъ Бого-
служенія. Тамъ, за зеленою решеп-
кою густыхъ вѣтвей, пылаетъ и
развѣвается розовое пламя; тамъ
обѣдъ для жнецовъ готовился.
Здѣсь сельскія красавицы изъ бле-
стящихъ испочниковъ черпаютъ
свѣжую воду для прохлажденія

жаждущихъ работниковъ ; шумъ
сѣдые старцы сидящъ въ тѣни по-
меранцевыхъ деревъ, смотрящъ на
прудящихся юношей, и съ удоволь-
ствіемъ воспоминающъ о лѣтахъ
своей младости. —

Мы возвращаемся въ городъ, и
видимъ передъ собою храмъ Музъ,
окруженный густыми, крытыми
алеями — шумъ шумящъ водопа-
ды; шумъ шумящъ древніе яворы;
шумъ мудрый Плапонъ бесѣдуеъ
съ друзьями и учениками своими.
Приближаемся — глубокое молча-
ніе царствуетъ. Всѣ взоры устрем-
лены на божественнаго мудреца;
его взоръ устремленъ на небо;
глубокія чувства изображаются на
лицѣ его; слезы, священные слезы,
блистающъ въ его очахъ. Плапонъ
говорилъ о своемъ незабвенномъ
учищелѣ : ахъ ! могъ ли онъ гово-
рить объ немъ безъ сердечнаго
умиленія? „Такъ, друзья мои (про-
должаеъ чувствительный Фило-

софѣ) такъ! Сократъ былъ величайшій изъ божественныхъ смертныхъ; былъ славою не однихъ Аѳинъ, но всего человѣчества; былъ живымъ образомъ безсмертныхъ. Щасливъ, кто зналъ его! Щасливъ, кто любилъ его! Щасливъ, кто объ немъ слезы проливаетъ! . . . Сіи слезы будутъ всегда сладкою пищею моего сердца.“ — Платонъ съ блестящимъ и разительнымъ краснорѣчіемъ описываетъ всю жизнь великаго Сократа, жизнь, единой добродѣтели и мудрости посвященную; описываетъ чистоту и стройность его души, гармонію всѣхъ ея склонностей и побужденій; великія идеи его о Божествѣ и Натурѣ; пламенную любовь къ ближнимъ; ревность къ испребленію всѣхъ предразсудковъ, унижающихъ достоинство человека; усердіе къ распространенію всѣхъ благихъ истинъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу зем-

народныхъ ; всегдашнюю дѣятель-
 ность , поспоянство , неутоми-
 мость ; тихую скромность , копо-
 рая обнаруживалась во всѣхъ его
 дѣлахъ , во всѣхъ бесѣдахъ и ум-
 ствованіяхъ ; его спрасъ ко всему
 изящному , которое почиталъ онъ
 зеркаломъ внутренней доброты ;
 его нѣжность къ друзьямъ , учени-
 камъ и ко всѣмъ искреннимъ лю-
 бителямъ мудрости. — „И такой
 „человѣкъ имѣлъ враговъ , враговъ
 „злыхъ и непримиримыхъ ? Но
 „враги добродѣтели были его вра-
 „гами ! — И такой человѣкъ из-
 „верженъ изъ гражданскаго обще-
 „ства рукою правосудія ? Но право-
 „судіе людей не есть Небесное
 „правосудіе ! . . . О человѣчество ! я
 „оплакиваю твое ослѣпленіе ! О че-
 „ловѣчество ! я спенаю о твоихъ за-
 „блужденіяхъ ! Ослѣпленіе не мо-
 „жетъ быть вѣчно ; заблужденія
 „исчезаютъ отъ свѣта истины —
 „но ахъ ! благодѣтели твои лежатъ

„уже во прахѣ, умерщвленные,
 „расперзанные, бездушные! Ты
 „проливаешь слезы. . . . слезы не
 „оживяшѣ ихъ,— и Муза Истории
 „изобразишѣ на мраморѣ вѣчный
 „спыдѣ твой! — Но смерть была
 „Сократу торжествомъ и славою.
 „Невиненъ въ своемъ сердцѣ, онъ
 „безспрашно проспиралъ къ ней
 „руки свои. Невиненъ въ своемъ
 „сердцѣ, онъ не хотѣлъ прибѣг-
 „нуть къ силѣ краснорѣчія для сво-
 „его оправданія. *Изслѣдуйте всю*
 „жизнь мою, говорилъ мудрый: *ей*
 „должно меня оправдывать. — Съ
 „какою горестію, съ какимъ слад-
 „кимъ душевнымъ умиленіемъ мы
 „внимали ему въ послѣдніе часы его!
 „Онъ говорилъ о жизни, о добрѣ и
 „злѣ ея; говорилъ такъ, какъ плава-
 „тель, достигшій брега, говоришѣ
 „о пущахъ моря. Онъ говорилъ о
 „безсмертіи — и лучъ душевнаго
 „веселія, подобно кропкому свѣту
 „Авроры, озарялъ лице его; и жи-

„вое предчувствіе вѣчности, из-
 „ливаясь изъ его сердца, прони-
 „цало въ наше. Онъ говорилъ о сво-
 „ихъ непріятеляхъ. . . . Нѣтъ! про-
 „спи мнѣ, безсмертный духъ без-
 „смертнаго мужа! Нѣтъ! ты не
 „хотѣлъ именовать ихъ своими
 „непріятелями! Ты вѣрилъ Про-
 „видѣнію, зрѣлъ во всемъ руку
 „Его, и съ мирною, сердечною пи-
 „шиною покорялся Небесному успа-
 „ву. — *Обвинители мои торжеству-*
 „*ютъ, вѣщалъ мудрый: они не зна-*
 „*ютъ, что добродѣтельный остается*
 „*всегда побѣдителемъ!* — Мы
 „проливали слезы. . . . ахъ! болѣе о
 „жалкой своей участи, нежели о
 „его судьбѣ! Мы оспаивались сирота-
 „ми! . . Онъ утѣшалъ насъ, словами,
 „взорами, обѣщаніями. Уже смерпо-
 „носная чаша была въ рукѣ его(*)...

(*) Плашонъ, за болѣзнію, не былъ
 свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Со-
 кратовой жизни; онъ говоритъ здѣсь

„Крипонъ, любезнѣйшій ему уче-
 „никъ, блѣдный Крипонъ цѣловалъ
 „его руку. Юный, чувствитель-
 „ный Аполлодоръ рыдалъ непре-
 „спанно. Другіе закрылись ман-
 „тіями. . . *Ахъ! кто будетъ Гені-*
 „*емъ хранителемъ нашимъ?* восклик-
 „нулъ Анписпенъ. *Добродѣтель,*
 „оповѣщивалъ свяшый другъ
 „нашъ — и выпилъ чашу смерти.
 „Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. . . Со-
 „кратъ въ послѣдній разъ воззрѣлъ
 „на друзей своихъ — и еще любовь
 „сіяла въ очахъ его! . . . въ послѣд-
 „ній разъ! . . . Уже ядъ свирѣпство-
 „валъ въ его сердцѣ. . . . пламя жи-
 „зни угасало. . . угасло! . . . Міръ ли-
 „шился вѣнца своего! . . . Крипонъ
 „закрывъ глаза добродѣтельного!“
 — — Плапонъ преклонилъ голо-
 ву — всѣ слушатели рыдали —
 мы тихими шагами удалились отъ

то, что слышалъ отъ соучениковъ
 и друзей своихъ.

храма Музъ, съ полными, опягченными сердцами. —

Аристень ведетъ меня въ Театръ, огромное зданіе, копорому небо служишь кровомъ. Съ одной стороны возвышается сцена съ блестящими украшеніями, на другой — величественный амфитеатръ съ безчисленными уступами, гдѣ тысячи зрителей сидяшь въ глубокомъ молчаніи. Представляють Софоклова Эдипа. Является несчастный спарець, жертва судьбы, преступникъ невинный въ душѣ своей, изгнанный изъ опечесства, лишенный зрѣнія, оставленный людьми и богами. Исмена и Антигона, дочери и единственные друзья сердца его, раздѣляють съ нимъ всѣ бѣдствія. Оракулъ предсказалъ ему близкой конецъ; небо покрывается черными тучами; страшная гроза свирѣпствуетъ. Спарецъ чувствуетъ холодную ру-

ку смерти и обнимаешъ своихъ любезныхъ. . . .

Гремитъ ужасный громъ , небесный
сводъ пылаешъ —

О боги! часъ насталъ гибели моей!

Эдипъ, Эдипъ сей міръ навѣки остав-
ляешъ

И сердца своего любезнѣйшихъ дру-
зей! . .

Простите! . . . громъ гремитъ!

Х о р ъ.

Громъ гремитъ

И разитъ! . . .

Мы сердцами

И слезами

Молимъ васъ,

Боги гнѣва

И Эреба,

Въ страшный часъ!

Ахъ! пошлите

Солнца лучъ!

Разгоните

Мраки тучъ! . . .

Нѣшъ спасенья,

Избавленья

Намъ въ бѣдахъ! . . .

Погибаемъ! . . .

Ощущаемъ

Смерть въ сердцахъ!

Эдипъ лишается жизни. Ужасъ на всѣхъ лицахъ — въ душѣ сладкое удовольствіе. О чудо искусства! кто изъяснитъ твоей мистеріи? — О Софоклъ! — — Трагедія кончилась. Я вижу на сценѣ олтарь и сѣдовласыхъ Архонтовъ, приносящихъ жертву изліянія богу Вакху. Такъ Греки освящаютъ забавы свои, и тѣмъ болѣе наслаждаются!

Солнце позлащаетъ уже послѣдними лучами своими великолѣпный храмъ Минервинъ. Мы идемъ по Гермесовой улицѣ, и высокой, огромной домъ представляется глазамъ нашимъ, съ надписью: жилище Гиппія, сына Хабріева; храмъ удовольствій и счастья, отверстый для всѣхъ мудрыхъ любителей наслажденія. „Мы можемъ войти въ него“, говоритъ мнѣ Ариспенъ: „юный

Гиппій угощаєтѣ нынѣ друзей своихъ“. — Подѣ аркадами вспрѣчающѣ насѣ богато-одѣшые невольники, и ведущѣ въ прекрасную купальню, гдѣ свѣшлая ключевая вода блискаетѣ въ бѣлыхъ мраморныхъ бассейнахъ (*). Мы освѣжаємѣ въ прохладной влагѣ, напираемѣ себя драгоценными ароматами, опдыхаємѣ на шелковыхъ Вавилонскихъ коврахъ, и спѣщимѣ къ любезному хозяину, копорой, съ ласковою улыбкою, принимаетѣ насѣ въ великолѣпной галлерей, украшенной золотомѣ и слоновою костью. — Многочисленное собраніе друзей окружаєтѣ Гиппія, собраніе Философовъ, Орапоровъ, Поэшовъ, художниковъ и веселыхъ юношей. Тупѣ Синопской Діогенѣ забавляетѣ госпей своимѣ остроуміємѣ; издѣвается надѣ Плапономѣ; назы-

(*) Греки всегда купались или мылись передѣ ужиномѣ.

ваепѣ его мудрецомѣ *ощипанныхъ пѣтуховъ* (*); слушаепѣ съ не-
терпѣніемѣ Орапора Анаксимена,
важно чипающаго свое новое про-
изведеніе, — — ищепѣ глазами
конца рукописи — восклицаетѣ:
берегѣ, берегѣ, друзья мои! и за-
спавляетѣ всѣхъ смѣяться. Тупѣ
нѣжный Ксанѣосъ съ жаромѣ опи-
сываетѣ Аѣинскихъ красавицъ,
сравниваетѣ Лаису съ Кипридою,
Дорису съ Діаною, Эвхарису съ
Юноною, и заключаетѣ со вздохомѣ:
*но Левкиппа всѣхъ прекраснѣе, Лев-
киппа всѣхъ милѣе!* „Левкиппа его
любовница“ говоритѣ юноши съ у-
смѣшкою, и не хотятѣ ему про-

(*) Платонѣ, говоря однажды о чело-
вѣкѣ, сказалѣ, что онѣ есть *двунож-
ное животное безъ перьевъ*. Діогенѣ,
желая доказатѣ несправедливостѣ се-
го опредѣленія, принесѣ въ Академію
ощипаннаго пѣшука, бросилѣ его на
землю и закричалѣ: *друзья, смотри-
те: вотѣ человекѣ Платоновѣ!*

пивоѣчишь. — Тупъ Ликосъ, не давно бывшій въ Спартъ, превозноситъ до небесъ Лакедемонцевъ, ихъ простоту, презвостъ, мужество и добродѣтели. Теагенъ доказываетъ, что въ Спартъ учащій людей *презираетъ жизнь*, а въ Аѣинахъ *ею пользоваться* — и всѣ мы громкимъ рукоплесканіемъ извѣщаемъ согласіе свое съ Теагеномъ. — Спихопворецъ Гиппархъ краснорѣчиво изображаетъ намъ различныя достоинства Аѣинскихъ Трагиковъ; сравниваетъ Эсхила съ шумною рѣкою, которая спремилась между дикихъ, грозныхъ ущесовъ; Софокла съ прозрачнымъ каналомъ, орошающимъ сады и мирповыя рощи; Эврипида съ быспрымъ ручьемъ, который вокругъ зеленыхъ луговъ извивается.

Ужинъ готовъ — ужинъ, какъ будто бы самою богинею сласполюбія приготовленный. Видъ каждаго блюда даетъ уже предчув-

спвоваць амброзическій вкусъ онаго. Рыбы Сиціонскія, рыбы Беопійскаго озера лежашъ въ серебряныхъ сосудахъ вмѣстѣ съ разными ппипцами, копорыми оспровъ Мелосъ надбляешъ Аѣины; вмѣстѣ съ лучшими плодами садовъ и лѣсовъ. — Въ углахъ комнапы курятся ѣиміамъ и благовонныя маспы.

Приносятъ злапую чашу, обви-пую розами и наполненную виномъ Гераклепскимъ. Гиппій изливаетъ на Діанинъ жерпвенникъ нѣсколь-ко капель сего драгоцѣннаго, аро-матическаго нектара, и всѣ госпы пьютъ изъ чаши, въ знакъ общаго, искренняго дружества. Прекрасные мальчики, подобные Эропамъ, увѣнчиваютъ насъ цвѣтами, и по-дають каждому мирповую вѣпъвь, сплешенную съ лаврами. Веселіе сіаетъ на всѣхъ лицахъ, веселіе, не помраченное ни малѣйшимъ об-лакомъ заботы. Вина Коркирскія и Лезбійскія пѣняпся въ фіалахъ, ко-

порыя изъ рукъ въ руки переходятъ. Самъ Циникъ (*) начинаетъ улыбаться, чувствуя пріятную теплоту въ сердцѣ и на лицѣ своемъ, забываетъ свою бочку и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что и мудрый можетъ иногда наслаждаться всѣмъ избыткомъ благъ земныхъ. — Первая фіала посвящается опеческву; и мы поемъ:

Цвѣти, опечество святое,
 Сынамъ любезное, драгое!
 Мы всѣ богошворимъ тебя,
 И въ жертву принести себя
 Для пользы твоея гошovy.
 Ахъ! смерть ничто, когда оковы
 И стыдъ грозятъ твоимъ сынамъ!
 Такъ древле Кодры умирали,
 Такъ Леониды погибали
 Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.
 Союзъ родства и узы крови
 Не такъ священны для сердецъ,
 Какъ святъ законъ твоей любви.
 Оставишь милыхъ чадъ отецъ,

(*) Т. е. Діогенъ.

И сынъ родишеля забудешъ,
 Спѣша отечеслѣву служишь;
 Умрешъ онъ, но потомство бу-
 дешъ
 Героя полубогомъ чшишь.

Менипъ, искусный музыкантъ,
 беретъ арфу, настраи ваешъ,
 играешъ, и каждый изъ насъ поешъ
 въ свою очередь веселую пѣсню.
 Мы прославляемъ Вакха; описы-
 ваемъ его шумное пупешествіе въ
 Индію, — щаспливыя побѣды, ко-
 торыя не споили челоѣчеслѣву ни
 капли крови, и осыпали побѣжден-
 ныхъ благодѣянїями и новыми для
 нихъ дарами Природы (*).

Вакхъ не терпшъ мрачныхъ взо-
 ровъ;
 Вакхъ, любитель громкихъ хоровъ,
 Радость въ сердце тихо льешъ;
 Зависть, злобу испребляешъ;
 Горестъ, скорби умерщвляешъ;
 Въ миръ съ добрыми живешъ.

(*) Покоряя себѣ народы, онъ научалъ
 ихъ сажденію винограда.

Пойте Вакха, пойте радость;
 Пойте щастье, пойте младость—
 Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
 Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Впредь что будемъ, мы не зна-
 емъ—

Что прошло, позабываемъ:
 Настоящее для насъ.
 Презримъ суебность земную,
 Важность скучную, пустую;
 Часъ веселья сладкой часъ.

Пойте Вакха, пойте радость:
 Пойте щастье, пойте младость—
 Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
 Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Вдругъ передъ глазами нашими
 поднимается занавѣсъ, и мы ви-
 димъ на сценѣ девять Музъ (*),
 которыя ведутъ за руку Амура и
 привязываютъ его цвѣтами къ мир-
 ловому дереву. Тщешно умоляютъ

(*) Богачи Греческіе не рѣдко забавля-
 ли пріятелей своихъ, за ужиномъ,
 такими представленіями.

ихъ маленькой богъ : нѣтъ прощенія! Онъ хочетъ плакать , но слезы изъ глазъ его не льются— довольная и коварная улыбка играетъ на розовыхъ устахъ прелестнаго Амура! Въ сію минуу являеся Венера; сходитъ съ колесницы своей , и проситъ Музъ сжалишься надъ божественнымъ малюпкою, и возвратишь ему свободу ; но хитрый Купидонъ смѣется , ласкаетъ Парнаскихъ богинь , и не хочетъ свободы. Хоръ поетъ:

Я неволенъ,
Но доволенъ,
И желаю нѣннымъ быть.

Милы узы
Ваши , Музы;
Ихъ не тягостно носить.

Что мнѣ въ волѣ?
Я въ неволѣ
Веселъ, щастливъ и блаженъ.

Наслаждаюсь,
Восхищаюсь
И любовью упоенъ.

Музы обнимаютъ, цѣлуютъ милого своего плѣнника — и густое облако скрываетъ ихъ. — Скоро видимъ мы другое явленіе. Вдали слышится и шумитъ море; дикая скала возвышается надъ онымъ. Блѣдная женщина, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, съ пламеннымъ взоромъ, приближается къ намъ медленными, тихими шагами. Злапоспрунная лира въ рукахъ ея. Все умолкаетъ — мы внимаемъ — она играетъ и поетъ:

Почто, о богъ любви коварный!
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Почто Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плѣнилъ?

Почто? — Фаонъ не знаетъ страсти,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власти,
Огня, волненія въ крови!

Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ —

Дрожу, томлюся, умираю
Въ воспоргѣ, въ пламенныхъ сле-
захъ (*).

Мнѣ все прошивно, все постыло,
Когда сокроется Фаонѣ;
Брожу въ лѣсахъ, брожу уныло, —
Зрю тьму вездѣ и слышу стонѣ.

Жестокій Сафою скучаетѣ:
Ему несносенѣ взорѣ ея;
Жестокій Сафы убѣгаетѣ:
Ему несносна жизнь моя!

На что же мнѣ вздыхаешь, помишься?
Любовь злосчастная есть адѣ.
Иду отѣ страсти исцѣлишься
Въ твоихъ пучинахъ, о Леввадѣ (**).

(*) Читатель вспомнитѣ послѣднюю
строфу изъ 13-й Сафиной оды.

(**) Древніе Греки думали, что неща-
стные любовники, бросаясь въ море
съ Левкадской скалы, излечаются
отѣ своей страсти; многіе броса-
лись и — погибали.

Пусть жизнь съ любовью прекраш-
ся

Въ шумящихъ пѣнистыхъ волнахъ:

Рѣка забвенія спруишся

Въ блаженныхъ Орковыхъ спра-
нахъ (*).

Ея питательныя воды

Жаръ груди, сердца прохладяшъ,

И щастье мирныя свободы

Невинной Сафъ возвращашъ.

Я памъ жестокаго забуду,

Какъ упромъ забываюшъ сонъ. . .

О радость! . . . я любить не буду

Тебя, безжалостный Фаонъ!

Она спѣвши на дикую скалу,
и низвергается въ морскую пучи-
ну. Тихій и печальный хоръ поетъ:

(*) Мифологія говоритъ, что въ спра-
нахъ Орковыхъ, то есть въ жилищѣ
мертвыхъ, течетъ Лета, *рѣка заб-
венія*. Души умершихъ прежде всего
къ ней провождаются — пьютъ съ
жадностію воду ея, и забываюшъ всѣ
горести земной жизни. Прекрасная
выдумка! и много такихъ найдемъ
мы въ Греческой Мифологіи.

Погибаеѣ! . . . погибаетѣ! . . .
 Бездна Сафу поглощаетѣ!
 Лира Сафина вѣ волнахѣ —
 Нѣтъ души вѣ ея спрунахѣ! . . .
 Жертва спрасѣ, не порока!
 Жертва бѣдспвеннаго рока!
 Дарѣ небесный, сладкій гласѣ,
 Отѣ судьбы шебѣ не спасѣ!

Раздается ударѣ грома — и сце-
 на перемѣняется. Мы видимѣ Ора-
 кійскія долины и берегѣ дикаго
 Спримона; мы слышимѣ шумѣ рѣки
 — но шумѣ рѣки умолкаетѣ — Ор-
 фей, сидя вѣ уныніи среди печаль-
 ныхѣ кипарисовѣ, играетѣ на сво-
 ей лирѣ. Лавровый вѣнокѣ увялѣ на
 головѣ пѣснопѣвца. Орфей поетѣ:

„Могу ли надѣяться, боги мрач-
 „наго Оркуса, могу ли надѣяться,
 „что нѣжная лира моя пронетѣ еще
 „ваше хладное сердце; что вы, без-
 „смертныя Силы, впорично воз-
 „вращите мнѣ Эвридику, милую
 „Эвридику?“

„Ядовитое жало змѣи прекра-

„пило юную, весеннюю жизнь ея.
 „Нещасный Орфей лилъ слезы
 „день и ночь, скипался въ лѣсахъ
 „и пустыняхъ, одинъ съ своею го-
 „рестію, одинъ съ своею лирою,
 „помною и печальною. Ея унылые
 „звуки были опзывомъ моего уны-
 „лаго сердца.“

„Но скорбь моя не облегчалась;
 „время не могло упоить ее. Го-
 „нимый поскою, я нисшелъ въ
 „мрачное царство грозного Плупо-
 „на; прошелъ густые, темные лѣ-
 „са, гдѣ вѣчный ужасъ обитаетъ;
 „приблизился къ врагамъ ада, къ
 „жилищу оныхъ спрашныхъ боговъ,
 „копрыхъ никогда моленіе смерш-
 „ныхъ не смягчало... Звуки лиры
 „моей раздались въ глубочайшихъ
 „пещерахъ Таршара, и блѣдныя
 „шѣни изумились. Зміевласыя Фу-
 „ріи внимали, и чувствовали сла-
 „доснь гармоніи; умолкъ презѣв-
 „ный Церберъ, и колесо Иксионово
 „остановилось.“

„Смягчились жестокіе владыки
 „ада, и возвратили мнѣ любезную.
 „О воспоргѣ! о блаженствѣ! пор-
 „жество любви и гармоніи! — Но
 „гласъ Судьбы изрекъ: *страшисъ*
 „*въ предѣлахъ Тартара воззрѣть на*
 „*прекрасную; ты снова лишишся*
 „*ее, и навѣки!* — Уже приближа-
 „лись мы къ спранамъ свѣта, къ
 „обищеламъ земнородныхъ; уже
 „грозный лай адскаго спража едва,
 „едва достигалъ изъ отдаленія до
 „нашего слуха. . . о боги! внезапное
 „движеніе сердца возмутило кровь
 „мою — изреченіе Судьбы запъми-
 „лось въ умѣ моемъ — я обратилъ
 „взоръ на Эвридику! . . . увы! . . .
 „Эвридика исчезла, подобно легко-
 „му, воздушному метеору! . . Тще-
 „шно я спремился за нею, тщетно
 „призывалъ любезнѣйшую! Она
 „скрылась, съ блестящею слезою,
 „съ умильнымъ взглядомъ — уста
 „ея не произнесли ни упрека, ни
 „жалобы на ея злощаснаго убій-

„цу! . . Ахъ! любовь, любовь была
 „моимъ пресупленіемъ! — Верей
 „ада спрашно заскрыпѣли, и вра-
 „ша желѣзныя зашворились.“

„Могу ли надѣяться, боги мрач-
 „наго Оркуса, могу ли надѣяться,
 „что нѣжная лира моя пронетъ
 „еще ваше хладное сердце; что
 „вы, безсмертныя Силы, впорич-
 „но возвратите мнѣ Эвридику,
 „милую Эвридику?“

„Нѣтъ! законъ Судьбы вѣченъ;
 „завѣтъ Тарпара подобенъ діаман-
 „ту неплѣнному; успавъ вышнихъ
 „Силъ не премѣняется! — Я воз-
 „врапился на печальную землю;
 „поскую непрестанно! Уже слезы
 „изъ глазъ моихъ не льются; лира
 „не улаждаетъ сердца. Нѣтъ для
 „меня радостей въ жизни! Имя
 „любви ужасно моему слуху! —
 „Боги, адскіе боги! во мракъ Тар-
 „пара соедините Орфея съ Эври-
 „дикою!“

Гласъ пѣвца перерывается. Мы

слышимъ опять шумъ рѣки — и неспройные звуки мусикійскихъ орудій. Изступленные жрицы Вакховы какъ Фуріи спремятся къ Орфею, съ *тирсами* (*) и съ пламенниками, и восклицая: *эвое! эвое* (**)! окружающъ печальнаго. Тщепно думаетъ онъ спасись отъ ихъ свирѣпыхъ воспорговъ! злобныя мучающъ, терзающъ его, и наконецъ увлекающъ съ собою (***). Невидимый хоръ поетъ.

(*) Конья Вакханокъ.

(**) Обыкновенныя восклицанія Вакховыхъ жрицъ.

(***) Тракійскія женщины, какъ повѣствуютъ Мифологисты, расшерзали Орфея за то, что онъ, соблюдая вѣрность къ незабвенной Эвридикѣ своей, былъ нечувствителенъ къ любви, и не хотѣлъ удовлетворять ихъ сладострастнымъ вожделѣніямъ. — Плашонъ говоритъ не то, по ненависти евоей къ Поэтамъ; но мы не хотимъ вѣрить Плашону.

Нимфы, плачьте! нѣтъ Орфея! . .
 Вѣтрѣ унылый, тихо вѣя,
 Намъ вѣщаетъ: *нѣтъ его!*
 Ярость Фурій изступленныхъ,
 Гнусной спрасью воспаленныхъ,
 Прекрасила жизнь того,
 Кто плѣнялъ своей игрою
 Кровожаждущихъ звѣрей,
 Гармонической струною
 Трогалъ сердце лютыхъ Грей,
 И для нѣжной Эвридики
 Въ Таршарѣ мрачный нисходилъ.
 Ахъ спенайте! — Берегъ дикій
 Прахъ его въ себя вмѣспилъ.
 Сиротѣющая лира
 Оплѣ дыханія зефира
 Звукъ печальный издаепѣ:
Нѣтъ Пѣвца! Орфея нѣтъ!
 Эхо повторяетъ: *нѣтъ!*
 Надъ могилою священной,
 Мягкимъ дерномъ покровенной,
 Филомела слезы льетъ. —

Легкое облако задумчивости осѣ-
 нило пирующихъ. Чаши, розами
 оплешенныя, спояли передъ нами
 неподвижно. Молчаніе царствовало.
 Наконецъ кропкій Филоклесъ пере

рвалъ оное: „Что есть жизнь на-
 „ша?“ сказалъ юноша съ пихимъ
 вздохомъ: „*метта тѣни*, какъ гово-
 „ришь Пиндаръ; темное, печаль-
 „ное сновидѣніе, которое, исчезая
 „въ проснранспвахъ ничтожества,
 „оставляетъ горестную слезу въ
 „окѣ спящаго.“ — „Нѣтъ, будемъ
 „чувствительны, но будемъ и бла-
 „годарны!“ отвѣчаетъ ему мудрый
 Аристъ: „жизнь есть благій даръ
 „боговъ, милоспивыхъ и любез-
 „ныхъ. Горестъ соединена съ нею,
 „но горестъ имѣетъ свою опраду.
 „Сія опрада, кропкій свѣтъ души,
 „бываетъ мила сердцу. Не всегда
 „лучезарный Фебъ сіяетъ на небѣ;
 „но и пихая, ночная лампада имѣ-
 „етъ красоту свою. Горестъ сое-
 „динена съ жизнію; но самая го-
 „рестъ приготавливаетъ сердце на-
 „ше къ нѣжному чувству удоволь-
 „ствій. Печаленъ видъ Природы,
 „когда гремятъ громаы и шумный
 „дождь ліется изъ облаковъ рѣка-

„ми; но подѣ кровомѣ сей глубокой
 „пѣмъ оживляюшся въ земныхъ
 „нѣдрахъ сѣмена плодотворности.
 „Мракъ исчезнетъ: фіалка и лилія
 „расцвѣтутъ на зеленыхъ лугахъ
 „благословенной Аппики. . . . . Ча-
 „сто лучъ веселія меркнетъ въ
 „душѣ смертнаго: страшная ночь
 „осѣняетъ ее; слабый унываетъ;
 „сердце его поскуетъ. . . Утѣшь-
 „ся, спрадалецъ! Обрати взоръ
 „свой на воспочное небо: тамъ бѣ-
 „лѣется уже юный день, тамъ
 „скоро новый лучъ возсіяетъ, и
 „утренній пѣвецъ воспаритъ къ не-
 „бесамъ надъ пѣбою! — Друзья!
 „будемъ чувствительны, но будемъ
 „и благодарны! Всемогущіе боги
 „вліяли много радостей въ чашу
 „жизни нашей. Кто безъ душев-
 „наго веселія можетъ взирать на
 „сапфиръ неба, гдѣ пылаетъ вели-
 „колѣпное солнце, гдѣ сверкаютъ
 „милліоны звѣздъ блестящихъ, гдѣ
 „ясная луна смиренно красуется

„вѣ шихомъ своемъ печеніи? Кпо
 „безъ сладкаго чувствѣа можепѣ
 „вспуипѣ во свѣпилицѣ пальмо-
 „вой роци, чпобы, подѣ шумящими
 „лиспьями укрываясь опѣ зноя,
 „на мягкой муравѣ ожидапѣ кѣ се-
 „бѣ любезнаго Агапона или пре-
 „лестной Лидіи, и бесѣдовапѣ съ
 „ними о милыхъ сокровенноспяхъ
 „сердца, или предавапѣся воспор-
 „гамъ нѣжной спраспи? Когда же
 „на розмаринной вѣпъви, вѣ мину-
 „шы вечерніа, поепѣ соловей; ко-
 „гда невидимыа Нимфы по лугамъ
 „гуляюпѣ, и нѣжными руками сво-
 „ими обновляюпѣ на нихъ красо-
 „пы цвѣпювѣ и правокѣ, поблек-
 „шихъ опѣ дневнаго жара; когда
 „вѣ сладоспномъ вѣянїи зефира вся
 „Природа обѣявляетѣ намъ, кажепѣ-
 „ся, любовь свою и призываетѣ кѣ
 „сердечному наслажденїю — ахъ!
 „можетѣ ли человекѣ жаловапѣся
 „погда на учаспѣ свою? — Филок-
 „лесъ! я понимаю томный взглядѣ

„пвой. Крипонъ! я разумѣю кроп-
 „кій вздохъ пвого сердца. Меандръ!
 „блещащая слеза пвоя не скры-
 „лась опъ глазъ моихъ. Вы вкуси-
 „ли горестъ жизни. Филоклесъ!
 „пы лишился своего Агапона, не-
 „забвеннаго, добродѣтельнаго. Кри-
 „понъ! пы поперялъ свою Лидію,
 „прекрасную, чувспвишельную.
 „Слезы ваши орошають кипарисъ
 „и хладную гробницу; но — самыя
 „слезы служатъ вамъ упѣшеніемъ.
 „Мысль о любезныхъ питають ду-
 „шу; память любви ихъ есть цѣ-
 „лебный бальзамъ для вашего сер-
 „дца. Тамъ, гдѣ спенають горлица;
 „шамъ, гдѣ сбшуеъ филомела;
 „гдѣ анемонъ съ гіацинпомъ напо-
 „минають намъ безвременное увя-
 „даніе цвѣтущей юности — шамъ
 „духъ вашъ сладоспно погрузится
 „въ самого себя, и нѣжно обнимеш-
 „ся съ милою пѣнію. — Меандръ!
 „пы любилъ; но любовь пвою пре-
 „зирала жестокая!... Ободрись, юно-

„ша! Время, разсудокъ, философія,
 „тебя успокояѣтъ. Священная друж-
 „ба согрѣѣтъ твое сердце. Ты
 „можешь еще пользоваѣться жиз-
 „нію, и благословляѣть ея пріятно-
 „спи.“

„Друзья сограждане! мы весело
 „провели сей вечеръ; мы были ща-
 „сливы. Да будетъ таковъ вечеръ
 „жизни нашей — и съ тихою улыб-
 „кою подадимъ руку Майну сыну,
 „проводящему смертныхъ въ
 „свѣтлыя поля Елисейскія!“

Электрической огонь любви разли-
 ваѣтся въ сердцахъ нашихъ. Мы
 всѣ клянемся жить и умерѣть дру-
 зьями боговъ и человѣковъ.

Тутъ спѣшатъ къ намъ хоро-
 ды юныхъ красавицъ: однѣ играюѣтъ
 на флейтахъ; другія, наученныя
 персикхорою, прельщаюѣтъ глаза
 искусными тѣлодвиженіями и при-
 зываюѣтъ насъ къ пляскѣ. Кропкая
 радость уступаетъ мѣсто шум-
 ной. Нимфы приводятъ въ волне-

ніе кровъ нашу своїми взглядами...
 О чудо! я вижу суроваго Діогена,
 верпящагося съ рѣзвою Дафною, и
 важнаго Ликоса, хвалишеля спро-
 тивъ Ликурговыхъ законовъ, вижу—
 у ногъ смѣющейся Θεаны!—Но мнѣ
 ли открывають таинства Элевзин-
 скія? Угрюмый Гарпократъ кла-
 депъ палець на уста мои — и
 темная ночь одѣваетъ насъ покро-
 вомъ своимъ.

О друзья! все проходишь, все
 исчезаешь! Гдѣ Аѳины? Гдѣ жили-
 ще Гиппиево? Гдѣ храмъ наслажде-
 нія? Гдѣ моя Греческая мансія? —
 Мечта! мечта! Я сижу одинъ въ
 сельскомъ кабинетѣ своемъ, въ ху-
 домъ шлафрокъ, и не вижу пе-
 редъ собою ничего, квомъ догара-
 ющей свѣчки, измараннаго листа
 бумаги и Гамбургскихъ газетъ, ко-
 торыя завтра поутиру (а не пре-

жде: ибо я хочу спать нынѣшнюю
ночь покойнымъ сномъ) извѣспяпѣ
меня объ ужасномъ безумствѣ на-
шихъ просвѣщенныхъ современни-
ковъ.

МЕЛОДОРЪ къ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, любезный Филалетъ?
Въ какомъ уединеніи скрываешься?
Какіе предметы занимаютъ душу
твою? Чѣмъ питается твое сер-
дце? Что дѣлаетъ тебѣ жизнь прі-
ятною? — И думаешь ли нынѣ о
своемъ Мелодорѣ?

Ахъ! гдѣ ты? Сердце мое тебя
проситъ, пребудетъ. Оно помнитъ
любезные твои взоры, сладкой го-
лосъ, и нѣжныя, чувствомъ согрѣ-
ваемые обѣщанія, въ которыхъ жизнь
бывала ему вдвое милѣе — пом-
нитъ, и великъ глазамъ моимъ ис-
калъ тебя — великъ рукамъ мо-
имъ къ тебѣ простираться!

Океанъ шумѣлъ между нами: те-
перь мы въ одной землѣ — и не
вмѣстѣ! — Скажи слово, и Мело-

дорѣ лепитѣ къ тебѣ! — Въ ожиданіи сей минути буду хопя писать къ любезнѣйшему изъ друзей моихъ.

Пясть лѣтъ мы не видались: сколько времени? Сколько переменъ въ свѣтѣ — и въ сердцахъ нашихъ? ... Тысячи мыслей волнуется въ душѣ моей. Я хопѣлъ бы вдругъ перелипъ ихъ въ *твою* душу, безъ помощи словъ, копорыхъ искапъ надобно; хопѣлъ бы опкрыпъ тебѣ грудь мою, чпобы ты собственными глазами могъ чипапъ въ ней сокровенную испорію друга швоего, и видѣпъ — проспи мнѣ смѣлое выраженіе — видѣпъ всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ копорыми въ шихіе часы ночи сѣпуетъ нынѣ духъ мой, подобно спраннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, споврапныхъ Өивъ или великолѣпнаго Греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственомъ мірѣ, ловили въ Исторіи всѣ благородныя черпы души человѣческой, пищали въ груди своей эфирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ теловѣтеской* *возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству.* Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! — Радость сіяла на лицахъ нашихъ — и свѣтлой ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточикъ, и поющая пичка, все, все насъ веселило! Природа каза-

лась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣли божественность человѣчества.

Кто болѣе нашего славилъ преимуществъ осьмаго десятилѣтїа: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всеобщее распространеніе духа общности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, крепость Правленій, и проч. и проч.? — Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучъ надежды запылилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды: „все исчезнетъ, „и царство общей мудрости наступитъ, рано или поздно наступитъ „— и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума „человѣческаго, успѣлъ хотя од-

„нимъ шагомъ приближитъ людей къ
 „испючнику всѣхъ истинъ, успѣлъ
 „хотя единое плодоносное зер-
 „но добродѣтели вложить рукою
 „любви въ сердце чувствитель-
 „ныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ
 „ходъ всемірнаго совершенія!“

Конецъ нашего вѣка почитали
 мы концемъ главнѣйшихъ бѣдъспвій
 человѣчества, и думали, что въ
 немъ послѣдуетъ важное, общее
 соединеніе теоріи съ практикою,
 умозрѣнія съ дѣятельностію; что
 люди, увѣрившись моральнымъ обра-
 зомъ въ изящности законовъ чиста-
 го разума, начнутъ исполнять ихъ
 во всей точности, и подъ сѣнію
 мира, въ кровѣ пишины и спокой-
 ствія, наслаждаясь истинными бла-
 гами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія
 утѣшительная система? . . . Она
 разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесятъ вѣкъ кончается:
 что же видишь ты на сценѣ

міра? — Осьмойнадесять вѣкѣ кончається, и нещаспный филантропѣ (*) мѣряєтѣ двумя шагами могилу свою, чпобы лечь вѣ ней сѣ обманутымѣ, расперзаннымѣ сердцемѣ своимѣ и закрытѣ глаза навѣки!

Кто могѣ думатѣ, ожидатѣ, предчувспвоватѣ? . . . Мы надѣялись скоро вѣдѣтѣ челоувѣчеспво на горней степени величія, вѣ вѣнцѣ славы, вѣ лучезарномѣ сіяніи, подобно Ангелу Божію, когда онѣ, по священнымѣ сказаніямѣ, являється очамѣ добрыхѣ, — сѣ небесною улыбкою, сѣ мирнымѣ благовѣспіемѣ! — Но емѣспо сего восхищительнаго явленія видимѣ. . . Фурій сѣ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, копорыхѣ мы любили? Гдѣ плодѣ наукѣ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кропкихѣ, нравспвенныхѣ существѣ, сотворенныхѣ для щаспія? — Вѣкѣ просвѣщенія! я

(*) То есть, другѣ людей.

не узнаю тебя — въ крови и пламени не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя! . . . Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи спремился духъ мой къ божественной Нимфѣ; но — небесная красота исчезла — змѣишипящъ на ея мѣстѣ! — Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоценностей ума человѣческаго; драгоценностей, собранныхъ вѣками; драгоценностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! — И не только миллионы погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтуція страны (гдѣ щедрая Напура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пу-

спыни превращаются — сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго чело-вѣчества.

Мизософы (*) поржествуютъ. „Вопѣ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вопѣ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылаѣ огонь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что...? И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!“ — И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: *да погибнетъ!* — А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ общее мнѣніе: вообрази же слѣдствія!

(*) Ненавистники наукъ.

Кровопролипіе не можепѣ быти вѣчно ; я увѣренѣ. Рука , сѣкущая мечемѣ, ушомипся; сѣра и селишра испощапся вѣ нѣдрахѣ земли, и громаы умолкнушѣ; тишина рано или поздно наспанепѣ — но какова будепѣ тишина сія ? Еспѣли мершвая, хладная, мрачная?

Такѣ, мой другѣ, паденіе наукѣ нажепся мнѣ не только возможнымѣ, но и вѣроятнымѣ; не только вѣроятнымѣ, но даже неминуемымѣ, даже близкимѣ. Когда же падушѣ онѣ... когда ихѣ великолѣпное зданіе разрушипся, благодѣпельныя лампы угаснушѣ — что будепѣ ? Я ужасаюсь, и чувствую препенѣ вѣ сердцѣ! — Положимѣ, что нѣкоторыя искры и спасушся подѣ пепломѣ; положимѣ, что нѣкоторые люди и найдутѣ ихѣ, и освѣтятѣ ими шихія, уединенныя свои хижины : но что же будепѣ сѣ міромѣ, сѣ *цѣлымѣ* человеческимѣ родомѣ ? Ахѣ, мой

другъ! для добрыхъ сердець нѣтъ
 щаспія, когда они не могутъ дѣ-
 лить его съ другими. Истинный
 мудрецъ благословляетъ мудрость
 свою для того, что можетъ сооб-
 щать оную ближнимъ; иначе —
 смѣю сказать — будетъ она бре-
 менемъ для его челоѣколюбивой
 души. Александръ не принялъ со-
 суда съ водою, и не хотѣлъ упо-
 лять жажды своей тогда, когда все
 воинство его помилось; въ сію
 минушу былъ онъ подлинно Вели-
 кимъ Александромъ! Такія движе-
 нія неизвѣстны эгоистамъ; за то
 первой врагъ истинной философіи
 есть эгоизмъ.

Сверхъ того внимательный на-
 блюдашель видитъ теперь повсю-
 ду опверсшыя гробы для *нѣжной*
нравственности. Сердца ожесточа-
 ются ужасными происшествіями,
 и привыкая къ феноменамъ злодѣ-
 яній, теряютъ чувствительность.
 Я закрываю лице свое!

Ахъ, другъ мой! уже ли родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія, и долженъ, дѣйстви-
емъ какого нибудь чуднаго и тай-
наго закона, ниспадать съ сей вы-
сопы, чпобы снова погрузиться
въ варварство и снова, мало по ма-
лу, выходить изъ онаго, подобно
Сизифову камню, копорой, будучи
внесенъ на верхъ горы, собствен-
ною своею тяжестію скапывается
внизъ, и опять рукою вѣчнаго
пруженника на гору возносится?
— Горестная мысль! печальный
образъ!

Теперь мнѣ кажется, будто са-
мая лѣшописи доказываютъ *сѣро-*
ятность сего мнѣнія. Намъ едва
извѣстны имена древнихъ Азіат-
скихъ народовъ и царствъ; но по
нѣкоторымъ историческимъ оп-
рывкамъ, до насъ дошедшимъ, мо-
жно думать, что сіи народы были
не варвары; что они имѣли свои

искусства, свои науки: кто знает погдашніе успѣхи разума человеческого? Царства разрушались, народы исчезали; из праха ихъ, подобно какъ из праха фениксова, рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчески пивовали, учились и — славились. Можетъ быть зоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ, съ котораго начинается полная исторія. Библиотека Озимандіасова была конечно не первая въ мірѣ; была вѣрно ничто иное, какъ спасенный осколокъ древнѣйшихъ библиотекъ.

Египетское просвѣщеніе соединяется съ Греческимъ: первое оставило намъ однѣ развалины, но великолѣпныя, краснорѣчивыя развалины; картина Греціи жива передъ нами. Тамъ все прельщаетъ

зрѣніе, душу, сердце ; тамъ красующся Ликурги и Солонѣ, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидіи и Зевксисы — однимъ словомъ, тамъ должно дивиться употребленнымъ дѣйствіямъ разума и нравственности. Римляне учились въ сей великой школѣ, и были достойны своихъ учителей.

Что жь послѣдовало за сею блестящею эпохою человѣчества? Варварство многихъ вѣковъ, варварство ума и нравовъ — эпоха мрачная — сцена, покрытая чернымъ флеромъ для глазъ чувствительнаго философа!

Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая тьма. Наконецъ солнце наукъ возсіяло, и философія изумила насъ быспрыми своими успѣхами. Добрые, легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ; исчисляли, измѣряли путь духа; нап्रा-

гали взоръ свой — видѣли близкую цѣль совершенства, и въ радостномъ упоеніи восклицали: *берегѣ!* ... Но вдругъ небо дымилося, и судьба человечества скрывается въ грозныхъ пучахъ! — О попомство! какая участь ожидаетъ тебя?

Есѣли опять возвратимся на землю претій - и четвертый надесятъ вѣкѣ? ... Мы конечно не доживемъ до сего; но можемъ ли умирать покойно? И что надпишемъ надъ гробами своими? Развѣ скажемъ съ Сарданапаломъ: *Прохожій! усладдай свои чувства; все прочее нитто (*)*? — О мой другъ!

Печальныя сомнѣнія волнуютъ мою душу, и шумной городъ, въ копоромъ живу, кажется мнѣ пустынею. Вижу людей; но взоръ мой не находитъ сердца въ ихъ

(*) Квинтъ-Курцій пишетъ, что Александръ Великій нашелъ гробъ Сарданапаловъ съ сею надписью.

взорахъ. Слышу разсужденія, и опускаю глаза въ землю. — Говорю, но въпервъ разносятъ слова мои... мертвое эхо повторяетъ ихъ!

Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце; иногда упадаю на колѣни, и проспираю руки свои — къ Невидимому.... Нѣтъ опѣва! — Голова моя клонится къ сердцу.

Самая Природа не веселитъ меня. Она лишилась вѣнца своего въ глазахъ моихъ, съ того времени, какъ не могу уже въ ея обѣяніяхъ мечтать о близкомъ счастьи людей; съ того времени, какъ удалась отъ меня радостная мысль о ихъ совершенствѣ, о царствѣ истины и добродѣтели; съ того времени, какъ я не знаю, что мнѣ думать о феноменахъ нравственнаго міра, чего ожидать и надѣяться!

Вѣчное движеніе въ одномъ кругу; вѣчное повтореніе, вѣчная смѣ-

на дня съ ночью и ночи со днемъ;
вѣчное смѣшеніе истинъ съ заблужденіями, и добродѣтелей съ пороками; капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ . . . . . мой другъ! начпо жипъ мнѣ, тебѣ и всѣмъ? Начпо жили предки наши? Начпо будепъ жипъ попомспво?

Суди о хаосѣ души моей, копто-рой представляепъ мнѣ все пвореніе въ безпорядкѣ! Смопрю на восходящее солнце, и спрашиваю: почпо ты восходишь? Спою подѣ сѣнію шумящаго дуба, и спрашиваю: почпо шумишь?—Теперь все сущеспвуепъ для меня безъ цѣли.

Вообрази себѣ челоѣка, заснува-шаго сладкимъ сномъ въ пихомъ своемъ кабинетѣ, подлѣ нѣжной супруги, среди милыхъ дѣшей, и вдругъ, очарованіемъ какихъ нибудъ злыхъ волшебниковъ, пренесеннаго на сшепъ Африканскую—удары грома пробуждаюпъ его—неша-спный опкрываепъ глаза, видипъ

ночь и пустыню вокругъ себя —
 изумляется — думаетъ, и не пони-
 маетъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ
 случилось — слышитъ вездѣ ревъ
 звѣрей, и не знаетъ, куда идти...
 Гдѣ мирное жилище его? гдѣ нѣж-
 ная супруга? гдѣ милыя дѣти?...
 Нѣтъ пути! нѣтъ спасенія! . . .
 Онъ терзается, проливаетъ слезы,
 и устремляетъ взоръ на небо; но
 небо покрыто тьмою, небо грозно!
 — Состояніе сего человѣка нѣко-
 торымъ образомъ подобно моему.

Дружба, священная, любезная
 дружба! въ твои объятія изливаетъ
 сердце мое — сердце, жестоко уяз-
 вленное — горестныя свои чувства.
 Оживи его благопловнымъ своимъ
 бальзамомъ; улади нѣжнымъ со-
 спраданіемъ!

Филалетъ! ты вмѣстѣ со мною
 веселился нѣкогда жизнию, Приро-
 дою, человѣчествомъ; теперь скор-
 би со мною, или утѣшь меня!

Духъ мой унылъ, слабъ и печал-

ленѣ ; но я достоинѣ еще дружбы
твоей, ибо я—люблю еще добро-
дѣтель! — Вотѣ черпа, по копо-
рой ты всегда узнаешь Мелодора;
узнаешь и въ бурю и въ грозу, и на
краю могилы!

ФИЛАЛЕТЬ КЪ МЕЛОДОРУ.

Мелодоръ! слезы капились изъ глазъ моихъ, когда я читалъ любезное письмо твое. Давно уже такія сладкія чувства не посѣщали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается въ юности — неразрывная и пріятнѣйшая. Она сливается въ чувствительной системѣ нашей со всѣми плѣнительными воспоминаніями весеннихъ лѣтъ, сего краснаго утра жизни, лучшей эпохи нравственнаго бытія. Два добрыхъ сердца, привыкшія любить другъ друга, находящія въ сей любви источникъ нѣжнѣйшихъ удовольствій и добродѣтельнѣйшихъ радостей. Ахъ, мой другъ! можешь ли сомнѣваться въ посвятенствѣ

своего Филалеша? Вездѣ, гдѣ ни былъ я, — и въ жаркихъ и въ холодныхъ зонахъ — вездѣ образъ твой путешествовалъ со мною, освѣжалъ томнаго странника подъ огненнымъ небомъ Линіи, и согревалъ его въ предѣлахъ льдиспаго полюса. Наконецъ я въ отечестве, и не съ тобою? Но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ чужія земли. Къ щаспію сіе извѣстіе, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодоръ въ одной странѣ съ Филалешомъ! . . . Спѣши, спѣши къ своему другу! Въ сельскихъ кущахъ ожидаю тебя — тамъ, гдѣ нѣкогда съ улыбкою встрѣчали мы весну, съ грустію провожали лѣто; гдѣ заключился навѣки союзъ душъ нашихъ.

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое спирается, милыя надежды твои исчезли; ты ищешь на сце-

нѣ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили, и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякой даръ любви, и всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсвѣвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о

бѣдствіяхъ челоѣчества, и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но не уже ли, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Уже ли, въ опчаяніи горести, будемъ проклиная міръ, Природу и челоѣчество? Уже ли откажемся навѣки отъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, спремится къ благошворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ спихіи угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами, и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спасись

опѣ кораблекрушенія съ моимѣ добрымѣ мнѣніемѣ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемѣ, которое составляетѣ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемѣ основаніи : я съ улыбкою паду подѣ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихѣ ужасовѣ, скажетѣ Небу : *Ты благо и премудро ; благо твореніе руки Твоей, благо сердце теловѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной !*

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя , прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковѣ и злодѣевѣ, добродѣтель — чуждое растѣніе на земномѣ шарѣ , просвѣщеніе — острый кинжалѣ въ рукахѣ убійцы ! Нѣтъ , мой другѣ ! пусть докажутѣ мнѣ напередѣ , что Богѣ не существуетѣ ; что Провидѣніе есть одно слово безѣ значенія ; что мы дѣли случая ,

слѣпленіе а помовѣ, и болѣе ничего! Но гдѣ же шопѣ безумный извергѣ, копорый захопѣлъ бы увѣритъ меня въ сихъ спрашнныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣщую землю, положу руку на сердце, и скажу апейспу: ты безумецѣ!

Не уже ли, видя Бога въ еспественномѣ мірѣ, видя руку Его въ печеніи планетѣ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временѣ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномѣ нравспественномѣ мірѣ, копорый по сущесству своему долженъ бытъ, еспѣли смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божесства? Соглашаюсь, что порядокъ моральный не столь явспвенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе запрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ бытъ единспвенно отъ

шого мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая гармонія. Дай несвѣдущему творенія Локковы : что онъ скажетъ объ нихъ ? Дай ему сказку Кребилюнову : онъ восхищется ею. Последняя хороша въ своемъ родѣ ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческой?—Можетъ быть то, что кажется смертному великимъ неуспройствомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ ; можетъ быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сіи мысли ведутъ меня ко святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному ; духъ мой, бременю плотию одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное ; я упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы не лзя было ожидать опѣ Все-вышняго и тогда, когда бѣ рука Его возжгла полько единое солнце на голубомѣ небесномѣ сводѣ? Но шамѣ горяшѣ ихѣ билліоны. Топѣ, Кіпо великолѣпно прославилѣ Себя вѣ Напурѣ, великолѣпно прославилѣ Себя и вѣ челоуѣчеспвѣ. — Не будемѣ требоуашѣ опѣ вѣчной Премудроспи опчета вѣ темныхѣ пупяхѣ Ея; не будемѣ требоуашѣ того для собспвеннаго нашего спокойспвія! — Знаешѣ ли, чпо всего болѣе плѣняешѣ меня вѣ дружбѣ? Довѣренность, копорую два сердца имѣюшѣ одно кѣ другому. Пусшѣ гнусное злословіе всѣми спрѣлами своими язвилѣ опдаленнаго Пипіаса: Дамонѣ внимаешѣ клеветѣ и сѣ презрѣніемѣ опвергаешѣ ее (*). *Мѣтѣ!* я знаю моего

(*) Дамонѣ и Пипіасѣ — славные друзья вѣ древноспи.

друга ; гдѣ бы онъ ни былъ , добродѣтель вездѣ съ нимъ ; что бы онъ ни сдѣлалъ , дѣло его не преступленіе. Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣшь намъ той довѣренности , которую два человека могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце ; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злобѣ , любовь къ добродѣтели : сей Богъ конечно обратишь все къ цѣли общаго блага.

Сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце , возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея , мой любезный другъ , и лучъ утѣшенія крошечко озаришь мракъ души твоей! — Горе той философіи , которая все рѣшивъ хочетъ! Теряясь въ лабиринтѣ неизбяснимыхъ запрудненій , она можетъ довести насъ до отчаянія , и тѣмъ скорѣе , чѣмъ еспе-

спвенно-добрѣ сердце наше. Иногда, признаюсь тебѣ, я самъ бываю слабъ и печаленъ; отвращаюсь отъ свѣта, отъ людей, и говорю съ Грессепомъ:

*Je suis mal où je suis, & je veux
être bien;*

душа моя стремится во мракъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ лѣсовъ, во мракъ — самаго ничтожества; но я стараюсь уменьшать число такихъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о всепворачающемъ Божествѣ, Которое не есть Божество Лукреціево, не есть Божество Эпикурово. „Развѣ Оно не любитъ человека?“ думаю самъ въ себѣ: „развѣ Оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ міръ нашъ не въ Его рукѣ вмѣстѣ съ милліонами другихъ міровъ?“ . . . Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше—и взоръ мой

проясняется ; опираю слезы — и мирюсь съ судьбою, мирюсь съ человѣческимъ родомъ. Иду въ тихій кабинетъ свой, читаю добрыхъ философовъ, утѣшителей ; размышляю — и сравниваю жестокія потрясенія въ нравственномъ мірѣ съ Лиссабонскимъ или Мессинскимъ землетрясеніемъ, которое свирѣпствовало, разрушало и наконецъ утихло ; на берегахъ Тага снова возвышается великолѣпный городъ — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнью.

Будемъ, мой другъ, будемъ и нынѣ утѣшаться мыслию, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь переспанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ, и не исчезнетъ вовѣки ; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилонны; но рано или поздно наста-

непѣ благотѣтельная весна, и сѣмя
распустился онѣ живошворнаго
дыханія зефировѣ.

Вѣрю, и всегда буду вѣришь,
что добродѣтель свойственна че-
ловѣку, и что онѣ сотворенѣ для
добродѣтели. Кто не плѣняется
описаніемѣ златаго вѣка, вѣка не-
винности? Кто не проливаетѣ
слезѣ умиленія, внимая повѣсшво-
ванію о дѣлахѣ великодушія и ге-
ройства? Кто не любитѣ вообра-
жать себя добрымѣ, благотѣтель-
нымѣ сущесшвомѣ? Мой другѣ! я
былъ среди такѣ называемыхѣ про-
свѣщенныхѣ народовѣ, былѣ среди
народовѣ дикихѣ, и видѣлъ, что ве-
здѣ, во всѣхѣ странахѣ, человекѣ
дѣлаетѣ зло съ пасмурнымѣ лицомѣ,
а добро съ пріятною улыбкою! . . .
Сія черта нравсшвенности любезна
философу.

Соглашаюсь съ побою, что мы нѣ-
когда излишно величали осьмойна-
десять вѣкѣ, и слишкомѣ много

ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидають насъ лучшія времена; что природа чело-вѣческая болѣе усовершенствуется — на примѣрѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ — нравственность болѣе исправится, — разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устройство мирнаго блага жизни, и зло насоящее послужитъ къ добру будущему.

Что принадлежитъ до мизософовъ, мой другъ, то они никогда, никогда поржесствовашь не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напрошивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія?

Развѣ не истина, развѣ ложь еспѣ
существо наукъ?—Разогнемъ кни-
гу Испоріи: за что не лилась кровь
человѣческая? На примѣрѣ, распри
судевѣрія вооружали сына пропивѣ
опца, брата пропивѣ брата; но ка-
кой безумецъ вздумаетъ обвинять
пѣмъ самую Религію? Напропивѣ
того не она ли обезоружила нако-
нецъ сихъ фанатиковъ, озаривѣ свѣ-
помъ своимъ, свѣпомъ любви и кро-
поспи, ихъ пагубныя заблужденія?
Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю
довѣренность къ мудроспи Власпи-
шелей, и спокоенъ; я имѣю довѣ-
ренность къ благоспи Всевышняго,
и спокоенъ. Нѣтъ! свѣпильникъ
наукъ не угаснетъ на земномъ ша-
рѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ
намъ опрадою въ горестяхъ? Развѣ
не въ ихъ мирномъ свяпилищѣ укры-
ваемся мы отъ всѣхъ бурь жишей-
скихъ? Нѣтъ, Всемогущій не ли-
шитъ насъ сего драгоцѣннаго ушѣ-
шенія добрыхъ, чувствительныхъ,

печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благошворно ; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели , доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ, и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума ; одно просвѣщеніе живо-дѣлительною теплою своею можетъ изсушить сію пину нравственности , которая ядовитыми парами своими мерзвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный анкидопъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества! — Кто скажетъ мнѣ: науки вредны , ибо осьмойнадесятъ вѣкъ , ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами ; шому скажу я : „осьмойнадесятъ вѣкъ не могъ именовать себя со всѣхъ сторонъ просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами.

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ древней Азіи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Исторія заснула людей во младенчествѣ, въ начальной простотѣ, которая не совмѣстна съ великими успѣхами наукъ. Даже и въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первые магазины знаній, въ которыхъ легкія истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были ничто иное, какъ — милая дѣтши! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго опрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннета, Ари-

спопеля и Локка—я не говорю о Кантѣ—и по помѣ скажи мнѣ, что была Греческая Философія въ сравненіи съ нашею? —

Для чего и теперь не думаешь намѣ, что вѣки служатъ разуму лѣстницею, по которой возвышается онѣ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ однако жъ, отъ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлая идеи ума) не послужило ли *о́цломъ* къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ шѣмъ лучезарнѣе, и шѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣтиль-

ники разума въ Европѣ, наконецъ сами просвѣпились, и новый ѿимѣамъ возкурился Музамъ на земномъ шарѣ. —

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ человѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ, и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ Истории никакихъ повпореній. Всякой вѣкъ имѣетъ свой особый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все несправедливое, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ вѣки! —

Природа уже не веселииѣ тебя?.. тебя, моего добраго, моего любезнаго Мелодора? Нѣтъ! пока чувствительное сердце бьется въ груди твоей, люби Природу; ушѣвайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ! Люди, по несчастному заблужденію, могутъ быть злы: Природа никогда! Нѣтъ, Мелодоръ! будемъ всегда нѣжными чадами нѣжной матери; будемъ наслаждаться ея благостию и безчисленными красотою! Иногда жаркая слеза выкапшся изъ глазъ нашихъ: кропкѣй зефиръ осушитъ ее.

Въ отвѣтъ на горестное заключеніе письма твоего скажу: — „если ужасное пробужденіе описаннаго тобою несчастливца было ничто иное — какъ новый сонъ; если онъ впрочемъ откроетъ глаза; если всѣ ужасы вокругъ его исчезнутъ; если Морфей унесетъ ихъ съ собою въ царство ничтожества и тѣней . . . ?“

Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить
 въ семъ мірѣ. Ударить часъ, и все
 переменится! Съ сею любовію къ
 добродѣтели, которая была, есть
 и будетъ вѣчнымъ характеромъ ду-
 ши твоей, падемъ въ могилу и за-
 кроемся тихою землею! . . .

*Тамъ, тамъ, за синимъ океа-
 номъ,*

*Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
 тамъ вѣнецъ безсмертія и радости
 ожидаетъ земныхъ спужениковъ!*

Д Е Р Е В Н Я.

Благословляю васъ, мирныя сельскія пѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые луга, и поля, золотыми класами покрытыя! Благословляю тебя, кропкая рѣчка, и васъ, журчащія ручейки, въ нее текущія! Я пришелъ къ вамъ искать отдохновенія.

Давно уже душа моя не наслаждалась такою пищиною, такимъ совершеннымъ уединеніемъ, такою совершенною свободою. Я одинъ — одинъ съ своими мыслями — одинъ съ Напурою.

Какъ мила Природа въ деревенской одеждѣ своей! Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, — лѣта, проведенныя мною въ пишинѣ сельской, на краю

Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены Напуры были первымъ предметомъ его вниманія. Ударъ грома, скапавшійся надъ моею головою съ небеснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя; и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи. — —

Вижу садъ, алеи, цвѣтники — иду мимо ихъ — осиновая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство прошивно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Французскихъ и Англійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженные березками и липками, производятъ во мнѣ какое-то прошивное чувство. Гдѣ видны прудъ и работа, тамъ нѣтъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью. Мнѣ кажется, что оно не

такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человекомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкается безъ любви. Напура лучше нашего знаетъ, гдѣ раски дубу, вязу, липѣ; человекъ мудритъ и порицаетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличиваетъ духъ мой. Рощи мои будутъ цѣлы — пусть зароспаютъ онѣ высокою правою! Паспушка пойдетъ искать заблуждшейся овцы своей, и проложитъ мнѣ пропину. Къ тому же я люблю преодолевать затрудненія — люблю продираюсь сквозь чащу кустарника и раздѣлять сросшіяся вѣтви. Ядовитая змѣя услышитъ шорохъ и удалится отъ ноги моей. Листья, къ которымъ дыха-

ніе челоѡѡческое рѣдко прикасаеш-
ся, свѣжѣе и бальзамичнѣе.

Не хочу я имѣть въ деревнѣ
большаго, высокаго дому; всякая
огромность пропивна сельской про-
стошѣ. Домикъ какъ хижина, ни-
зенькой, со всѣхъ сторонъ осѣня-
емый деревьями— жилище прохла-
ды и свѣжести — вопѣ чего же-
лаю! Не будетъ виду изъ оконъ —
правда—но его и не надобно. Есѣ-
ли я, сидя въ своей комнаѣ, вижу
прелесные ландшафты, то мнѣ
не такъ скоро захочется иѣти гу-
лять. Нѣтъ, гораздо лучше смо-
трѣть на нихъ съ какого нибудь
холма. Да и какъ улыбнулся передо
мною долины и пригорки, когда я
взгляну на нихъ, вышедши изъ мо-
его сумрачнаго жилища! Въ комна-
ѣ надобно только отдыхать или
работать, а наслаждаться въ полѣ.

Д е н ь м о й.

И челоѡкъ просыпаетъ сіи пор-

жественные часы утра, когда бѣ-
 лая облака на позлащенныхъ хреб-
 тахъ своихъ выносятъ изъ безднѣ
 океана свѣтлосвѣтлаго жениха Напу-
 ры, привѣтствуемаго громкими
 хорами живаго творенія! — Молчу,
 и покланяюсь! — Удивительно ли,
 что младенцы человѣчества, чада
 дикой Природы, просподушные на-
 роды древности обожали сіе вели-
 колѣпное свѣтило, на все жизнь
 и свѣтъ изливающее? Оно есть
 покровъ и одежда невидимаго Бо-
 жества.

Какая свѣжесть въ воздухѣ! Мо-
 ря благоуханій волнуется между
 небомъ и землею, какъ между дву-
 мя берегами, раздѣленными вели-
 кимъ пространствомъ.

Уже спада разсыпаются вокругъ
 холмовъ; уже блистаютъ косы на
 лугахъ зеленыхъ, поющей жаворо-
 нокъ въется надъ прудящимся по-
 селяниномъ — и нѣжная Лавинія

приготовляетъ завтракъ своему Палемону.

Гуляю среди полей разноцвѣтныхъ. Здѣсь сребрился распѣніе Азіи; тамъ желтѣетъ колосистая рожь; тутъ зеленѣетъ ячмень съ острыми иглами своими. Живописецъ! кисть твоя никогда не изобразитъ всѣхъ оппѣнокъ сей прекрасной картины!

Возвращаюсь въ свое тихое жилище. Стаканъ густыхъ, желтыхъ сливокъ ожидаетъ меня: какъ они пріятны послѣ упренней прогулки! — Теперь перебираю книги свои; нахожу Томсона — иду съ нимъ въ роццу, и читаю — кладу книгу подлѣ малиноваго куспочка, смотрю на высокія дерева, на густую зелень вѣтвей, которая, при мерцающемъ свѣтѣ солнца, изъ тѣни въ тѣнь переливается; слушаю разногласный шумъ листьевъ, столь отличный отъ городского, Парижскаго, Лондонскаго

шуму — погружаюсь въ задумчивость, и по томъ снова берусь за книгу.

Время лепитъ, и часы мои показываютъ полдень. Выхожу изъ рощи — солнце льетъ на меня пламя — въперокъ не дышитъ — серебрящіеся листочки осинника не колеблются, легкое перо лежитъ на муравѣ неподвижно — василекъ повѣсилъ свою головку: песпрая Сильфида опдыхаетъ на немъ. Все молчитъ, кромѣ спрекозы, сидящей подъ томною правкою — пчела съ сладкимъ запасомъ своимъ сокрылась въ улей — селянинъ покоится на бальзамической правѣ, имъ скошенной. Рѣчка журчитъ и манитъ меня къ берегамъ своимъ — подхожу — ея струи прельщаютъ, влекутъ меня — не могу пропиться сему влеченію, и бросаюсь въ текущій кристаллъ. Двѣ ивы сплетаютъ надо мною зеленую бесѣдку — лучъ солнечный едва, едва

проницаєть сквозь кровь ея, и пещириють осѣненную воду. Прохлада освѣжаеть мое сердце. . . . Ахъ! потъ не знаетъ одного избъживѣвшихъ чувстввенныхъ удовольствій, кто въ жаркое время никогда въ рѣкѣ не купался!

Обѣдъ мой готовъ — два блюда, самыя просшыя, соспавляють его. — Сажусь подъ тѣнію вяза, распущаго прошивъ самыхъ оконъ моихъ; чишаю ла-Фонпена, Грессепа — книга избъ рукъ моихъ выпадаетъ, и понкая дремота на нѣсколько минутъ покрываетъ глаза мои флеромъ — зефиръ свѣваетъ его — пробуждаюсь, и чувствую легкой жаръ въ моей внутренности — услужливой садовникъ приноситъ мнѣ корзинку съ благовонною малиною. . . . Какъ пріятны, освѣжительны сіи сочные плоды щедрой Натуры! Ахъ! можно ли не любить ее за все то, чѣмъ она тѣшитъ и нѣжитъ человека!

Жаръ проходишь — иду на лугъ ботанизировать, какъ маленькой Коммерсонъ — люблюсь правками и цвѣточками — разсмаприваю ихъ тонкія жилочки, зубчатые краешки, пестренкіе листочки, будто бы изъ тончайшаго шелка сотканые, то гладкіе, то пушистые — удивляюсь разнороднымъ испареніямъ, разнороднымъ сокамъ, варимымъ въ цвѣточныхъ чашечкахъ искусною Природою — удивляюсь тонкимъ сосудамъ, въ которыхъ сіи питательные соки обращающающа, и которые втягивающъ во внутренность растѣнія питательный воздухъ. Срываю — и каждую правку, каждый цвѣточекъ бережно завертываю въ особливую бумажку. Возвращаясь въ свою комнату, разбираю, кладу ихъ на солнце, и не будучи многоученымъ Ботаникомъ, на каждое растѣніе пишу краткія примѣчанія. На прим. „Сіи бѣлые цвѣточки съ желтою

„опшѣнкою, на гладкомѣ, темно-
 „зеленомѣ, сочномѣ спелѣ, прі-
 „япны для глазѣ, но еще пріяпнѣе
 „для обонянія. Когда сокроепся
 „дневное свѣпило и вечерній мракѣ
 „сгустипся въ пространствѣ воз-
 „духа, поди въ темную рощу: тамѣ
 „нервы твои запрепещупѣ опѣ
 „небеснаго благоуханія, и ты въ
 „сладоспномѣ упоеніи чувствѣ вос-
 „кликнешь: *Ангелѣ на крылахъ но-*
 „*ти спусти ся въ рощу! Нѣтъ! сіе*
 „благоуханіе изливаєпся изѣ коло-
 „кольчиковѣ, копорые бѣлѣюпся
 „въ густой травѣ, и по спра-
 „ведливости называются *красо-*
 „*тою ноги.*“

Я слышу свирѣль пастуха —
 спадо : возвращаетпся въ деревню,
 и каждая овечка находипѣ дворѣ
 свой; но селянинѣ еще не возвра-
 пился съ поля. — Какѣ пріяпенѣ
 чай на чистомѣ воздухѣ! Вечерніе
 ароматы льюпся ко мнѣ въ чашку.
 Но я спѣшу видѣти конецѣ луче-

зарнаго дня — спѣшу на высокой
 песчаной берегѣ излучистой рѣчки.
 Тамъ обширной гладкой лугѣ пред-
 ставляется глазамъ моимъ — и за
 симъ лугомъ, по свѣплому небу,
 капишся вечернее солнце, въ пи-
 хомъ велелѣпїи и въ кропкомъ ве-
 личесствѣ. Уже доспигаеиъ оно до
 враиъ запада — мерцаеиъ за пон-
 кимъ, злаповолнующимся обла-
 комъ — распопляеиъ его лучами
 своими — являеиъ снова во всей
 полноиъ своей — бросаеиъ на зем-
 лю блескъ и сїаніе — и скрывает-
 ся. Вечерняя заря алѣеиъ теперь
 на западѣ. — Такъ мудрый и добро-
 дѣпельный мужъ, котораго жизнь
 была благопворнымъ свѣпиломъ
 для нравспвенныхъ существъ, со-
 брапїи его, пиho и великолѣпно
 приближаеиъ къ цѣли своего пе-
 ченїа. Пылкое воображеніе съ лѣпа-
 ми прохлаждаеиъ, но разумъ не
 темнѣеиъ и на западѣ жизни; спо-
 койное величество блистаеиъ на

челѣ мудраго и въ самое то время, когда мрачная могила передъ нимъ разверзается ; послѣдній ясный взоръ его есть послѣднее благодѣяніе для человѣчества. Онъ скрывается, но память его сіяетъ въ мірѣ какъ заря вечерняя.— Я преклоняю колѣна. Всемогущій! сердце мое Тебѣ открыто : исполни его желаніе, достойное человека!

Величественная ночь несется на черныхъ орлахъ своихъ ; ея темная мантия развѣвается по воздуху, и все на землѣ засыпаетъ.

Я одинъ иду по тихой равнинѣ, въ молчаніи, въ глубокой задумчивости. Но вдругъ душа моя содрогается отъ внезапнаго блеска огненныхъ лучей. Смопрю на восточное небо — тамъ въ сизыхъ пучахъ блискаетъ молнія, и освѣщаетъ передо мною развалины старой церкви и густою правою заросшія могилы. Съ другой стороны восходитъ свѣтлая луна; не-

бо вокругъ ея чисто.—Такъ мракъ
и свѣтъ, порокъ и добродѣтель,
буря и спокойствіе, скорбь и ра-
доспѣ, совокупно владычествуюпѣ
въ нашемъ мѣрѣ!

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОД- НОЙ ГОРДОСТИ.

Любовь къ отечеству можетъ быть
*физическая, моральная и политиче-
ская.*

Человѣкъ любитъ мѣсто своего
рожденія и воспитанія. Сія привя-
занность есть общая для всѣхъ
людей и народовъ ; есть дѣло При-
роды, и должна быть названа *фи-
зическою*. Родина мила сердцу не
мѣстными красотою, не яснымъ
небомъ, не пріятнымъ климатомъ,
а плѣнительными воспоминаніями,
окружающими, такъ сказать, ут-
ро и колыбель человѣчества. Въ
свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни;
она есть первое щастіе — а на-
чало всякаго благополучія имѣетъ
для нашего воображенія какую-то

особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапланецъ, рожденный почти въ гробъ Природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ щастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ челоѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унпервальденъ, въ суровой Гларисѣ, ожи-

ваетъ. Всякое растѣніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ Природы и для человѣка не измѣняется. — Не говорю, чѣмъ естественныя красоты и выгоды опчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя Природою, могутъ быть нѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бывають главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ нѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ моральныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или

моральная любовь къ опечеспву, споль же общая, какъ и первая, мѣспная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе : ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга : съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливаться душу въ искреннихъ разговорахъ ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями опечеспва ! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ ; ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ

колець или зєєньєвѣ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой Напурѣ, случилось мнѣ встрѣпити Голландскаго Патріота, который, по ненависти къ Шпапгальперу и Ораниспамъ, выѣхалъ изъ опечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасной домикъ, физической Кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину Природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегмашика удивилъ меня своею живоспїю: „Никто не можетъ быть щасливъ внѣ своего опечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей, и обрзовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ не лзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ

„тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и
 „живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ:
 „прудно пріучаю себя къ ново-
 „спяю, и мнѣ скучно!“

Но физическая и моральная привязанность къ опеческу, дѣйствіе Напуры и свойствъ человека, не составляющіе еще той великой добродѣтели, кою славятся Греки и Римляне. Патриотизмъ есть любовь ко благу и славу опеческа, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и по тому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая Философія есть та, кою основываетъ должность человека на его щастьи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу опеческа, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его пища и добродѣтели служатъ щипомъ се-

мейственныхъ наслажденій ; что слава его есть наша слава; и есть-ли оскорбительно чловѣку называться сыномъ презрѣннаго опца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго опечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ опечеству, а личное самолюбіе гордость народную, копорая служитъ опорою Папріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, копорые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Папріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много Папріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смирены* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ Полипикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, по-

го безъ сомнѣнія и другіе уважають не будучь.

Не говорю, чѣмъ любовь къ опечесству долженствовала ослаблять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Руской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обшпояпельства были для нихъ щаспливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; спанемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повпоримъ его съ благородною гордоспію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чѣмъ возвысимъ наше происхожденіе; слава была колыбелію народа Рускаго, а побѣда вѣспницею быпія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Испорики Ви-

заншійскіе говоряшъ о нашихъ пред-
кахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ,
копорымъ ничто не могло пропи-
вишься, и копорые опличались онъ
другихъ Сѣверныхъ народовъ не
только своею храбростію, но и ка-
кимъ то рыцарскимъ добродушіемъ.
Герои наши въ девятомъ вѣкѣ иг-
рали и забавлялись ужасомъ по-
гдашней новой столицы міра: имъ
надлежало только явишься подв-
спѣнами Констанпинополя, чпобы
взяшь дань съ Царей Греческихъ.
Въ первомъ-надесять вѣкѣ Рускіе,
всегда превосходные храбростію,
не уступали другимъ Европейскимъ
народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя
по Религій пѣсную связь съ Ца-
ремъ-градомъ, копорый дѣлился съ
нами плодами учености; и во время
Ярослава были переведены на Сла-
вянской языкъ многія Греческія
книги. Къ чести пвердаго Рускаго
характера служишь то, чпо Кон-
станпинополь никогда не могъ при-

своиць себѣ политическаго вліяннѣя на опечесство наше. Князья любили разумѣ и знаніе Грековѣ, но всегда гошовы были оружіемѣ наказатѣ ихѣ за малѣйшіе знаки дерзоспи.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приголовили поржесство Ченгисѣ-Хановыхѣ попомковѣ и наши долговременныя бѣдспвія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамѣ рока, но и вѣ самомѣ нещаспії являющѣ свое величіе. Такѣ Россія, перзаемая люпымѣ врагомѣ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное испребленіе спыду рабспва. Жипели Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя вѣ жершву народной гордоспи, и пѣмѣ спасли имя Рускихѣ опѣ поношенія. Испорикѣ, упомянутый сими нещаспными временами, какѣ ужасною безплодною пуспынею, опдыхаемѣ на могилахѣ, и находимѣ оп-

раду въ помѣ, чѣобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ опечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устранили востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на пронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно опмспилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только бытъ на престолѣ рѣшительному, смѣлому Государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ представляешь опять горестную карпину мятежа; но скоро любовь къ опечесству воспламѣняетъ сердца — граждане, земледѣльцы требующіе

военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, вспаеиъ сѣ одра болѣзни. Добродѣшелъный Мининъ служииъ при мѣромъ ; и кто не можеиъ опдаиъ жизни опечеспиу , опдаеиъ ему все, что имѣеиъ. . . Древняя и новая Испорія народовъ не представляеиъ намъ ничего прогашельнѣе сего общаго , геройскаго Паприопизма. Въ царспвовање АЛЕКСАНДРА позволено желеиъ Рускому сердцу, чтобы какой нибудь доспойный монументъ , сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ опечеспиу) , обновиъ въ нашей памяпи славную эпоху Руской Испории. Такіе монументы возвышаиъ духъ народа. Скромный Монархъ не запрепиъ бы намъ сказати въ надписи , что сей памятникъ сооруженъ въ *ЕГО щастливое* время.

· ПЕТРЪ Великій, *соединивъ* насъ

съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унижилъ народную гордоспъ Рускихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, лепѣли сражашся съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учишелей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, копорые еще лучше говорятъ, не же ли сражающся, и такъ часто пвердятъ о своихъ ужасныхъ шпыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха шпыковъ Рускихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть

великое свойство души; народъ, имъ опличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожь не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудросію своею равняюся съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщающіяся. Наша людскость, понѣ общества, вкусъ въ жизни, удивляющіи иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмаго-надесять вѣка считался варварскимъ.

Зависники Рускихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *персимтивность*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго

образованія души? Сказываютъ, что училища Лейбница находили въ немъ также одну *пережитивость*.

Въ Наукахъ мы споймъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что меньше другихъ занимаемся ими, и что ученое сословіе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Если бы наши молодые дворяне *у насъ могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннеповъ. Успѣхи Липпературы нашей (которая пребуетъ меньше учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя Науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слоги въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ ше-

спомѣ - надєсять вѣкѣ философ-
спововалѣ и писалѣ Монпанѣ: чудно
ли, что они вообще пишутѣ луч-
ше насѣ? Не чудно ли, напрошивѣ
того, что нѣкоторые наши произ-
веденія могутѣ стоять на ряду съ
ихѣ лучшими, какѣ въ живоспи мы-
слей, такѣ и въ оппѣнкахѣ слога?
Будемѣ только справедливы, лю-
безные сограждане, и почувспву-
емѣ цѣну собспвеннаго. Мы нико-
гда не будемѣ умны чужимѣ умомѣ
и славны чужою славою: Француз-
скіе, Англійскіе Авторы могутѣ
обойтись безѣ нашей похвалы; но
Рускимѣ нужно по крайней мѣрѣ
вниманіе Рускихѣ. Расположеніе
души моею, слава Богу! совсѣмѣ
противно сапирическому и бран-
ному духу; но я осмѣлюсь попе-
нять многимѣ изѣ нашихѣ люби-
телей чтенія, которые, зная луч-
ше Парижскихѣ жипелей всѣ про-
изведенія Французской Литпера-
шуры, не хотятѣ и взглянуть на

Рускую книгу. Того ли они желаютъ, чѣмбы иностранцы увѣдомляли ихъ о Рускихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе крипическіе Журналы, которые опдаютъ справедливостъ нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбершову мамку, копорая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умной человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Рускаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оспавимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ Дамамъ ушверждашь, что Руской языкъ грубъ и не пріятенъ; что *charmant* и *séduisant*, *expansion* и *vapeurs* не

(*) Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова Одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

могущь бысть на немъ выражены ;
и чпо, однимъ словомъ, не споймъ
прудѣ знашь его. Кпо смѣнъ до-
казывають Дамамъ, что онъ оши-
баются? Но мущины не имѣютъ
такого любезнаго права судить
ложно. Языкъ нашъ выразителенъ
не только для высокаго краснорѣ-
чія, для громкой, живописной Поэ-
зіи, но и для нѣжной простоты,
для звуковъ сердца и чувствитель-
ности. Онъ богатѣе гармонією,
нежели Французской; способнѣе
для изліянія души въ тонахъ; пред-
ставляетъ болѣе *аналогическихъ*
словъ, то есть сообразныхъ съ вы-
ражаемымъ дѣйствіемъ: выгода,
которую имѣютъ одни коренные
языки! Бѣда наша, что мы все хо-
тимъ говорить по-Французски, и
не думаемъ прудиться надъ обра-
ботываніемъ собственнаго языка:
мудрено ли, что не умѣемъ изъяс-
нять имъ нѣкоторыхъ тонкостей
въ разговорѣ? Одинъ иностранной

Министръ сказаль при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма поменъ, ибо Рускіе, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и потчасъ должны прибѣгать къ Французскому.“ Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для Папріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хопятъ *свистать* и *шипѣть* по-Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человекъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую морально!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ

бздяпѣ, и какѣ убираюпѣ дома? Паптріотѣ спѣшипѣ присвоипѣ опечеству благодѣшельное и нужное, но опвергаепѣ рабскія подражанія вѣ бездѣлкахѣ, оскорбипельныя для народной гордоспи. Хорошо и должно учипся; но горе и человѣку и народу, который будепѣ всегдашнимѣ ученикомѣ!

До сего времени Россія безпре-
спанно возвышалась какѣ вѣ поли-
пическомѣ, такѣ и вѣ моральномѣ
смыслѣ. Можно сказапѣ, что Ев-
ропа годѣ опѣ году насѣ болѣе
уважаепѣ — и мы еще вѣ срединѣ
нашего славнаго печенія! Наблю-
дапелѣ вездѣ видипѣ новыя *отра-*
сли и развитія; видипѣ много пло-
довѣ, но еще болѣе цвѣша. Сим-
волѣ нашѣ еспѣ пылкій юноша:
сердце его, полное жизни, любипѣ
дѣяпельность; девизѣ его еспѣ:
труды и надежда! — Побѣды очи-
спили намѣ пупѣ ко благоденспвію;
слава еспѣ право на щаспіе.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ.

Богатырская сказка (*).

Le monde est vieux, dit-on : je le crois;
cependant
Il le faut amuser encore comme un
enfant.

Le Fontaine.

Ч а с т ь I.

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
звучнымъ гласомъ Калліопинымъ

(*) Вотъ начало бездѣлки, которая занимала нынѣшнимъ лѣтомъ уединенные часы мои. Продолженіе отсрочается до другаго времени; конца еще нѣтъ,—можетъ быть и не будетъ.—Въ разсужденіи мѣры скажу, что она совершенно Руская. Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими стихами.

пѣшь вражды Агамемноновой
 съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
 или, слѣдуя Виргилію,
 плышь опѣ Трои разоренныя
 съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
 къ злачнымъ берегамъ Италіи.
 Не желаю въ Мифологіи
 черпать дивныхъ, спраннымъ вы-
 мысловъ.

Мы не Греки и не Римляне;
 мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
 мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
 могъ любезнаго родителя
 преврашши въ уродя жалкаго;
 чтобы Леды были — курицы,
 и несли весною яйца;
 чтобы Поллуксы съ Эленами
 родились опѣ бѣлыхъ лебедей.
 Намъ другія сказки надобны;
 мы другія сказки слышали
 опѣ своихъ покойныхъ мамушекъ.
 Я намѣренъ слогомъ древности
 рассказать теперь одну изъ нихъ
 вамъ, любезные чипашели,
 ешьте вы въ часы свободные

удовольствіе находите'
 въ Рускихъ басняхъ, въ Рускихъ по-
 ебствяхъ,
 въ смѣси былей съ небылицами,
 въ сихъ игрушкахъ мирной празд-
 носпи,
 въ сихъ мечтахъ воображенія.
 Ахъ! не все намъ горькой истиной
 мучить помныя сердца свои!
 ахъ! не все намъ рѣки слезныя
 лишь о бѣдствіяхъ существенныхъ!
 На минуточку позабудемся
 въ чародѣйствѣ красныхъ вымы-
 словъ!

Не хочу я на Парнасѣ иппи;
 нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
 и дорога къ ней не гладкая.
 Я видалъ, какъ наши выпязи,
 наши спихо-риѣмо-дѣтели,
 упиваясь одобрѣніемъ,
 лѣзущъ на вершину Пиндову,
 обспупающся и внизъ лепящъ,
 не съ вѣнцами и не съ лаврами,
 но съ ушами (ахъ!) ослиными,

для позорища насмѣшникамъ!
 Нѣтъ, любезные читатели!
 я прошу васъ не туда съ собой.
 Близъ моей смиренной хижины,
 на берегу рѣки прозрачныя,
 роща древняя, дубовая,
 насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
 Тамъ мой дѣдушка на спароспи
 въ жаркой полдень опдыхалъ всегда
 на колѣняхъ милой бабушки;
 тамъ виситъ его пернастый шлемъ;
 тамъ виситъ его булашный мечъ,
 коимъ онъ враговъ опечеспва
 за гордыню ихъ наказывалъ —
 (кровь Турецкая и Шведская
 и пеперъ еще видна на немъ).
 Тамъ я сяду на берегу рѣки,
 и подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ
 буду повѣстъ вамъ рассказывать.
 Тамъ вы можете пихохонько,
 еспьли скучно вамъ покажется,
 раза два зѣбнувъ, сомкнуть глаза.

Ты, кошорая въ подсолнечной
 всюду видима и слышима;

ты, копорая какъ богъ Пропей
 всякой образъ на себя берешъ,
 всякимъ голосомъ умѣешъ пѣть,
 удивляешъ, забавляешъ насъ, —
 все вѣщаешъ, кромѣ --- истины;
 обѣявляешъ съ газеширами
 сокровенности полишки;
 сочиняешъ съ спихотворцами
 знапнымъ похвалы прекрасныя,
 величаешъ Панпомороса (*)
 славнымъ, безпримѣрнымъ авто-
 ромъ;
 съ Алхимиспомъ открываешъ намъ
 тайну камня философскаго;
 извѣсняетъ съ системашикомъ
 связь души съ тѣлесной сущностью
 и свободы человѣческой
 съ непремѣнными законами; —
 ты, копорая съ Людмилою
 нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
 мнѣ сказала: *я люблю тебя!*
 о богиня свѣта бѣлаго —
 ложь, неправда, призракъ истины!

(*) То есть обер-дурака.

будь теперь моей богинею,
и цвѣтами луга Рускаго
убери героя древности,
величайшаго изъ вишязей,
чудодѣя *Илью Муромца!*

Я объ немъ хочу бесѣдовать, —
объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь! съ побою не учисья мнѣ
небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилось
на лазури неба чистаго,
и лучами злапа яркаго
освѣпило рощу пихую,
холмъ зеленый и цвѣтущій долъ.
Улыбнулось все твореніе ;
воды съ блескомъ заструилися ;
правки, ночью осѣбженныя,
и цвѣточки благовонныя
растворили воздухъ упренній
сладкимъ духомъ, ароматами.
Всѣ куспочки оживилися,
и пернапыя малюпочки,
конопляночка съ малиновкой,
въ нѣжныхъ пѣсняхъ славишь начали

день, безпечность и спокойствіе.
 Никогда въ Россійской области
 не бывало упрѣ лѣпнее
 веселѣе и прекраснѣе.

Кто жь симъ упрѣмъ наслаждается?
 Кто на спашнѣмъ соловѣмъ конѣ,
 черный шипѣ держа въ одной рукѣ,
 а въ другой копье булашное,
 ѣдетъ по луку какъ грозный царь?
 На главѣ его пернашый шлемъ
 съ золопою, свѣплой бляхою;
 на бедрѣ его тяжелый мечъ;
 лапы, солнцемъ освѣщенныя,
 сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
 Кто сей випязь, богатырь молодой?
 Онъ подобенъ Маю красному:
 розы алыя съ лилеями
 расцвѣтають на лицѣ его.
 Онъ подобенъ миршу нѣжному:
 понокъ, прямъ и величавъ собой.
 Взоръ его быспрѣй орлинаго,
 и свѣплѣе ясна мѣсяца.
 Кто сей рыцарь?—Илья Муромецъ.
 Онъ проѣхалъ дикой темной лѣсѣ,

и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,
гдѣ Природою разсыпаны
въ изобиліи дары земли.

Вишязь Геснера не чипывалъ ;
но имѣя сердце нѣжное,
любовался красою дня;
пихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву упреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.

„Ты, Которой украшаешь все,
„Руской Богъ и Богъ вселенныя!
„Ты, Которой надѣляешь насъ
„всѣми благами щедротъ Своихъ!
„будь всегда моимъ помощникомъ!
„Я клянуся вѣчно слѣдовать
„богатырскимъ предписаніямъ
„и успавамъ добродѣтели,
„быть защитникомъ невинности,
„бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ
вдовъ,

„и наказывать мечемъ своимъ
„злыхъ тирановъ и волшебниковъ,
„успрашающихъ сердца людей!“—

Такъ герой нашъ размышлялъ въ
себѣ,

и повсюду обращая взоръ,
за кустами, впереди себя,
надъ струями рѣчки быспрыя,
видитъ свѣшло-голубой шаперъ,
видитъ ставку богатырскую,
съ золотою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и спучитъ копьемъ въ желѣзный
щитъ;

но отвѣту богатырскаго
нѣтъ на спукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
не осѣдланный, не взнузданный, —
щиплетъ травку ароматную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
оставляетъ на росѣ цвѣтловъ.
Не выходитъ випязь къ випязю
поклониться, ознакомиться.

Удивляется нашъ Муромецъ;
смотритъ на небо и думаетъ:
„солнце выше горъ лазоревыхъ,
„а Россійской богатырь въ шапиръ

„не уже ль еще покоится?“ —
 Онъ пускаетъ на зеленой лугъ
 своего коня надежнаго,
 и вспупаетъ смѣлой поспупью
 въ спавку съ золопою маковкой.

Для чего Природа дивная
 не дала мнѣ дара чуднаго
 нѣжной кистію прельщать глаза,
 и писатъ живыми красками
 съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
 Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
 что увидѣлъ выпязь Муромецъ
 въ спавкѣ съ золопою маковкой.
 Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
 безпримѣрную красавицу,
 всѣхъ любезностей собраніе,
 рѣдкость милыхъ женскихъ преле-
 стей;
 вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли,
 какъ она пріятнымъ, пихимъ сномъ
 наслаждалась въ голубомъ шапрѣ,
 размешавшись на цвѣтной травѣ:
 какъ ея густые волосы,
 свѣтлорусые, волнистые,

оѣняли бѣлизну лица,
 шеи, груди алебаспровой,
 и свиваясь, развиваясь,
 упадали на колѣна къ ней;
 какъ ея рука лилейная,
 гдѣ всѣ жилки васильковыя
 были съ нѣжноспью означены,
 ея голову покоила;
 какъ одежда снѣго-бѣлая,
 полошняя, пончайшая,
 опѣ дыханья груди полныя
 препепала пихимъ препепомъ.
 Но не можно въ сказкѣ выразишь,
 и не можно написать перомъ,
 чѣмъ глаза Героя нашего
 услаждались на ея челѣ,
 на ея устахъ малиновыхъ
 на ея бровяхъ возвышенныхъ,
 и на всемъ лицѣ красавицы.—
 Лапы съ золотой насѣчкою,
 шлемъ съ перомъ заморской жарѣ-
 птицы

мечъ съ попазной рукояпкою,
 копіе съ булапнымъ оспріемъ,
 щипъ изъ спали вороненныя

и сѣдло съ блестящей осыпью
на правѣ лежали вокругъ ее.

Сердце швердое, геройское,
швердо въ битвахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
швердо въ бѣдспвіяхъ, опасностяхъ;
но не швердо прошивъ женскихъ
спрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
прошивъ нѣжныхъ, милыхъ преле-
стей.

Випязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Руской области,
но такой еще не видывалъ.

Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.

Онъ боится разбудить ее;
онъ досаждаетъ, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ пре-
непомъ;

онъ дыханіе въ груди своей
останавливать старается,
чтобы долѣе красавицу
безпрепятственно разсматривать

Но ему опяшь желается,
 чпобѣ красавица очнулась вдругѣ;
 ему хочется глаза ея —
 вѣрно свѣтлые, любезные —
 видѣть подѣ бровями черными;
 ему хочется внимать ея
 гласу тихому, пріятному;
 ему хочется узнать ея
 любопытную исторію,
 и откуда, и куда она,
 и за чѣмѣ дѣвица красная
 (вишязь думалѣ и угадывалѣ,
 что она была дѣвицею)
 вѣдѣть по свѣту геройствовать,
 подвергается опасностямѣ
 жизни прудной, жизни рыцарской,
 не щадя весеннихѣ прелестей,
 не бояся жара, холода.
 „Руки слабой, плѣнной женщины
 могутѣ шить серебромѣ и золотомѣ
 въ красномѣ и покойномѣ перемѣ, —
 не мечемѣ и не копьемѣ владѣть;
 могутѣ друга, сердцу милаго,
 жать съ любовью къ сердцу нѣж-
 ному, —

не гиганшовъ на поляхъ разишь.
 Еспьли кто изъ злыхъ волшеб-
 никовъ
 въ плѣнъ возьметъ дѣвицу юную :
 ахъ! чего злодѣй безчувственной
 съ нею въ ярости не сдѣлаетъ?“ —
 Такъ Илья съ собой бесѣдуетъ,
 и взираетъ на прекрасную.

Время быспрою стрѣлой летишь;
 часъ проходитъ за минушами,
 и за упрямъ полдень слѣдуетъ —
 незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
 и съ эфирною прохладою
 вечеръ сходитъ съ неба яснаго
 на луга и поле чистое —
 незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакъ спускается,
 и густыя тьмы покровами
 одѣваетъ землю пихую ;
 слышно ручейковъ журчаніе,
 слышно эхо опдаленное,

и вѣ кусточкахъ соловей поетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Тщепно выпязь дожидается,
чтобы грудь ея высокая
вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
чтобъ она рукою бѣлою
хотя развѣ пихонько пронулась,
и открыла очи ясныя!
Незнакомка спитъ по прежнему.

Онъ садится вѣ голубомъ шатрѣ,
и взирая на прекрасную,
видитъ вѣ самой темнотѣ ночной
красоту ея небесную,
видитъ—вѣ пронупой душѣ своей,
и вѣ своемъ воображеніи;
чувствуетъ ея дыханіе,
и не мыслитъ успокоиться
вѣ часъ глубокія полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
день проходитъ, наступаетъ ночь—
незнакомка спитъ по прежнему.

Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаной;
забываетъ пищу, нужный сонъ.
Всякой часъ, минути каждую
онъ находитъ нѣчто новое
въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
и—недѣли цѣлой нѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные чипапели,
должно будетъ изъясниться намъ,
уничтоживъ возраженія
спрогихъ, блѣднолицыхъ крипи-
ковъ :

„какъ Илья, хопя и Муромецъ,
хопъ и вишязь Руси древнѣя,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
не вспавая, на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чув-
ствовать?“

Вы слышали, какъ монахъ святой,
наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
райской песнрой конопляночки,
могъ безъ пищи и безъ сна про-
быть
не недѣлю, но столѣтіе.

Развѣ прелести красавицы
 не имѣютъ чародѣйствія
 райской пестрой конопляночки?
 О друзья мои любезные!
 естли бѣ знали вы, что женщины
 могутъ дѣлать съ нами бѣдными!..
 Ахъ! спросите стариковъ сѣдыхъ;
 ахъ! спросите самого меня...
 и краснѣя, вамъ признаюся,
 что волшебный видъ прелестницы—
 не хочу теперь называть ее! —
 былъ мнѣ пищею небесною,
 Олимпійскою амброзіей;
 что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не
 спать,
 лишь бы видѣть могъ жестокую!..
 Но боюсь говорить объ ней,
 и къ Герою возвращаюся.

„Что за чудо! рыцарь думаетъ:
 я слыхалъ о богатырскомъ снѣ;
 иногда онъ продолжается
 при дни съ часомъ, но не болѣе;
 а красавица любезная...“
 Тутъ онъ видѣлъ муху черную

на ея устахъ малиновыхъ ;
 забываетъ разсужденія,
 и рукою богатырскою
 гонитъ злаго насѣкомаго ;
 машетъ пальцемъ указательнымъ,
 (гдѣ сіялъ большой златой перстень,
 съ талисманомъ *Велеславнымъ*) —
 машетъ, пихо прикасается
 къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
 и красавица любезная
 растворяетъ очи ясныя !

Кто опишетъ милый взоръ ея,
 кто улыбку пробужденія,
 ту любезность несказанную,
 съ коей, вспавъ, она привѣстствуетъ
 незнакомаго ей рыцаря ?

„Долго бѣ спавъ мнѣ непрерыв-
 нымъ сномъ,

юный рыцарь ! (говоритъ она),
 естли бѣ ты не разбудилъ меня.

Сонъ мой былъ очарованіемъ
 злаго, хитраго волшебника,

Черномора ненавистника.

Вижу перстень на рукѣ твоей,

перстень добрыя волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:
 онѣ своею тайной силою,
 прикоснувшись къ моему лицу,
 уничтожилъ заклинаніе
Черномора ненавистника.“

Випись снялъ съ себя пернапый
 шлемъ:

чернобархатные волосы
 по плечамъ его разсыпались.
 Какъ заря алѣетъ на небѣ,
 разливаясь въ морѣ розовомъ
 предъ восходомъ солнца краснаго:
 такъ румянецъ на щекахъ его
 разливался въ аломъ пламени.
 Какъ роса сіяетъ на полѣ,
 осребренная свѣтиломъ дня,
 такъ сердечная чувствительностьъ
 въ маслѣ глазъ его свѣтилася.
 Стоя съ видомъ милой скромности
 предъ любезной незнакомкою,
 тихимъ и дрожащимъ голосомъ
 онѣ красавицѣ отвѣщивуешъ:
 „даръ волшебницы любезныя
 милъ и дорогъ моему сердцу;

я ему обязанъ щаспіемъ
 видѣшь ясный свѣтъ очей твоихъ“.—
 Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
 онъ сказалъ гораздо болѣе.

Тутъ красавица примѣшила,
 что одежда полошняя
 не пемница для красотъ ея;
 что любезный рыцарь-юноша
 догадаться могъ легохонько,
 гдѣ подъ нею что шайлося — — —
 такъ сѣдый шуманъ, волнуясь
 надъ долиною зеленою,
 не совсѣмъ скрываетъ холмики,
 посреди ея цвѣтуціе;
 глазъ внимательнаго спранника
 сквозь волненіе шуманное
 видѣшь ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ пошупила —
 покраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
 и взялась рукою бѣлою
 за доспѣхи богатырскіе.
 Рыцарь понялъ, что красавицѣ

безъ свидѣтелей желается
 нарядиться юнымъ выпяземъ.
 Онъ изъ ставки вышелъ бережно —
 посмотрѣлъ на небо синее —
 прислонился къ вязу гибкому —
 бросилъ шлемъ пернатый на землю,
 и рукою подперъ голову.

Что онъ думалъ, — мы не скажемъ
 вдругъ;

но въ глазахъ его задумчивость
 почто такъ изображалась,
 какъ въ ручьѣ густое облако;
 томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.

Конь его, товарищъ вѣрный другъ,
 видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
 ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
 поднимая гриву бѣлую,
 извивая хвостъ изгибистый.

Но Герой нашъ нечувствителенъ
 къ ласкамъ, къ радости товарища,
 своего коня надежнаго;
 онъ стоитъ, молчитъ и думаетъ.
 Долго ль, долго ль думаетъ Муромцу?

Нѣтъ, не долго: — раскрываются
 полы свѣтлоглубой ставки,
 и глазамъ его являея
 незнакомка въ видѣ рыцаря.
 Шлемъ пернатый развѣвается
 надъ ея челомъ возвышеннымъ.
 Героиня подпираея
 копьемъ съ булапнымъ осприемъ;
 мечъ блискаетъ на бедрѣ ея. —
 Въ ту минуту солнце красное
 возсіяло ярче прежняго,
 и лучи его съ любовію
 пролилися на красавицу.

Съ кропкой, нѣжною улыбкою
 смотришь милая на вишнѣ,
 и движеніемъ глазъ лазоревыхъ
 говоришь ему: — „мы можемъ
 сѣсть
 „на правѣ благоухающей
 „подъ сѣнскими кусточками.“ —
 Рыцарь скоро приближаея,
 и садится съ Героинею
 на правѣ благоухающей
 подъ сѣнскими кусточками.

Двѣ минушы продолжается
ихъ глубокое молчаніе ;
въ шрешью чудо совершается - - -

(Продолженіе впереди).

РАЗГОВОРЪ о ЩАСТІИ.

ФИЛАЛЕТЪ и МЕЛОДОРЪ.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Нѣсколько минутъ смопрю на себя, и жалѣю, что я не живописецъ: не лзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивоспи.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*Подаетъ ему руку*).

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Что, естли смѣю спросить, занимаешъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпреспанное движеніе, связь души съ тѣ-

ломъ, средство сдѣлать безумцевъ
умными : не правда ли ?

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ты почти угадалъ. Я думалъ...
о средствѣ быть щастливымъ въ
жизни. Это споймъ Философскаго
камня.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Съ нѣкоторой спороны.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезной другъ,
начпо мы ипрудимся , учимся , чи-
шаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ
знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не
умѣемъ найти благополучія въ жи-
зни ? Я представляю себѣ здѣшній
свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на
портикахъ, на периспиль, на колон-
нахъ, вездѣ сіяетъ надпись: *Щастію!*
Вхожу во внутренность : гремятъ
хоры---*Щастію!* Вижу безчисленное
множество людей : спѣшатъ , пѣ-
снятся , проспираютъ руки — ко
Щастію, единственному божеству
храма ; но божество . . . невидимо!

Моляся съ усердіємъ, зовущъ его: оно не являється! Герой манищъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ мирповою вѣпъвію, роскошной блескомъ сокровищъ своихъ : оно не являється! Здѣсь проливающъ слезы, шамъ другихъ заставляющъ плакать — все для щастія ; но оно глухо, слѣпо — не слушаещъ моленій, не смоприщъ на жершвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Довольно Поэзіи, но мало ушѣшенія!

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ушѣшенія! гдѣ найши его въ эпомѣ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смопрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и гошовъ спрыгнушь съ земнаго шара.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Друзья схващящъ тебя за руку,

будушѣ просить, кланяшся — и
нѣжной, снисходительной Мело-
дорѣ останется съ ними.

МЕЛОДОРЪ.

Развѣ только для нихъ; а мнѣ
право уже наскучило бытъ Дон-
Кишотомъ, гоняшся за вообража-
емою Дульцинеею, за пустою меч-
пою, и смѣшишь холодныхъ лю-
дей моими пламенными вздохами.

ФИЛАЛЕТЪ.

Участъ всѣхъ рыцарей въ наше
время!

МЕЛОДОРЪ.

Кто же не рыцарь щастія? Но
оставимъ шутку, и поговоримъ съ
важноспію о такомъ предметѣ,
которой всего милѣе для нашего
сердца. Все велишъ мнѣ распасть-
ся съ прелестною надеждою; но я
хочу знать швой мысли, и сравни-
ваю себя съ такимъ любовникомъ,
которой видѣлъ, видѣлъ собствен-
ными глазами измѣну любовницы
своей, но все еще *хотѣлъ бы сомнѣ-*

вапсья ; ненавидитъ свое увѣре-
ніе, и говоря ей : *не оправдывайся !*
слушаетъ . . . ея оправданіе.

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Я помню слова одного Философа.
„Есть ли щаспье?“ спросилъ у не-
го любопытный человѣкъ. — Люди
сначала міра ищутъ его, и по сіе
время не нашли, отвѣчалъ онъ :
слѣдствено. . . „Слѣдствено его
„нѣтъ?“ сказалъ любопытный.
— Однакожь, продолжалъ мудрецъ,
если бы оно было ничто иное,
какъ пустой фантомъ, то люди
давно бы уже переспали искапъ
его; но какъ они все упорствуютъ
въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ,
то надобно . . . . „Чтобъ оно су-
ществовало? Два прошивныя слѣд-
ствія: которое же справедливо?“
спросилъ опять любопытный. —
Рѣши самъ! отвѣчалъ Философъ;
завернулся въ свою мантію и замол-
чалъ.

МЕЛОДОРЪ.

Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе эпова Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное щастіе въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

МЕЛОДОРЪ.

Прекрасной отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пигмалію, копорая всегда говорила: *да и нѣтъ!* *нѣтъ и да!* или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше Макбета.

ФИЛАЛЕТЪ.

Если мы разумѣемъ подъ щастіемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями. . .

МЕЛОДОРЪ.

Потерявъ всѣ чувства недоспаш-

ка , сливаясь, такъ сказать, совнѣшними предметами, какъ поны сливаются между собою въ гармоническомъ спрѣ , и находя въ одномъ наслажденіи чувствованія своего...

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человекъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній : одно рождаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились ; на примѣръ : молодой Эрасъ, общій нашъ знакомецъ, спрасно влюбленъ въ Пльниру ; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его, какъ онъ говоритъ, совершенно блаженнымъ. Пусть рокъ соединитъ ихъ : Эрасъ, по обыкновенію всѣхъ щастливыхъ любовниковъ, скоро увидитъ ошибку свою; увидитъ, что Пльнира хотя мила, очень мила, однакожь не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятностей въ жизни. Вообразимъ, что я Эра-

сповѣ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онѣ желаетъ, то въ минути исполняю.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ты берешь на себя много работы. Онѣ желаетъ, на примѣръ, богачства.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

И богачство печетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Онѣ любитъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми —

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе *остроумцы* скачутъ къ нему на почтовыхъ.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Онѣ самъ захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Даю ему разумъ Фонпенеля, Вольшера, Руссо.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Захочешъ славы Героя —

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Лавровые вѣнки лепяшъ къ нему
на голову.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Пожелаешъ —

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Конечно не того, чѣмъ бы два и
два соспавили пѣшь: все прочее
дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней
границы возможностей; осыпанъ
всѣми дарами Природы и фортуны;
всѣ нервы его претянуты въ жи-
вѣйшемъ воспоргѣ... Но что же?
Воспоргу его, по свойству, образо-
ванію души человѣческой, минуша
отъ минушы должно *ослабѣвать*; ка-
ждая секунда уноситъ съ собою нѣ-
покорую часть его *способности на-*
слаждаться; каждое мгновеніе уми-
раетъ, такъ скажешь, его щастіе.
Нѣтъ предметовъ для желаній,
нѣтъ предметовъ для надежды!

Эрасмъ все имѣетъ, кромѣ . . . блаженства.

МЕЛОДОРЪ.

Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не ступала въ своихъ чувствахъ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два составили пять: по крайней мѣрѣ физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе — и потому человекъ въ 30 лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, которыми восхищался онъ въ 25 лѣтъ.

МЕЛОДОРЪ.

Слѣдствіе . . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать человеку совер-

шеннаго блаженства въ здѣшней жизни ; *оно невозможно по образованію души нашей.* Но . . .

М Е Л О Д О Р Ъ.

Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Но еспѣли щаспье соспоемъ въ томъ, чпобы находить въ жизни многія испинныя пріятности, не скучать ею, не ропсать на судьбу, быть довольнымъ: шо оно возможно и дано человѣку.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Какъ же я буду доволенъ, когда . . .

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Будешь, повинуюсь сердцу и разуму. Первое велишь искашь удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце еспѣ младенецъ, копорой бросается на все сладкое ; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое.

Разсудокъ долженъ говорить ему :
это вредно — оставь! это не вредно
— наслаждайся!

МЕЛОДОРЪ.

Но естѣли послѣдняго такъ мало , что бѣдное сердце безпре-
 станно должно себѣ опказывать ;
 естѣли почти всѣ удовольствія
 стоятъ намъ слишкомъ дорого ;
 естѣли на каждую пріятность мо-
 жно считать по сѣу непріятно-
 стей ; естѣли всѣ спрашки пагуб-
 ны , какъ утверждали Споики ;
 естѣли вѣчное сраженіе съ чув-
 ствами есть для насъ законъ
 мудрости : въ такомъ случаѣ , какъ
 бѣдно свое возможное щастье ! и
 начшо родиться человѣку ?

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ , я не люблю Споиковъ ,
 которые чернымъ сукномъ одѣва-
 ютъ всю Природу , и заранѣе кла-
 дутъ сердце въ холодную могилу.
 Нѣтъ , нѣтъ ! Природа любитъ одѣ-
 ваться зеленью и цвѣтами ; она

дала намъ чувствва для того, чтобы улаждашь ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала спраспи для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и моральномъ мірѣ.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ты хочешь быть Панегириспомъ спраспей: но я укажу тебѣ на мысъ Левкадской, на пепелъ городовъ, на высокіе бугры, соспавленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продають людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣйствіе страстей!*

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Дѣйствіе ихъ заблужденія. Спраспи въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Кому же назначать предѣлы?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Я сказалъ: разсудку. Спраспи для сердца есть ничто иное, какъ

живое чувство удовольствія; но
 разсудокъ находилъ , что удоволь-
 ствіе есть только *приманка*; что
 Напура скрываетъ подъ нимъ нѣ-
 что важнѣйшее : пользу. Тутъ
 ставилъ онъ пограничной столпъ,
 и говорилъ сердцу: *не далѣе!* Когда
 чувствительной пастухъ видилъ
 и любилъ милую пастушку; взды-
 халъ , краснѣлся передъ нею;
 ласкалъ ея овечекъ; усыпалъ
 цвѣтами пропину, по которой она
 часто ходилъ; игралъ на свирѣли
 нѣжную пѣсню, между тѣмъ какъ
 пастушка сидилъ на бережку ру-
 чейки, и задумчиво смотрѣлся въ
 зеркало воды кристальной : тогда
 я вижу намѣреніе Природы — она
 говорилъ въ его сердце; она хо-
 четь , чтобы пастухи любились,
 и чтобы нѣжные плоды взаимной
 склонности играли на колѣняхъ па-
 стушекъ. Для того рука ея укра-
 сила розами любовь Аркадскую.
 Но можетъ ли Природа хотѣть ,

чтобы Сафы падали на землю отъ звуковъ Фаонова голоса, препешали всегда, какъ вдохновенные Квакеры, и наконецъ . . . утонули въ пучинѣ Левкадской? Тупѣ нѣтъ никакой цѣли: одно разрушеніе, противное намѣренію любви, копорой поручено, такъ сказать, храненіе человѣческаго рода. Лезбійская Героиня служишь неестественнымъ примѣромъ заблужденія въ естественной и самой щастливой склонности.

МЕЛОДОРЪ.

Но развѣ паспушокъ свой не можетъ быть нещастливъ въ любовной своей Идилліи? На примѣръ, онъ вздыхаетъ, краснѣется, а его не примѣчаютъ; гладитъ любимыхъ паспушкиныхъ овечекъ, а его не благодарятъ взоромъ; усыпаетъ пропинки цѣпками, играетъ на свирѣли, а его . . . не любятъ! Что, еслили нашъ Дафнисъ, потерявъ надежду, вздумаетъ грустить, по-

сковать, не глядьшь на свѣтъ Божій? Жестокой человекъ! можешь ли ты не пожалѣшь объ немъ? Можешь ли не осудить Природы, которая говорила въ его сердце для того, чѣобы сказать ему: *будь несчастливъ!*

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ, я не позволяю посковать пашушку моему. Пусть онъ вздохнетъ два, три раза — не больше — и пойдетъ искать другой, благосклоннѣйшей красавицы.

МЕЛОДОРЪ.

Прекрасно, но возможно ли, когда спросить завладѣла всѣмъ сердцемъ, всею душою?

ФИЛАЛЕТЪ.

Натура того не хочетъ, и предостерегаетъ насъ отъ излишностей чувствомъ спраданія. Разсудокъ велитъ *умѣрять* любовь, когда она *мучитъ* сердце и можетъ погубить его.

МЕЛОДОРЪ.

Голосъ разсудка въ такомъ случаѣ не подобенъ ли крику ворона, копорой предвѣщаетъ намъ бурю, но не можетъ опвратить ее?

ФИЛАЛЕТЪ.

Всегда можетъ, *пока* говоритъ; человекъ оспается покорить ему волю свою, принявъ его совѣты. На примѣръ: мнѣ очень нравились женщина; я чувствую, что могу полюбить ее спрасно. Что совѣтуетъ благоразуміе? Увѣришься въ ея взаимной любви, или . . . удалишься отъ опасной Цирцеи. Благодарная Природа образовала наше сердце такъ, что мы не можемъ сильно любить безъ надежды и взаимности. Надежда часто обманывается: но отъ чего же? Отъ безумнаго, вѣтренаго самолюбія, которое полкуетъ въ свою пользу всякой взоръ, всякое слово, и слышитъ *да!* гдѣ говорятъ *нѣтъ!* или ничего не говорятъ. Заблуду-

жденіе открывається : что дѣлать?
Проклинають судьбу, боговъ и чув-
ствительность!

М Е Л О Д О Р Ъ.

А непостоянство, измѣна—

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Бываютъ только въ слабыхъ,
или, лучше сказать, въ мнимыхъ
привязанностяхъ; но два сердца,
образованные для истинной, взаим-
ной любви, никогда не могутъ раз-
саяться въ жизни; всякой день
утверждаетъ связь ихъ, наслажде-
ніемъ, воспоминаніемъ, чувствомъ
благодарности, разсужденіемъ, и
наконецъ золотою цѣпью привычки.
Непостоянный есть такой чело-
вѣкъ, который никогда не любилъ
и никогда (что все одно) не былъ
любимъ.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Однакожь Н., мой пріятель,
оставленный своею красавицею,
былъ въ отчаяніи и хотѣлъ застрѣ-
литься.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Не сердце, а гордосць его была въ опчаяніи, которое и продолжалось, кажеться, не болѣе семи дней. Онѣ перзался мыслию, что красавица предпочла ему другова. Ахѣ! я увѣренѣ, что и нѣжная, пламенная Сафо не бросилась бы съ Левкадскаго мыса безѣ помощи раздраженнаго самолюбія, а можетѣ бытъ и суешнаго желанія, еще болѣе прославишь себя въ Истории такимѣ героическимѣ дѣломѣ. — Однимѣ словомѣ, съ оспорожноспію, съ благоразуміемѣ, любовь дѣлаетѣ насѣ только щаспливыми. — То же можно сказаѣ о другихѣ природныхѣ спраспахѣ: онѣ нужны и пріятны въ чиспоѣ своей, подѣ руководствомѣ ума. На примѣрѣ —

М Е Л О Д О Р Ъ.

Имѣй сердце похвалишь корысполюбіе!

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Да, и корысполюбіе хорошо въ

своемъ источникъ, когда оно естъ
ничто иное, какъ предвидѣніе му-
равьевъ, готовящихъ запасъ на
зимнее время. Природа хотѣла,
чтобы мы не терпѣли недоспапка
въ нужномъ и для того собирали:
вотъ что естественнo въ корысто-
любіи и согласно съ умомъ!

МЕЛОДОРЪ.

Но естли оно заспавитъ меня
присвоивать себѣ чужое, мучитъ
людей для умноженія моихъ сокро-
вищъ? . . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Тогда Природа и разсудокъ оп-
ступаясь опъ Мелодора. Первая
говоритъ: *собирай*; а впорой дого-
вариваетъ: „хорошими средспвами,
„для собственной пвоей пользы.
„Какъ поступаешь въ опношеніи
„къ другимъ, такъ другіе имѣютъ
„право поступитъ въ опношеніи
„къ тебѣ. Возьмешь чужое, возъ-
„мунъ пвое — и вмѣсто того,

„чтобы обезопасить жизнь свою ,
 „будешь всегда въ опасности.“

МЕЛОДОРЪ.

Я угадываю, что ты скажешь о
 честполюбіи.

ФИЛАЛЕТЪ.

То, что оно есть самая благо-
 роднѣйшая нравственная спрасъ,
 собственно челоѣку данная; дру-
 гія живошныя, по грубому образо-
 ванію души ихъ, не знающъ ея
 прекрасныхъ движеній. Не говори
 мнѣ о Героспрапахъ, Александрахъ,
 Апшилахъ: они служатъ только
 примѣромъ развращеннаго честпо-
 любія; но истинное, природное,
 есть ничто иное, какъ желаніе нра-
 виться подобнымъ себѣ нравствен-
 нымъ существамъ, заслужишь ихъ
 доброе мнѣніе, почтеніе, любовь.
 Эта спрасъ болѣе всего привя-
 зываетъ насъ къ общежитію, един-
 ственной сценѣ ея; она источникъ
 многихъ добрыхъ дѣлъ—и Напура,
 вселивъ ее въ наше сердце, ушвер-

ждаеѣ связи гражданской жизни, возвышаеѣ человѣчество, заставляеѣ насъ быть благодарными, — такъ какъ нѣтъ инова надежнѣйшаго средства заслужиѣ добрую славу.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Вотъ хорошая спорона спрашей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезной другъ, для чего Природа оставила намъ возможность возвращаѣ ихъ движенія? Для чего позволяеѣ человеку засоряѣ ихъ свѣтлой испочникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливаѣ на міръ столько зла и горя?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту мину, когда приносиѣ жертву разсудку на счеѣ своихъ слабостей! Кто имѣеѣ столько твердости и силы, чтобы

повиноватись закону мудроси ,
 закону ума , тошъ благодаритъ
 Природу за данную намъ волю слѣ-
 довать ему или не слѣдовать. На-
 шура упопребила съ своей споро-
 ны всѣ средства удержатъ наши
 спраси въ еспеспвенномъ или
 (что все одно) въ благомъ ихъ пе-
 ченіи, соединивъ съ истиннымъ пу-
 темъ живое удовольствіе, а съ за-
 блужденіемъ горе и спраданіе. Кто
 забываетъ цѣль врожденныхъ склон-
 носпей, копорая въ житейскомъ мо-
 реплаваніи должна всегда , какъ
 Фаросъ , сіять передъ нами ; кто
 выходитъ изъ черпы , обводимой
 разсудкомъ вокругъ природнаго
 дѣйствія спраспей ; кто искус-
 спвенно расправляетъ въ себѣ ихъ
 чувство , безумно предается ихъ
 бурному спремению , и хочетъ ,
 такъ сказать , цѣлой міръ попо-
 питъ въ своихъ живыхъ удоволь-
 ствіяхъ : тошъ , гоняясь за призра-
 комъ блаженства, бываетъ гонимъ

существенною поскою, пьешъ соленую воду для уполенія жажды, и за минувныя воспорги плашинъ долговременною мукою—воспорги, копорыя дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютъ душу, и усиливая въ ней *алчность къ наслажденіямъ*, ослабляютъ ея *способность наслаждаться*. Несчастной Танталъ есть образъ человека, копорой служатъ такъ называемымъ *сильнымъ страстямъ*, искусственнымъ фантомамъ нашего воображенія; копорой, на примѣръ, какъ Сафо хочетъ любить съ изступленіемъ, не для природной цѣли любви, не для того, чтобы найти вѣрную, крошкующую соупницу въ жизни, но для безпрестанныхъ воспорговъ; копорой, припупивъ чувства свои однимъ предметомъ, спѣшивъ оживить ихъ другимъ; или копорой, имѣя ненасытное честолюбіе Александра, лепитъ за лаврами на край свѣта, черезъ

кровавыя рѣки, черезъ трупы людей, вмѣсто того, чѣмбы заслужилъ истинную, надежную славу благодареніями, добродѣтельною жизнію, тамъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣтъ; или копорой собираетъ не для того, чѣмбы жить, но живетъ для того, чѣмбы собирать; опказывається опъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, опъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуюя приобрѣтеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняетъ ее заботами для приобрѣтеній. — Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, еспли мы несчастливы, и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея добродѣтели. „Человѣкъ „долженъ быть творцомъ своего „благополучія, приводя спраси „въ щастливое равновѣсіе, и обра- „зуюя вкусъ для истинныхъ насла- „жденій.“

МЕЛОДОРЪ.

Но естѣли я не нахожу для себя *хорошей пищи*, то съ самымъ *прекраснымъ вкусомъ* могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, который вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

ФИЛАЛЕТЪ.

Однакожь находить ихъ. Крестьянинъ любитъ свою жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во-время, радуется благополучному ведру, полною жишницъ своихъ и щедрой наградъ за труды его. У Камчадала также есть сердце, копорому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольстві-

емѣ капишся домой на обледенѣ-
 лыхъ лыжахъ своихъ, воображая
 тепло, опдыхъ, поцѣлуй жены
 и . . . рыбій жиръ на сполѣ. — Ис-
 истинныя удовольствія равняють
 людей. Великій Моголъ и послѣд-
 ній рабъ его уполяютъ голодъ и
 жажду съ одинакою пріятностію.
 Богачъ изъ огромныхъ палатъ сво-
 ихъ, гдѣ великолѣпіе и скука упо-
 мили душу его, сходитъ по мрамор-
 ной лѣсницѣ опдохнувъ на зе-
 леномъ лугу, на чистомъ воздухѣ,
 и взглянувъ на алую вечернюю за-
 рю; онъ садится на правѣ . . .
 подлѣ бѣднаго земледѣльца, копо-
 рой также покоишся, также легко
 дышитъ, и тѣми же предметами
 наслаждается: они оба теперь
 равны. — Арисъ, молодой вельмо-
 жа, говоритъ: „первая блаженная
 минула въ жизни моей!“ Чѣмъ при-
 вело его въ такое восхищеніе? Онъ
 спойтъ на колѣняхъ передъ обо-
 жаемою имъ женщиною, и въ пер-

вой разъ услышалъ отъ нее магическое слово: *люблю!* Въ самую ту же минуту какой нибудь сельской красавецъ щастливъ нѣжнымъ признаніемъ какой нибудь сельской красавицы, признаніемъ въ ея взаимной къ нему склонности. Чувства знаменитаго любовника и молодого крестьянина теперь одинаковы. — Ты знаешь Клеона, которой испощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чптобы менѣе скучать въ жизни; которой спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ Гайденовой музыки: часпо, завернувшись въ плащъ, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками— для чего? чптобы устать и промокнувъ насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!“ Въ самой потѣ же

часъ бѣдной дровосѣкъ сушился
 передъ огнемъ въ хижинѣ своей,
 и чувствовалъ его пріятность не
 менѣе Клеона. — Вся розница со-
 стоилась въ нѣкоторыхъ опшѣн-
 кахъ; но Провидѣніе и Напура въ
 общемъ раздѣлѣ истинныхъ удо-
 вольствій никого не одѣляютъ.
 Знаешь ихъ цѣну, если искусство
 и вѣнецъ науки жить! Не все по-
 легко, что кажется просто; и
 часто всего менѣе умѣемъ мы упо-
 треблять тѣ вещи, которыя у
 насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ
 любопытной, безпокойной человѣкъ
 оставляетъ шихой, родительской
 кровъ, свое опечесство — стран-
 ствуетъ по чужимъ землямъ, пе-
 реплываетъ бурные Океаны, что-
 бы наконецъ очутиться опять на
 милой своей родинѣ, и сказать:
 „щасливъ, щасливъ поплъ, кто
 умираетъ, гдѣ родится,

Sans changer de toit, ni
 d'amour!“

Натура и сердце — вошѣ гдѣ
 надобно искать истинныхъ пріят-
 ностей, истиннаго возможнаго бла-
 гополучія, которое должно быть
 общимъ добромъ человѣчества, не
 собственностію нѣкоторыхъ из-
 бранныхъ людей: иначе мы имѣли
 бы право обвинять Небо приспра-
 шіемъ. Не всѣмъ можно завоевать
 Индію, не всѣмъ можно властво-
 вать надъ людьми; не всякой мо-
 жетъ блистать въ свѣтѣ и кру-
 жить головы моднымъ краси-
 камъ; не для всякаго работающъ
 въ золотыхъ минахъ и плывущъ
 корабли изъ Бразиліи: слѣдственно
 не въ лаврахъ Александра, не въ
 миршахъ Альцибіада, не въ сокро-
 вищахъ Крезовыхъ заключило Небо
 возможное щастіе для смертныхъ.
 Но для всякаго сіяетъ солнце, для
 всякаго Природа величественна и
 прекрасна въ своемъ разнообразіи,
 въ своихъ ежегодныхъ и ежеднев-
 ныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ мапе-

ринскою нѣжностію питаеѣ она
 пленцовѣ и челоѣка ; всякой мо-
 жеѣ имѣѣ свѣплую хижину ,
 доброе имя , покойную совѣсть ;
 всякой можеѣ любитеѣ— любитеѣ
 своихѣ родныхѣ , семейство , дру-
 зей : воѣ истинное благополучіе ,
 коѣое соединяеѣ всѣхѣ людей ;
 коѣое Царю и земледѣльцу даеѣ
 чувствоватеѣ, что они братья , дѣ-
 ти одного Оѣца , рожденные свѣ
 одинакими сердцами , свѣ одинакими
 способностями для наслажденія !

М Е Л О Д О Р Ъ .

Философія тѣоя довольно уѣѣ-
 шительна ; только ей не многіе
 повѣряѣ.

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Думаю ; но истина останеѣся
 въ своей цѣнѣ— истина , что всѣ
 особенныя , случайныя , искусствен-
 ныя удовольствія не споеѣ об-
 щихѣ , природныхѣ ; и что можно
 быѣ счастливымѣ и несчастли-
 вымѣ во всѣхѣ состояніяхѣ , тѣмѣ

и другимъ опѣ себя, опѣ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, опѣ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Напура позволяетъ Искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Положимъ, что во всякомъ состояніи человекъ можетъ найпирозы удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться опѣ пернія горестей, опѣ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Существенныхъ бѣдствій въ самомъ дѣлѣ очень немного: плѣсное спраданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умѣренность можетъ насъ предохранить опѣ болѣзней; а честная, нравствен-

ная, благоразумная жизнь опѣ тем-
 ницы. Ты скажешь, что самые
 презвые люди бывающѣ подвержены
 болѣзнямѣ, самые добродѣтельные
 заключающа иногда въ цѣпи: со-
 гласись, что это чрезвычайность
 — въ такомѣ случаѣ оспается
 намѣ терпѣть, надѣяться и взи-
 раеть на небо, гдѣ живетѣ нашѣ
 общій, нѣжный Отецѣ: Онѣ ви-
 дитѣ спраданіе дѣшей Своихѣ, и
 не позволитъ ему превзойти мѣру
 терпѣнія. Кѣ тому же . . . ты уди-
 вишься; но я скажу по чувству
 души моей . . . скажу, что въ са-
 момѣ несчастіи можно найти нѣ-
 которое услажденіе. Силою души
 своей превозмогаешь болѣзнь плѣ-
 сную; покойною ясностію сердца
 освѣщаешь мракѣ темницы, есть
 нѣчто святое, божественное, кроп-
 ко восхищительное. . . Минихѣ, во
 глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, зане-
 сенной снѣгомѣ, благодарилѣ Небо
 за твердость души своей, и про-

ливалъ слезы умиленія , копорыхъ
 сладоспъ была ему неизвѣсна сре-
 ди придворнаго блеска и пышно-
 сти. — О какихъ другихъ неща-
 стіяхъ будешь говоришь мнѣ? О
 бѣдности? Но у меня есть руки
 и сердце : я найду себѣ пропита-
 ніе , найду удовольствія , неизвѣ-
 стныя многимъ богачамъ въ ихъ
 изобиліи. Сколько людей съ поше-
 рею имѣнія выучились наслаждапъ-
 ся жизнію, собою , своими душев-
 ными и тѣлесными силами, гораздо
 болѣе, нежели прежде? Я недавно
 читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ
 объ одномъ Французскомъ Эмигран-
 тѣ, копорой былъ нѣкогда знаменъ
 и богатъ въ своемъ опечесствѣ , а
 теперь . . . пьетъ башмаки въ Вей-
 марѣ. Жалѣтъ ли объ немъ? Нѣтъ,
 онъ совершенно доволенъ своимъ
 соспоянiемъ, работаетъ прилѣжно,
 весело , поетъ *водевили* и философ-
 ствуетъ какъ Сократъ о пріятно-
 стяхъ прудолубія. — Мы, мы са-

ми составляемъ тысячу оправдъ для жизни своей; смопримъ въ микроскопъ на всякую неприятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдспвіями. Я видѣлъ Н. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косс—М. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, отъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ—Спихопеорець Ф. едва не бросился въ воду, отъ того, что одинъ спрогой Журналистъ нашелъ въ его спихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Напуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли называть его бѣдспвіемъ, неразлучнымъ съ жизнью?

МЕЛОДОРЪ.

Но лишишься того, что дѣлало меня испинно - щаспливымъ, не

есть ли бѣдствіе? На примѣрѣ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ...

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Горестъ тогда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески спремится выйти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выйдетъ. Не только безконечная, но и продолжительная горестъ не естественна, вопреки всѣмъ пиитическимъ элегіямъ. Природа милосивѣе Спихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчностъ; но въ ея лексиконѣ нѣтъ эпоса слова. Видя оскорбленную нѣжностъ, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), копорой извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горестъ, глубокая, истинная горестъ есть чрезвычайной феноменъ: рѣд-

ко дѣлаетъ она людей несчастными. Но обыкновенной бичъ сердца естъ *дурной нравъ* и скука.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнью, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ—отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинной Философъ или (что все одно) истинно-благоразумной человекъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ посланъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое сословіе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно осматривается въ своемъ, не завидуя ни-

кому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ несчастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только наспоющимъ. Пусть всякой имѣетъ такія чувства, и дурной нравъ переспанетъ темныя предметы вокругъ насъ!

М Е Л О Д О Р Ъ.

А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые по связямъ гражданского общества выходятъ изъ-подъ закона естественнаго. Напу-

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ:
 „О чемъ писать къ вамъ, отцы
 „именитые? и какъ? самъ не знаю;
 „и лучше хотѣлъ бы спрaдaтъ, не-
 „жели чувствовать такое разслаб-
 „леніе, такое . . . но я ничего не
 „чувствую.“

ра даетъ намъ силы для того, чѣмбы ими дѣйствовать; готовишь, такъ сказать, для жизни человеческой только первые материалы, чѣмбы мы сами ихъ обрабатывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуются ему, работаютъ и не знаютъ скуки; *трудъ, отдыхъ, забава*, какъ три главные эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествахъ всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое превозмощишь, помочишь, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахот-

кою. Чпобы избавишься опѣ та-
 кой мучишельной болѣзни, они дол-
 жны возврашиться къ Природѣ, и
 произвольно опдашься подѣ ея за-
 конѣ, копорой велишь *житъ* и ра-
 ботать; надобно, чпобы *трудъ*,
отдыхъ, *забава*, были также пре-
 мя главными эпохами жизни ихѣ.
 Всякой занимайся чѣмѣ нибудѣ; из-
 бери для себя должность въ обще-
 житіи, съ копорою сопряжена дѣ-
 ятельность; или прудися по волѣ,
 сообразно съ своимѣ вкусомѣ, склон-
 ностями, дарованіями, но имѣя въ
 виду какую нибудѣ пользу, шакѣ
 какѣ Напура не дѣлаешѣ ничего
 безѣ цѣли. Работа естъ соль удо-
 вольствіи, и безѣ будней нѣтъ
 праздника. Упопребивѣ на прудѣ
 пяшь, шесть часовѣ въ день, мы
 живо чувствуемѣ пріятность без-
 дѣйствія, отдыха, дружеской бе-
 сѣды, веселаго разговора, забавы,
 чтенія, музыки, прогулки. Кпо
 всякой день пользуешся своими фи-

зическими и душевными силами ;
 всякой день дышетъ чистымъ воз-
 духомъ подъ небеснымъ кровомъ ,
 любитъ красоты Напуры , Изящ-
 ные Искусства , книги : томъ ко-
 нечно никогда не будетъ боленъ
 скукою. *Дѣятельность , отдыхъ ,*
забава : вотъ мой девизъ!

М Е Л О Д О Р Ъ .

Ты говоришь , что во всякомъ
 состояніи можно быть счастливымъ
 — положимъ — но въ какомъ лег-
 че? Какое избралъ бы ты для себя
 по собственнѣйшей волѣ , если бы
 Судьба изъ урны своей высыпала
 передъ тобою всѣ жребіи?

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Самое ближайшее къ Природѣ :
 состояніе независимаго земледѣль-
 ца , копорой умѣреннымъ трудомъ
 могъ бы доставлять себѣ не толь-
 ко нужное для пропитанія , но и нѣ-
 копорыя удобства въ жизни ; могъ
 бы имѣть свѣплую хижинку , ма-
 ленькой садикъ , умъ для вниманія

кѣ премудрымѣ дѣйствіямѣ Напур-
ры и чувствительное сердце для
любви кѣ милой подругѣ. Но какѣ,
по теперешнему учрежденію гра-
жданскихѣ обществѣ, едва ли не
напрасно будемѣ искапѣ такихѣ
земледѣльцевѣ: то самое лучшее
есть для меня среднее состояніе,
между изобиліемѣ и недостаткомѣ,
между знатностію и униженіемѣ
— швое, мое. Смотри на велико-
лѣпныя палаты, думаю: „здѣсь чув-
ство слишкомѣ изнѣжено для силь-
наго наслажденія!“ Глядя на
крестьянскую хижину, говорю се-
бѣ: „здѣсь чувство слишкомѣ гру-
бо для нѣжныхѣ наслажденій!“ Но
красивой, чистенькой домикѣ все-
гда представляетѣ моему вообра-
женію картину возможнаго ща-
стія, особливо, когда вижу на окнѣ
цвѣты, а подѣ окномѣ . . . миловид-
ную женщину, за рукодѣльемѣ, за
книгою, за арфою. Тамѣ, кажется
мнѣ, живетѣ любовь и дружба,

спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣюпѣ наслаждаться Природою, Искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Еще одно возраженіе: можетѣ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмѣ нибудѣ, тогда, какѣ вокругѣ его свирѣпствуютѣ развращенныя спраси, пороки и злоба? Ты оправдываешь Напуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитѣ насѣ, въ основаніи своемѣ хороши и щастливы; но къ чему же люди обращаютѣ ихѣ? . . . Могу ли я, на примѣрѣ, восхищаться великолѣпною карпиною упря и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетѣ миллионы изверговѣ, которые въ теченіе дня будутѣ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхѣ, неосторожныхѣ, чувствительныхѣ? . . . Я хотѣлъ бы любить подобныхѣ мнѣ;

спремлюся кѣ нимѣ душею . . . но
вспрѣчаю злодѣевѣ, и долженѣ ихѣ
ненавидѣть! Одна эта мысль не
есть ли горькая оправа для всѣхѣ
удовольствій добраго сердца?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Любезной другѣ! чернишь нрав-
ственной міръ, изливаешь на людей
желчь ненависти, многіе почи-
яють Философіею; но сохрани насѣ
Богѣ отѣ язвы, голода и такой Фило-
софіи! Люди дѣлають много зла—
безѣ сомнѣнія — но злодѣевѣ мало;
заблужденіе сердца, безразсудность,
недостатокѣ въ просвѣщеніи, виною
дурныхѣ дѣлъ. Предложи человѣку
быть щасливымѣ и добрымѣ, или
быть щасливымѣ и злымѣ: кто
не избересть перваго? Слѣдственно
добро само по себѣ любезно всѣмѣ
сердцамѣ. Люди дѣлають зло, на-
дѣясь имѣть черезѣ по нѣкоторыя
выгоды въ жизни; но премудрой
Творецѣ соединилѣ съ нимѣ внут-
реннее неудовольствіе, спыдѣ,

страхъ, которыя вмѣшивающъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочной боишся, чѣмбы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредъ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найсти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человекъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй, или человекъ, копорой любящъ зло для того, что оно зло, и ненавидящъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная психическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище въ Природѣ, существо неизбяснимое по естественнымъ законамъ.

Вопѣ мое заключеніе, вся моя система въ коропкихъ словахъ :
 „Возможное земное щаспїе соспо-
 „ипѣ въ дѣйснвіи врожденныхъ
 „склонностей, покорныхъ разсудку
 „— въ нѣжномъ вкусѣ, обращен-
 „номъ на Природу — въ хорошемъ
 „употребленіи физическихъ и ду-
 „шевныхъ силъ. Безпреспанное на-
 „слажденіе ш а к ж е невозможно,
 „какъ безпреспанное движеніе;
 „машину надобно заводишь для хо-
 „да, а работа заводишь душу для
 „чувспва н о в ы х ъ удовольспвій.
 „Быть щаспливымъ, еспѣ быть
 „вѣрнымъ исполнишелемъ еспе-
 „спвенныхъ мудрыхъ законовъ; а
 „какъ они основаны на общемъ добрѣ
 „и прошивны злу, то *быть щасшли-*
 „*вымъ есть . . . быть добрымъ.*“

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

Письмо къ Издателю Журнала.

Признаюсь вамъ, государь мой, чпо я не чишаю вашего Журнала, а желаю, чпобы вы помѣспили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ опчеша ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово *такъ* было всегда моимъ *девизомъ*.

Я намѣренъ говорить о себѣ : вздумалъ и пишу—свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Чишателей. Нынѣшній вѣкъ можно назваъ вѣкомъ *откровенности* въ физическомъ и моральномъ смыслѣ : взгляните на милыхъ нашихъ

красавицѣ!... Нѣкогда люди пряпались въ темныхъ домахъ и подѣщипомѣ высокихъ заборовѣ. Теперь вездѣ свѣтлые дома и большія окна на улицу: просимѣ смотрѣть! Мы хопимѣ жить, дѣйствовать и мыслимѣ въ прозрачномѣ стеклѣ. Нынѣ люди путешествуя не для того, чтобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чтобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа спѣшитѣ какъ можно скорѣе сообщить свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ предметахъ. Сверхъ того сколько выходитѣ книгъ подѣ шипуломѣ: *мои опыты, тайный журналъ моего сердца!* Что за перо, то и за искреннее признание. Какъ скоро нѣтъ въ чело-вѣкѣ старомоднаго варварскаго стыда, то всего легче быть *Авторомъ исповѣди*. Тутъ не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однакожь не думайте, чптобы я хопѣлъ оправдываться примѣрами: нѣтъ, такая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, что оно нѣкоторымъ образомъ согласно съ общимъ; но сохрани меня Богъ казаться рабскимъ подражателемъ! Для того, въ прошивность всѣмъ *исповѣдникамъ*, напередъ сказываю, что *признанія мои* не имѣютъ никакой моральной цѣли. Пишу — *такъ*! Еще и другимъ опишусь опѣ моихъ собратій-Авшуровъ; а именно, краткостію. Они умѣютъ расплести самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, что Напура произвела меня совершенно особеннымъ человекомъ, и что Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то опмѣнною печатію. На примѣръ, я родился сыномъ бога-

шаго, знашнаго господина, и выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десятилѣтъ на театрѣ, и въ пятнадцатилѣтъ не имѣлъ идеи о должностяхъ человека и гражданина!

На шестнадцатомъ году дали мнѣ изрядной чинъ и отправили меня въ чужіе края, не сказавъ, для чего. Правда, что со мною поѣхалъ Гофмейстеръ, Женевецъ (прошу замѣтить, а не Французъ, по тому что въ это время Французскіе гувернеры въ знатныхъ домахъ нашихъ выходили уже изъ моды), которому даны были всѣ нужныя наставленія. Господинъ Мендель зналъ, къ чему по большей части готовится знатной молодой человекъ, а всего болѣе зналъ свои выгоды — и поступалъ со мною въ слѣдствіе своего благоразумнаго плана. Надобно отдать ему

справедливостъ : онъ любилъ искренноспъ, и немедленно со мною обьяснился. „Любезной Графъ! “ сказалъ мнѣ Гофмейстеръ : „Природа и Судьба уговорились сдѣлать тебя образцомъ любезности и щастія ; ты прекрасенъ , уменъ , богатъ и знаменъ : довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоить пруда. Мы ѣдемъ въ Лейпцигской Университетъ ; родишели твои , слѣдуя обыкновенію, желаюшъ, чшобы ты украсилъ разумъ свой знаніями , и поручили тебя моему смопрѣнію : будь спокоенъ! я родился въ Республикѣ и ненавижу тиранство ! Надѣюсь только , что моя снисходительность заслужишъ со временемъ твою признательность.“ Я обнялъ его, и обѣщаль ему такую пенсію, какая не всегда дается и Министру за долготѣшнюю службу.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, мы спѣшили познакомиться со всѣми слав-

ными Профессорами—и Нимфами. Гофмейстеръ мой имѣлъ великое уваженіе къ первымъ и маленькую слабость къ послѣднимъ. Я взялъ его себѣ за образецъ — и мы однимъ давали обѣды, другимъ ужины. Часы лекцій казались мнѣ минушою, отъ того, что я любилъ дремать подъ каедрой Докторовъ, и не могъ ихъ наслушаться, отъ того, что никогда не слушалъ. Между тѣмъ Господинъ Мендель всякую недѣлю увѣдомлялъ моихъ родителей о великихъ успѣхахъ дражайшаго сына ихъ, и цѣлыя страницы наполнялъ именами наукъ, которыми меня учили.

Наконецъ, проживъ три года въ Лейпцигѣ, мы отправились путешествовать, нанявъ Секретаря для описанія любопытныхъ предметовъ, ибо Г. Мендель былъ лѣнивѣе. Родители мои изъ каждаго города получали отъ насъ толстые пакеты, не могли нарадоваться умными за-

мѣчаніями своего сына, и съ гордо-
стію чипали ихъ нашимъ род-
ственникамъ. Я не виноватъ былъ
ни въ одной спрокъ, уполномочивъ
Секретаря своего философствоватъ
вмѣсто меня (къ щастью, рука его
совершенно на мою походила); но
къ нѣкоторымъ его описаніямъ при-
бавлялъ опъ себя выразительныя
карикатуры: произведеніе един-
ственного таланта, даннаго мнѣ
Напурою!

Однакожь я надѣлалъ много шу-
му въ своемъ путешествіи—шѣмъ,
что прыгая въ конспрдансахъ съ важ-
ными дамами Нѣмецкихъ Княже-
скихъ Дворовъ, нарочно ронялъ ихъ
на землю самымъ неблагоприспой-
нымъ образомъ; а всего болѣе шѣмъ,
что съ добрыми Каполиками цѣлуя
пуфель Папы, укусилъ ему ногу,
и заспавилъ бѣднаго старика за-
кричатъ изо всей силы. Эта шушка
не прошла мнѣ даромъ, и я выси-
дѣлъ нѣсколько дней въ крѣпости

Святаго Ангела. Обыкновенная же забава моя дорогою была — спрѣ-
лянь бумажными шариками, изъ
духоваго писполеша, въ спину по-
спильйонамъ!

Въ Парижѣ я вошелъ въ связь
со многими изъ первокласныхъ въ-
прениковъ, и нашелъ способъ уди-
вить ихъ какъ смѣлою своею фи-
лософіею, такъ и всѣми понко-
спиями *языка повѣсѣ*, всѣми его
техническими выраженіями, заим-
ствованными мною по большей ча-
сти отъ Господина Менделя, ко-
торый служилъ нѣкогда домашнимъ
Секретаремъ Герцогу Ришелье. Бу-
дучи введенъ въ нѣкоторыя хоро-
шіе дома, я имѣлъ случай узнать и
славнѣйшихъ Французскихъ остро-
умцевъ; слышалъ однажды чте-
ніе Лагарповой Меланіи, хвалилъ
безъ памяти талантъ Автора, и
послѣ свѣдалъ, что онъ въ письмѣ
своемъ къ одному знашному чело-
вѣку въ П* (безъ сомнѣнія изъ

благодарности) описывалъ меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ, рожденнымъ для чести и славы опечесства. Я имѣлъ щасліе быть представленъ Герцогу Орлеанскому, ужиналъ съ его избранными друзьями и раздѣлялъ забавы ихъ, достойныя кисти новаго Пепронія.

Надобно было видѣть Англію: подобно Альцибіаду, я спалъ другимъ человѣкомъ въ другой землѣ, и пилъ такъ усердно съ Британцами, что черезъ мѣсяцъ слегъ въ постелю. Пользуясь временемъ моего выздоровленія, я сдѣлалъ карикашуры на всю Королевскую фамилію — и Лондонскіе Журналы говорили объ нихъ съ великою похвалою.

Возвращеніе силъ моихъ было горестно для Господина Менделя: мнѣ вздумалось столкнуть его съ лѣсницы, за то, что ему вздумалось приласкаться къ моей Дженни. Нѣжная Англичанка упала въ обмо-

рокъ, между тѣмъ, какъ мой Гофмейстеръ считалъ головою спупени. Однакожь увѣряю Чипашеля, что сердце мое совсѣмъ не способно къ ревности : это минутное движеніе было конечно слѣдствіемъ моей болѣзни. Господинъ Мендель разспался со мною. Мы оба увѣдомили моихъ родителей о нашемъ разрывѣ : онъ называлъ меня шуномъ, а я описывалъ его недостойнымъ имени Гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо ; но мапушка одному мнѣ повѣрила, а бапюшка согласился съ нею.

Наконецъ я возерапился въ опечеснво, гдѣ лавры и миршы ожидали меня. Въ головѣ моей не было никакой ясной идеи, а въ сердцѣ никакого сильнаго чувства, кромѣ скуки. Весь свѣтъ казался мнѣ безпорядочною игрою Кишайскихъ тѣней, всѣ правила уздою слабыхъ умовъ, всѣ должности несноснымъ

принужденіемъ. Ласки родителей не сдѣлали въ холодной душѣ моей никакого впечатлѣнія ; но зная выгоды человека, образованнаго въ чужихъ земляхъ, я спѣшилъ поразишь умы соопечесивенниковъ разными спранностями, и съ удовольствіемъ видѣлъ себя истиннымъ законодателемъ столицы. Мореплаванель во время бури не смотришь съ такимъ вниманіемъ на магнитную стрѣлку, съ какимъ молодые люди на меня смотрѣли, чптобы во всемъ соображаться со мною. Я вездѣ какъ въ зеркалѣ видѣлъ себя съ ногъ до головы : всѣ мои движенія были срисованы и повторены съ величайшею вѣрностію. Это забавляло меня до крайности. Но главнымъ моимъ предметомъ были женщины , копорыхъ ласпное вниманіе опкрывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться отъ нѣкопорыхъ философическихъ разсужденій. Влюблен-

ность — извините новое слово: оно выражаетъ вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣтеніе для свѣта, который безъ нее походилъ бы на монастырь Лапрапскій. Но съ нею молодые люди наипрекраснѣйшимъ образомъ занимаютъ пустоту жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думаешь; являясь въ обществахъ, знаешь, кого искаешь глазами; все имѣешь цѣль свою. Правда, что мужья иногда досаждаютъ; что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравится, съ другой искусство припворяется и самого себя обманывать, не давая засыпать сердцу. Часто выходитъ безпорядокъ въ семействахъ; но онъ имѣетъ свою пріятность. Сцены обморока, опьяненія, для знающихъ живописны. *Sauve qui peut!* всякой о себѣ думай — и довольно!

Будучи моднымъ прелестникомъ, я имѣлъ щаспіе поссоришь многихъ коронкиихъ пріятельницъ между собою, и развесели не одну жену съ мужемъ. Всякая соблазнительная исторія болѣе и болѣе прославляла меня. О характеръ моемъ говорили ужасы: эшо самое возбуждало любопытство, которое дѣйствуетъ весьма живо и сильно въ женскомъ сердцѣ. Система моя въ любви была самая надежная: я пиранилъ женщинъ, по холодноспію, по ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на любовное дежурство, садился на оттоманъ, зѣвалъ, пилъ Гофмановы капли, или начиналъ хвалишь другую женщину; пайная досада, упреки, слезы веселили меня, недѣль шесть, иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовалъ разрывъ связи — и новый миршовой вѣнокъ падалъ мнѣ на голову. Справедливостъ требуетъ отъ меня признанія, что не всѣ

красавицы были моими Дидонами :
нѣшѣ, одна изъ нихъ, вышедши изъ
терпѣнія, осмѣлилась указать мнѣ
двери. Я былъ въ опчаяніи, и на
другой день представилъ ее въ жи-
вой каррикатурѣ: заставилъ всѣхъ
смѣяться, и самъ утѣшился.

Вдругъ пришло мнѣ на мысль
жениться, не столько въ угожде-
ніе матери (отца моего уже не
было на свѣтѣ), сколько для того,
чтобы завести у себя въ домѣ
благородной спектакль, который
могъ служить для меня пріятнымъ
разсѣяніемъ среди трудныхъ обя-
занностей моднаго человека. Я вы-
бралъ прекрасную небогатую дѣ-
вушку (хорошо воспитанную въ
одномъ знашномъ домѣ), надѣясь,
что она изъ благодарности оста-
витъ меня въ покоѣ, и въ сихъ мы-
сляхъ обѣщался на другой день ужи-
нать, по обыкновенію, съ глазу на
глазъ съ рѣзвою Алиною, которая
тогда занимала меня своею любез-

ностію. Вышло напропівъ: Эмілія изъ благодарности считала за долгъ быть нѣжною, спрасною женою; а нѣжность и спрасъ всегда ревнивы. Философія моя заспавляла ее плакать, рваться: я вооружился терпѣніемъ, смотрѣлъ, слушалъ равнодушно; игралъ ея шалью—и зѣвалъ, воображая, что бури не продолжительны, особливо женскія. Въ самомъ дѣлѣ Эмілія мало по малу приходила въ разсудокъ, утихала, и спановилась гораздо милѣе; томные взоры ея развеселялись, и легкіе упреки произносились уже въ полголоса, даже съ улыбкою. Наконецъ я совершенно увѣрился въ исправленіи жены моей, видя вокругъ нее толпу искателей. Домъ нашъ сдѣлался опъшого гораздо пріятнѣе: Эмілія перестала грубить молодымъ женщинамъ, и всячески спаралась заслужить имя любезной хозяйки. Мы набрали къ себѣ въ домъ Иша-

ліянських Каспраповъ; играли Оперы, Комедіи; давали маленькіе балы, большіе ужины—подписывали счефы, но никогда не считали—занимали деньги, и никогда не имѣли ихъ—однимъ словомъ, жили прекрасно!

Одна мапъ моя, у которой опѣспароспи испортился нравъ, была недовольна, и часпо упрекала меня вѣспреною безразсудностію; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилиа дурно ведетъ себя! Но я—зѣвалъ, и, какъ должно хорошему сыну, совѣщовалъ ей беречь свое здоровье, то есть, не сердиться. Она не хотѣла послушаться, и прежде времени отправила на погребъ свѣтъ. Бѣдная! Мы пожалѣли объ ней—пѣмъ искренне, что ея смерть на нѣсколько мѣсяцевъ распроила наши спектакли.

Скоро въ хозяйство нашемъ открылись маленькія непріятности:

иногда, наканунѣ большаго ужина, дворецкой сказывалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни рубля на расходъ, и что онъ нигдѣ не могъ занять денегъ. Въ такомъ случаѣ я обыкновенно выгонялъ его изъ комнаты—и ужинъ бывалъ прекрасной. Являлись добрые люди съ поварями: одни продавали мнѣ на вексель, другіе въ ту же минуту покупали у меня на чистыя деньги, и дѣло было съ концомъ. Но время отъ времени вспрѣчалось болѣе трудностей, и часто за вексель въ тысячу рублей давали мнѣ только дюжинъ шесть помады! Увѣдомляю Чипателю, что искусные люди, которыхъ профаны называютъ ростовщиками, знающіе наизусть всѣ нужды и всѣ коммерческіе способы богатыхъ моповъ; взявъ карандашъ въ руку, они въ минуту исчислятъ, во сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ такой-то оспанелся безъ души Христіанской;

по сему вѣрному расчету служащѣ
 ближнему дѣятельно, усердно, и
 рѣдко обманываются. Наши опече-
 ственные лихоимцы прежде всѣхъ
 другихъ оставляющѣ человека на
 славномъ и широкомъ пути разоре-
 нія, подобно меланхолическимъ Док-
 торамъ, которые слишкомъ рано
 осуждаютъ больныхъ на смерть;
 они отдающѣ его на руки ино-
 страннымъ ростовщикамъ: Нѣмцы
 уступаютъ мѣсто Французамъ,
 Французы Италіянцамъ, Италіянцы
 Грекамъ: въ эту послѣднюю эпоху
 рубль мота ходилъ уже въ копѣй-
 кѣ. Я спокойно прошелъ сквозь всю
 Жидовскую фалангу, и споялъ уже
 на послѣдней ступени. Имѣніе мое
 записывали, продавали съ публич-
 наго торгу; но я все еще не уны-
 валъ, и въ самый послѣдній день, какъ
 меня выгнали изъ дому, думалъ иг-
 рать главную роль въ Комедіи
Безтѣснаго. Жестокіе займодавцы не
 хотѣли видѣть спектакля—и мнѣ

надлежало искашь убѣжища въ домѣ одного моего родственника.

Есѣли Чипапелъ удивился, что семь или восемь тысячъ душъ моихъ такъ скоро исчезли съ дымомъ, то онъ безъ сомнѣнія не знаеиъ умножительной силы долговъ, считаемихъ не должникомъ, а заимодавцами; вексели какъ липы чудеснымъ образомъ плодяшся, есѣли завѣса безпечноспи скрываетъ слѣдствія отъ глазъ разсудка. Къ тому же всякой почтенной мотъ находить вѣрныхъ соприудниковъ въ своихъ управителяхъ и дворецкихъ, которые всячески облегчаютъ бремя господскаго имѣнія, примѣшивъ, что оно угнетаетъ господина. — Я назвалъ мотъ *поттеннымъ*, и спѣшу оправдаться. Онъ есть благодѣтель общества и народа, раздѣляя съ обществомъ свое богатство. Собирагель подобенъ жадной рѣкѣ, которая печетъ въ прямой линіи, гло-

таеиъ ручейки и попоки, влажииъ только берега свои и сушииъ окрестности ; но распочиела можно сравняиъ съ рѣкою щедрою, копорая дѣлиа на тысячу рукавовъ, сообщаетъ влагу свою великому транспрансу, и мало помалу исчезая, дѣлаеа жертвою благотворительности.

Кому угодно, поиъ можеиъ вообразииъ меня спокойно и даже гордо идущаго по улицѣ; два человека несли за мною двѣ корзины, наполненныя любовными женскими письмами: единственное сокровище, которое заимодавцы позволили миъ вынести изъ дому! Родственникъ приняиъ меня холодно и съ упреками. Эмилия приѣхала къ нему въ слѣдъ за мною, и забывъ, что мы вмѣстѣ проживали имѣние, осыпала меня жестокими укоризнами; объявила поржественно, что союзъ нашъ разрываетъ; сѣла въ карету, и скрылась. Я летѣиъ къ

женщинѣ, которая за день передѣ
пѣмѣ увѣряла меня въ любви сво-
ей: меня не приняли — лепѣль
ко многочисленнымъ друзьямъ мо-
имъ: однихъ не было дома; другіе
вздумали чипать мнѣ наизусть
книжныя наспавленія, какѣ должно
быть умѣреннымъ и благоразум-
нымъ въ жизни! Имѣ надлежало бы
говорить о томъ, когда я угощалъ
ихъ. — Въ прибавокъ ко всему ме-
ня выгнали изъ службы какъ ра-
спушнаго человѣка.

Такіе случаи и непріятности
могли бы огорчить другаго; но я
родился Философомъ — сносилъ все
равнодушно, и пвердилъ любимое
слово свое: *Китайскія тѣни!* *Ки-
тайскія тѣни!* Всего хуже было то,
что займодавцы, недовольные
оспапками моего имѣнія, грозились
посадить меня въ пюрьму. При-
знаюсь, что мысль о темной ко-
нуркѣ пугала и самую мою фило-
софію.

Мѣсяца черезъ два прїѣхалъ ко мнѣ одинъ богатой Князь, съ пребываніемъ, чшобы я подписалъ нѣкоторую бумагу, и съ обѣщаніемъ удовольствоваться моихъ кредиторовъ; по естъ, мнѣ надлежало взвеспи на себя небылицу, копорая давала Эмилиі право избрать другога мужа. Я сперва захохоталъ, а послѣ задумался, воображая съ одной стороны ужасы темницы, а съ другой злыя насмѣшки людей. Между тѣмъ Князь говорилъ о своей благодарности; признался, что онъ намѣренъ жениться на Эмилиі, желая спасти ее отъ бѣдствій нищеты; предлагалъ мнѣ свою дружбу; увѣрялъ, что домъ его будетъ моимъ домомъ; даже звалъ меня жить къ себѣ. Тутъ *щастливая мысль* пришла мнѣ въ голову: я подписалъ бумагу.

Эмилиа краснорѣчивымъ письмомъ изъясвила мнѣ свою признательность (она вышла за Князя,

который немедленно выкупилъ мои вексели), и въ заключеніе говорила: „Мы не умѣли быть щаспливыми супругами : будемъ по крайней мѣрѣ нѣжными друзьями! Мужъ мой клянется любить васъ какъ брата.“ — Я спѣшилъ увѣрить ее въ своей чувствительности — и съ того времени поселился у Князя ; обѣдалъ, ужиналъ съ Эмилиєю; казался помнымъ, печальнымъ, и оставаясь наединѣ съ нею, говорилъ со слезами о прежней своей безразсудности, о моемъ сердечномъ раскаяніи, о потерянномъ навѣки щастіи, по естъ имени супруга любезнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Сперва она шутила ; но мало помалу начала слушать меня съ важнымъ видомъ и задумываться. Надобно знать, что Князь былъ человекъ пожилой и весьма непріятный наружноспію. Часто глаза ея пихонько сравнивали насъ, и съ выраженіемъ горести попуплялись

въ землю. Эмилія нѣкогда любила меня; переставъ бытъ ея мужемъ, я казался ей тѣмъ любезнѣе. Боясь свѣта, который громко осуждалъ ея второе замужство, она вела уединенную жизнь; уединеніе же, какъ извѣстно, питаетъ спрасси. Женщина, самая романическая, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ прельститься богатствомъ; но богатство перестаетъ для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца. Не хочу поминать Чипапеля долгимъ пріуготовленіемъ. *Планъ мой* щасливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилія опдалась мнѣ со всѣми знаками живѣйшей спрасси; а я черезъ минуточку едва могъ удержаться отъ смѣха, воображая странность побѣды своей и новостъ такой связи. — Старый мужъ опмспилъ новому; но мнѣ еще не довольно было воспорговъ Эмиліи, тайныхъ свиданій, нѣжныхъ писемъ: я хотѣлъ громкой

славы! и предложил своей женѣ-любовницѣ уйти со мною. Она испугалась — описывала наше положеніе самымъ щаспливымъ (ибо Князь стыдился ревновать ко мнѣ) — предвидѣла ужасъ свѣта, есѣли мы опважмся на такой неслыханной примѣрѣ разврата — и заклинала меня со слезами сжалиться надъ ея судьбою. Но женщина, копорая преспуила уже многія (по словамъ Моралистовъ) должноспи, не можетъ ни въ чемъ отвѣчать за себя. Я хотѣлъ непременно, требовалъ, грозилъ (помнился) заспрѣлить себя — и черезъ нѣсколько дней мы очутились на Мо**ской дорогѣ.

Торжество мое было совершенно: я живо представлялъ себѣ изумленіе бѣднаго Князя и всѣхъ честныхъ людей; сравнивалъ себя съ романтическими Ловеласами, и ставилъ ихъ подъ ногами своими: они увозили любовницъ, а я увезъ бывшую

жену мою опѣв впораго мужа! Эмилія грустила, но упѣшчалась мыслію, чпо она слѣдуетъ движенію непобѣдимаго чувства, и чпо любовь ея ко мнѣ есть героическая: упѣшеніе, кѣ копорому обыкновенно прибѣгають женщины въ заблужденіяхъ спраши или воображенія!

Въ М**ѣ знапные мои родспвенники не хотѣли пуспипъ меня въ домъ, а набожныя пепки и бабушки, вспрѣчаясь со мною на улицѣ, креспились опѣ ужаса. За то нѣкопорые молодые люди удилялись смѣлости моего дѣла, и признавали меня своимъ героемъ. Я покоился на лаврахъ, не боясь никакихъ слѣдствій: ибо доброй Князь, заключивъ горестъ въ сердце, не жаловался никому, и говорилъ своимъ знакомымъ, чпо онъ самъ опправилъ жену въ М**у для экономіи. Эмилія продала свои брилліанпы, и мы жили не дурно;

но она жаловалась иногда на мое равнодушіе, и наконец, узнавъ, что я вошелъ въ связь съ одною извѣсною вѣпренницею, слегла въ постелю; сказала мнѣ, что, бывъ женою, она могла сносить мои невѣрности; но сдѣлавшись любовницею, умираетъ отъ нихъ. Эмилія сдержала слово—и при смерти своей говорила мнѣ такія вещи, отъ копорыхъ волосы мои спали бы дыбомъ, есѣли бы, къ несчастью, была во мнѣ хотя искра совѣсти; но я слушалъ холодно и заснулъ спокойно; только въ ту ночь видѣлъ страшный сонъ, копорый безъ сомнѣнія не сбудетъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Не хочу говорить о дальнѣйшихъ моихъ любовныхъ приключеніяхъ, копорыя не имѣли въ себѣ никакого особеннаго блеска, хотя мнѣ удалось еще разорить двухъ или трехъ женщинъ (правда, не молодыхъ). Видя наконецъ, что лѣта и

невоздержность кладу на лицо мое угрюмую печать свою, я рѣшился взять другія мѣры, сдѣлался расповѣщникомъ, и сверхъ того забавникомъ, шуткомъ, повѣреннымъ мужей и женъ въ ихъ маленькихъ слабостяхъ. Мудрено ли, что мнѣ снова отворены входы во многіе имениныя дома? Такіе люди нужны на всякой случай. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ положеніемъ; и видя во всемъ дѣйствіе необходимой судьбы, ни одной минутой въ жизни моей не омрачилъ горестнымъ раскаяніемъ. Если бы я могъ возвратитъ прошедшее, то думаю, что повторилъ бы снова всѣ дѣла свои: захотѣлъ бы опять укусить ногу Папѣ, распущивать въ Парижѣ, пить въ Лондонѣ, играть любовныя Комедіи на Театрѣ и въ свѣтѣ, промывать имѣніе и увезти жену свою отъ вѣраго мужа. Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на

меня съ презрѣніемъ , и говорятъ ,
 что я оспыдилъ родъ свой ; что
 знапная фамилія есть обязанность
 быть полезнымъ человекомъ въ го-
 сударствѣ и добродѣтельнымъ гра-
 жданиномъ въ опечесствѣ. Но по-
 вѣрю ли имъ , видя съ другой спо-
 роны, какъ многіе изъ нашихъ лю-
 безныхъ соопечеспвенниковъ спа-
 раются подражать мнѣ , живупъ
 безъ цѣли , женятся безъ любви ,
 разводяпся для забавы , и разо-
 ряются для ужиновъ ? Нѣтъ , нѣтъ !
 я совершилъ свое предопредѣленіе,
 и подобно спраннику , копорый ,
 споя на высотѣ , съ удовольспвіемъ
 обнимаепъ взоромъ пройденныя имъ
 мѣста , радостно воспоминаю , что
 было со мною , и говорю себѣ :
такъ я жилъ !

Графъ N. N.

О ЛЕГКОЙ ОДЕЖДѢ МОДНЫХЪ КРА-
САВИЦЪ ДЕВЯТАГО-НАДЕСЯТЬ ВѢКА.

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была *скромность*. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худого, ни добраго: ибо домашняя жизнь (пвердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинствъ, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красотою и любезностію; въ немъ печется о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ улаживаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили воспочные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ возо-

ровѣ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щипъ прелестей, извѣстныхъ одному щастливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смотрю на молодыхъ красавицъ девятаго-надесять вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильпоновомъ ли раю (въ которомъ милая напура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служишь моделью для Венерина портрета во весь ростъ?

Дѣйствіе всеильной моды, которую, подобно форпунѣ, должно писать слѣпсю! Наши спыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную спыдливость свою, единственно для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія шѣ, которыя прытали конпрдансы на могилахъ родителей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужа-

сами Революціи и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣтъ состоишь изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдуя старой привычкѣ, хопимъ соглашанья съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назваться столицею вкуса: ибо утонченіе свѣтскихъ пріятностей было единственнымъ дѣломъ его въ теченіе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвращишься, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую любезность, которая — если не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго прона и на кипарисахъ Революціи. Какія женщины дають нынѣ тонъ въ Парижѣ? Роскошныя супруги Банкировъ и *подрядчиковъ* (fourisseurs), обогащенныхъ народною каз-

ною — женщины низкаго соспоя-
 нія, не имѣющія идеи о любезно-
 сти прежнихъ знатныхъ Францу-
 женокъ, которыя всего болѣе от-
 личались игрою ума и *кокетствова-
 ли*, такъ сказать, нѣжнымъ чув-
 ствомъ приспойности. Мудрено ли,
 что сіи новыя, молодые Аристо-
 крапки — сіи цвѣты, которыя вы-
 росли и распустились на землѣ
 облитой кровію несчастныхъ
 жертвъ гильотины — не имѣютъ
 никакого чувства истинныхъ жен-
 скихъ достоинствъ, и, стараясь
 нравиться, употребляютъ способы
 Парижскихъ Лаисъ, единственныхъ
 образцовъ своихъ? Но мудрено то,
 что въ государствѣ благоустроен-
 номъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе
 и правила, женщины, вообще любез-
 ныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ
 мѣщанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ
 великимъ трудомъ побѣждаютъ
 милую стыдливость; безъ сомнѣнія
 долго сражаются съ нею при сво-

емъ, такъ-называемомъ *Греческомъ* уборѣ, который скорѣе можно называть Американскимъ. Кпочиталъ древнихъ Авторовъ или хопя Анахарсиса, потѣ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ женскихъ статуяхъ обнажены нѣкоторыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенію опечесства, а желанію доказать свое искусство въ изображеніяхъ Натюры, опдаваясь на судъ супругамъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право снимать съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, еспъли угодно, всѣхъ нашихъ красавицъ; но что подумаетъ объ нихъ — на примѣръ, какой нибудь добродушной, но грубой Сибирякъ, пріѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію прелестную *откровенность* женскихъ сердецъ? Увѣримъ ли его,

что наши молодые супруги, в полурайской зефирной одеждѣ, не имѣютъ никакихъ намѣреній, оскорбительныхъ для свяности супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: „Оправьте же ихъ скорѣе домой; онѣ безъ сомнѣнія лунатики, сонныя вышли *изъ спальни* и сонныя сюда пріѣхали!“ Если будемъ извѣснять ему сей феноменъ дѣйствіемъ Французской моды, то онъ вообразитъ, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!

Если красавицы по справедливости вѣрятъ болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (которые всѣ Сибиряки своею неучтивостію), то скажемъ съ важностію Гиппократовъ и Галеновъ, что въ

сѣверномѣ климатѣ эта мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты! Уже къ нещастію могли бы мы наименовать двѣ или три жертвы ея, всѣмѣ извѣстныя; но избѣгая личностей, говоримѣ только о возможномѣ. Напура не предвидѣла сего обыкновенія, и надѣясь на вѣрную защиту одежды, образовала женскія прелести такѣ нѣжно, что прикосновеніе грубаго воздуха для нихѣ бѣдственно, особливо послѣ нашихѣ баловѣ, которыя споятѣ труда всѣхѣ Греческихѣ Аплетовѣ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять вѣ красавицѣ зарожденіе ужасной, смертельной болѣзни, которая, постепенно изглаживая всѣ ея прелести, ведетѣ ее тихими или быстрыми шагами ко гробу.

Это сильно; но слѣдуя правиламѣ школьной Репорики, самое сильнѣйшее убѣжденіе сохранили

мы для конца. Вошѣ оно : воображеніе естѣ самой льстивой живописецѣ : оно пишаеиѣ спраспи; но глаза ослабляюиѣ уже его дѣйствіе; я не воображаю того , что вижу ; а видя нынѣ и завпра, привыкаю , и часѣ отѣ часу смопрю равнодушнѣе. Вамѣ конечно нѣиѣ дѣла до меня , красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за семдесяиѣ лѣиѣ) ; но такѣ самые молодые люди чувствуюиѣ, и Жанѣ Жакѣ Руссо, по справедливоспи любезный всякому нѣжному сердцу , вамѣ по же скажетѣ, естѣли заглянете вѣ Эмиля. Вы конечно прелестны , и живописцы ходяиѣ за вами сѣ кистию ; но истинная польза *милой стрести* , копорая соспавляеиѣ главное дѣло вашего, иногда слишкомѣ чувствительнаго сердца , пребуеиѣ покрывала!

Еще одно замѣчаніе. Вѣ мое время женщины хвалили Вертера, копорой сказалѣ , что жена его ни-

когда не будетъ *вальсировать* ; это чувство казалось имъ *нѣжнымъ*. Въ мѣ время мужья и любовники бывали ревнивы: теперь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо переплывѣе и покойнѣе ; *тѣмъ* лучше для семейственнаго мира , но — *тѣмъ* хуже для живости спраспей ; *тѣмъ* хуже для милой власти женскаго пола!

В. Мулатовъ.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РОССІИ МАЛО АВТОР-
СКИХЪ ТАЛАНТОВЪ?

Еспѣли мы предложимъ сей во-
просъ иностранцу, особливо Фран-
цузу, то онъ не задумавшись бу-
детъ отвѣчать: „отъ холоднаго
климата.“ Со временъ Монпескье
всѣ феномены умственнаго, по-
липическаго и моральнаго міра
извѣсняются климатомъ. Ah, mon
cher Monsieur, n'avez-vous pas
le nez gelé? сказалъ Дидеротъ
въ Петербургѣ одному земляку
своему, который жаловался, что
въ Россіи не чувствуютъ великаго
ума его, и который въ самомъ дѣ-
лѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ
ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Ла-

пландія ; здѣсь солнце такъ же лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ ; также есть весна и лѣто, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе ; но можетъ ли дѣйствіе его на человека, столь умеренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредить дарованіямъ ? И вопросъ кажется смѣшнымъ ! Скорѣе жаръ, ослабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшитъ ту силу мыслей и воображенія, которая составляетъ талантъ. Давно извѣстно Медикамъ-наблюдателямъ, что жители сѣвера долговѣчнѣе жителей юга : климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія не губителенъ и для дѣйствіи души, которая въ здѣшнемъ мірѣ столь тѣсно соединена съ тѣломъ. — Если бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый

ѣиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли
Виргиліи и Тассы; но въ Архипе-
лагѣ курятъ . . . табакъ, а въ Ита-
ліи поютъ . . . Кастрапы.

У насъ конечно менѣе Авпор-
скихъ талантовъ, нежели у дру-
гихъ Европейскихъ народовъ; но
мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣд-
ственно Природа не осудила насъ
удивляясь имъ только въ чужихъ
земляхъ. Не въ климатѣ, но въ
обстоятельствахъ гражданской жи-
зни Россіянъ надобно искать оп-
вѣта на вопросъ: „для чего у насъ
рѣдки хорошіе Писатели?“

Хотя талантъ есть вдохновеніе
Природы, однакожъ ему должно
развишься ученіемъ и созрѣть въ
постоянныхъ упражненіяхъ. Авпо-
ру надобно имѣть не только соб-
ственно такъ называемое дарова-
ніе—то есть, какую-то особен-
ную дѣятельность душевныхъ спо-
собностей — но и многія истори-
ческія свѣдѣнія, умъ образованный

Логикою, тонкой вкусом и знаніе свѣта. Сколько времени попребно единственнаго на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольперъ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ Рускимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монпана, Паскаля, 5 или 6 Авипоровъ въка Лудовика XIV, Вольпера, Руссо, Томаса, Мармоншеля (*), можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника. Истинныхъ Писателей было у насъ

(*) Какъ сочинителя единственныхъ сказокъ.

еще такъ мало, что они не успѣли
 дать намъ образцевъ во многихъ
 родахъ; не успѣли обогатить словъ
 тонкими идеями; не показали, какъ
 надобно выражать пріямно нѣкоторыя,
 даже обыкновенныя мысли. Рус-
 кой *Кандидатъ Авторства*, недоволь-
 ный книгами, долженъ закрыть
 ихъ и слушать вокругъ себя раз-
 говоры, чтобы совершеннѣе узнать
 языкъ. Тупъ новая бѣда: въ луч-
 шихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе
 по-Французски! Милыя женщины,
 копорыхъ надлежало бы только
 подслушать, чтобы украсить ро-
 манъ или комедію любезными, ща-
 спливыми выраженіями, плѣняяюшъ
 насъ не Рускими фразами. Чтожь
 остается дѣлать Автору? выду-
 мывать, сочинять выраженія; уга-
 дывать лучший выборъ словъ; да-
 вать старымъ нѣкоторый новый
 смыслъ, предлагать ихъ въ новой
 связи, но столь искусно, чтобы
 обмануть читателей и скрыть опѣ

нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкопрыхъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой прудности, и что свѣтскія женщины не имѣють терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Еслили спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: „не знаю; но это грубо, несносно!“ — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и пѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Руской только опчаси; Французы пишутъ какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишеть человѣкъ съ талантомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной сте-*

пени. Но еспьли хорошенько подумаемъ, шо едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіянь во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства*; охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняють насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ споила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, еспьли и самое щасливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственно поспоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ

Россіи болѣе другихъ учаща дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: шестъ время иппи въ службу, время искашь чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа бышь предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чпеніе; имя хорошаго Автора еще не имѣемъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявишь другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитъ частое уединеніе. — Молодые люди средняго соспоянія, которые учаща, также *спѣшатъ* выпппи изъ школы или Университета, чпобы въ гражданской или военной службѣ получишь награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногіе, которые оспаютъ въ ученомъ соспояніи, рѣдко имѣютъ случай узнашь свѣтъ — безъ чего трудно Писателю образовашь

вкусъ свой , какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ понюски и пріятности въ слогъ, *переправляли*, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтъ, наблюдая, что ему нравилося, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія : даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щасливъ, кто, слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ куплецахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непременно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ Авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ,

или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Напура и характеръ пропиваясь иногда силѣ обстоятельствъ и спавяпѣ человека на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или опѣ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Литтературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человеку выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаетъ игрушку, и хочетъ говорить речами. Какой хорошій Авторъ въ

дѣтствѣ своемъ не сочинялъ уже сапирѣ, пѣсенѣ, романовѣ? Но обспоятельспва не всегда успупаюпѣ природѣ; еспѣли они не благопріятспвуютѣ ей, то ея дарованія по большой часпи гаснутѣ. Чему быпѣ трудно, то бываепѣ рѣдко — однакожь бываепѣ — и чувспвищельное сердце, живоспѣ мыслей, дѣятельноспѣ воображенія, вопреки другимѣ явнѣйшимѣ или ближайшимѣ выгодамѣ, привязываютѣ иногда человекѣ къ шихому кабинету, и заспавляютѣ его находипѣ неизбяснимую прелеспѣ въ трудахѣ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувспвѣ, въ украшеніи языка. Онѣ думаетѣ — желая дапѣ цѣну своимѣ упражненіямѣ для самого себя — думаетѣ, говорю, чпо трудѣ его не бесполезенѣ для опечеспва; чпо Авпоры помогаютѣ согражданамѣ *лучше мыслитѣ и говоритѣ*; чпо всѣ великіе народы любили и любяпѣ таланты;

что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Немцы, не славились бы умомъ своимъ, естли бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмыслиемъ и косноязычiemъ дурныхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сапиръ на вкусъ народа; что образцы благороднаго Рускаго красноречія едва ли не полезнее самыхъ классовъ Лаптинской Элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя папріотическіе и моральные предметы, можетъ благоустроить нравамъ и питать любовь къ отечеству. — Другіе могутъ думать иначе о Литературѣ: мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

МЫСЛИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ символическимъ словамъ. Назовите его — и чувствительный воображаетъ любезную пустыню, густыя сѣни деревъ, тихое журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ и самое уединеніе не отвѣт-

ствуетъ ихъ ожиданіямъ; цвѣты
его благоухаютъ въ воображеніи,
и вянутъ въ грубомъ элементѣ су-
ществе нносіи.

Быть щасливымъ или доволь-
нымъ въ *совершенномъ* уединеніи мо-
жно только съ неиспощимымъ бо-
гатствомъ внутреннихъ наслажде-
ній и въ опсущствіи всѣхъ потреб-
ностей, которыхъ удовлетвореніе
внѣ насъ; а человекъ отъ первой
до послѣдней минуты бытія есть
существо зависимое. Сердце его
образовано чувствовать съ други-
ми и наслаждаться ихъ наслажде-
ніемъ. Опдѣляясь отъ свѣта, оно
изсыхаетъ подобно расптнію, ли-
шенному живописныхъ вліяній
солнца.

Чувствительный воображаетъ
благопріятнымъ для уединенія то
время, когда человекъ, сто разъ
обманутый въ своихъ милыхъ на-
деждахъ, переспаетъ наконецъ же-
лать и надѣяться: тогда уедине-

ніе кажепся единспвенною его опрадою, единспвеннымъ вѣрнымъ пріспанищемъ на Океанѣ безпокойной жизни; памѣ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онѣ будетѣ житѣ и чувспвоватѣ съ одною природою; памѣ, съ гореспію воспоминаая жестокую холодноспѣ людей, онѣ утѣшивпся мыслію, что сердце его не подобно ихѣ сердцу; памѣ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропѣ скажетѣ: *онѣ не ядовитѣ: въ немѣ нѣтъ дыханія пороковѣ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣспѣ, оскорбленная чувспвишельноспѣ не найдетѣ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца еспѣ любовь, желаніе, надежда, которыхѣ предметѣ бываепѣ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безѣ отношеній къ миру нравспвенному не имѣютѣ ни-

какой живой прелести. Можемъ ли плѣняпсья поржеспвеннымъ восходомъ солнца или кропкимъ свѣпиломъ ночи, или пѣснiю соловья, когда солнце не освѣщаепь для насъ ничего милаго; когда мы не пишаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ влiяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часно говоряпъ Мизантропы, еспь только одно слово безъ всякаго истиннаго значенiя. Какая мысль оспанепсья въ душѣ, еспьли она забудепь свѣтъ? а воспоминая его, скоро начнемъ жалѣпъ объ немъ: ибо воспоминаніе еспь самое льспивое зеркало: оно украшаепь предметы. Такъ все, чпо давно миновалось, опъ времени кажепсь намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей перяютъ примѣсѣ неудовольспвiй, подобно какъ мешалѣ перяепъ примѣсѣ нечиспоты въ гор-

нилѣ — и добродушный пустынникѣ или возвратишся въ свѣтъ, или за упрямство будешъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человекѣ не созданъ для всегдѣшняго уединенія, и не можешъ передѣлать себя. Люди оскорбляющъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтъ, антидотъ тамъ же. Одинъ уязвляешъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ утѣжищахъ Натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышающъ и текутъ быстрѣе; разумъ въ опусканіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить

киспію, такъ наблюдатель удаля-
ется иногда отъ свѣта, чѣобы
тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представишь
его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо
оставилъ городъ, чѣобы въ гу-
стыхъ тѣняхъ Парка размышлялъ
объ измѣненіяхъ человѣка въ гра-
жданской жизни, и слогъ его въ
семъ твореніи имѣетъ свѣжесць
Природы.

Временное уединеніе есть так-
же необходимосць для чувстви-
тельности. Какъ скупецъ въ ти-
шинѣ ночи радуется своимъ золо-
томъ, такъ нѣжная душа, будучи
одна съ собою, плѣняется созерца-
ніемъ внутренняго своего богат-
ства; углубляется въ самое себя;
оживляетъ прошедшее, соединяетъ
его съ настоящимъ, и находитъ
способъ украшать одно другимъ. —
Какой любовникъ не спѣшилъ ино-
гда отъ самой любовницы своей въ
уединеніе, чѣобы, насладившись
блаженствомъ, въ крошкѣ покоѣ

души насладишься еще его воспоминаніемъ, и на свободѣ говоришь съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда опсылать любовниковъ въ уединеніе, которое своими размышленіями и мечтами питаешь спра-
спи.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой человѣкъ любитъ удаляясь отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нѣтъ, уединеніе есть худой товарищъ для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединенія. Чтобы пріятно бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, которая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкопо-

рою особенною живостию воображенія, всѣмъ *Эпикурейцамъ чувствительности*, совѣшную иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля, *блещутъ красотой, одеждою, умою*, выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тогда чувствуешь въ себѣ какую то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его сценами. Такія противоположности разительны, и могутъ быть источникомъ живыхъ удовольствій. „Величественный шумъ деревъ, „качаемыхъ въпрямь надъ моею головою (говоритъ одинъ Писатель) „есть мистическій языкъ Напуры, „который бываетъ для меня священнѣе послѣ городского шума.“

Скажемъ наконецъ, что уедине-

ніе подобно тѣмъ людямъ , съ ко-
порыми хорошо и пріямно видѣться
изрѣдка , но съ копорыми жипь
всегда пиягоспно уму и сердцу!

А Н Е К Д О Т Ъ.

Шесть человекъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ пракширѣ Кресповскаго острова въ П — б. Въ числѣ ихъ былъ Ліодоръ, Секретарь Графа Н. Н., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, спучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ зачихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость опкровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждого было сердце на языкъ; всякой рассказывалъ о своихъ желаніяхъ, надеждахъ, успѣхахъ и неудачахъ.

Ліодоръ наименовалъ Емилию — и всѣ закричали: „какъ ты щаспливъ, есѣли она тебѣ любила!“ Емилиа была одною изъ первыхъ Мо — скихъ красавицъ. Ліодоръ вынулъ изъ записной книжки портретъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Воскли- цанія: „какъ ты щаспливъ!“ повпо- рялись. „Ахъ! благодарю Судьбу!“ сказалъ онъ: „кто имѣетъ преле- спную невѣсту, вѣрнаго друга, доб- рыхъ пріятелей и 24 года опъ роду, тому не чѣго болѣе желать въ свѣ- тѣ!“ Ліодоръ, говоря такимъ обра- зомъ, съ горячностію обнималъ Ми- лона, нѣжнаго друга своего. . . . Ме- жду свѣчъ свѣчи догорѣли; самое ве- селье утомило молодыхъ людей: надлежало расстаться, впредь до скорого и радостнаго свиданія.

Ліодоръ и Милонъ поѣхали вмѣ- стѣ на лодкѣ. Утренняя весенняя заря красила небо, опсвѣчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Ліодоръ былъ въ самомъ щаспливѣйшемъ распо-

ложеніи, и говорилъ съ пихимъ
 воспоргомъ: *Какъ мила жизнь!
 какъ все хорошо въ свѣтѣ! Никогда
 еще душа моя не чувствовала такой
 живой благодарности къ Творцу! —*
 На берегу друзья проспились; имъ
 надлежало иппи въ разныя спо-
 роны. Ліодоръ оспановился, взгля-
 нулъ назадъ, и видя, что Милонъ
 также спойпъ на одномъ мѣспѣ
 и смоприпъ на него, бросился еще
 разъ обняпъ друга; глаза его на-
 полнились слезами, радоспными и
 сладкими. . . . Предчувспвіемъ бѣд-
 спвія называемъ мы обыкновенно
 уныніе и поску безъ извѣспной
 причины; но иногда таипся оно
 въ какомъ-то необыкновенномъ и
 неизбяснимомъ сердечномъ удоволь-
 спвіи. Щаспье, гоповясь оспа-
 випъ насъ, представляется сердцу
 во всей красопѣ своей и ласкаетъ
 его съ опмѣнною живоспію. Судь-
 ба, поднимая руку съ мечемъ, дру-
 гою сыплетъ цвѣпы на жерпву

свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Ліодоръ нашелъ дома письмо изъ Мо — вы, въ которомъ уведомляли его объ Эмилиной скоропостижной смерти! . . . Есть горести, которыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствительности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Несчастный молодой человекъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Ліодору пресупленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ побѣжалъ къ нему, чтобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: „я въ отчаяніи, а ты не знаешь!“ — У воротъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана,

а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на сполѣ: онъ умеръ наканунѣ! . . .

Ліодоръ казался твердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трупъ съ горячностію — и спѣшилъ къ своему начальнику, Графу Н. Н., который, взглянувъ на него, ужаснулся: на Ліодоръ не было лица человѣческаго. Онъ пребывалъ своей опіставки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣщовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Ліодоръ улыбнулся. . . . Сія усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Ліодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ такъ веселъ и щасливъ! . . . Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Ліодоръ

уѣхалъ изъ П — а, съ намѣреніемъ, которое для него самого было не ясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно переѣхать мѣсто, когда судьба его такъ ужасно переѣхалась. — Открылась М — ва, въ которую воображеніе и сердце его такъ часто лезло, и куда онъ надѣялся возвратиться за пѣмъ, чтобы навеки соединиться съ Эмилией! . . . Лѣодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ сѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ спокойствія могилъ, которыми онъ наполненъ. Въ семъ истинномъ жилищѣ мертвыхъ не видно было ни одного живого существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не отдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-

по симпатія . . . . . Ліодоръ былъ
тамъ нѣкогда съ Эмилиєю и вмѣ-
стѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ
ея матери: подлѣ сего монумента
лежалъ новый камень . . . . . Сердце
несчастнаго любовника запрепета-
ло; онъ бросился на колѣни — цѣ-
ловалъ, омывалъ слезами Эмилиину
могилу — говорилъ съ мертвою
какъ съ живою — описывалъ ей
опчаяніе любви своею — душа его
дѣлилась между небомъ и землею,
спремаясь къ остаткамъ плѣннаго
бытія любовницы и къ тому, чѣмъ
составляло жизнь и красоту его . . . .
Въ сіи минуты, когда сердце рвеш-
ся къ милымъ усопшимъ, подымаеш-
ся нѣкоторымъ образомъ таин-
ственная завѣса вѣчности: мы чув-
ствуемъ дыханіе безсмертныхъ —
осязаемъ, кажемся, эфирное суще-
ство ихъ. Живость сихъ воспор-
товъ заставляетъ насъ думать,
что они не совсѣмъ мечтательны,
и что смерть не есть совершен-

ный разрывъ сердець, которыя жили однимъ чувствомъ. Есѣли мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранить память любезныхъ, то не уже ли они въ другой сферѣ бытія совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? какіе законы не уступятъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милого? и что останется непобѣднаго въ душѣ, есѣли въ ней любовь исчезаетъ? . . . Но сіи воспорги не продолжительны; душа низпадаетъ въ горестную существенность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ своихъ одинъ слабый лучъ надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечерѣ Ліодоръ видѣлъ одного старца, котораго Христіянская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суешѣ

міра, указывалъ на гробы!... Онъ утѣшалъ молодаго челоѣка, но единспвенно такъ, какъ утѣшаетъ Религія — не мечпами, не видами новыхъ удовольспвій въ жизни, а необходимоспію покорятъся таинспвенной волѣ Всевышняго.

Ліодоръ побѣхалъ въ свою деревню въ Во — ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко опшуда еспъ монастырь, основанный (какъ говоришъ предаііе) въ шестомъ-надесять вѣкѣ однимъ нещаспнымъ опцомъ и супругомъ, копорый служилъ въ войскѣ Царя, возврапілся въ свое помѣспье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣтей: они сгорѣли во время его опспспвія. Онъ поспроилъ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Ліодоръ рѣшилъ слѣдовать его примѣру и навѣки опказатъся опъ міра. Начальникъ тамошняго Духовен-

спва, мужъ благоразумный, совѣ-
 повалъ ему прежде испытать сер-
 дце свое, и назначилъ для него при-
 года искуса. Молодой человекъ по-
 селился въ сей уединенной обище-
 ли, и два года служилъ примѣромъ
 строгой жизни древнихъ Христіян-
 скихъ опшельниковъ. Господинъ
 П * * * (который рассказывалъ сво-
 имъ пріятелямъ сей анекдотъ) ви-
 дѣлъ его въ исходѣ вѣселаго года:
 Ліодоръ казался въ душѣ и въ сер-
 дцѣ мерпвымъ для свѣта; на блѣд-
 номъ лицѣ его изображалось какое-
 то величественное спокойствіе;
 онъ не хотѣлъ даже говорить о
 своихъ несчастіяхъ и потеряхъ.—
 Господинъ П * * * увидѣлся съ нимъ
 въ другой разъ черезъ нѣсколько
 мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему,
 повелъ его гулять въ лѣсъ, и за-
 краснѣвшій указалъ ему на одномъ
 деревѣ имя Эмилиі. Слезы поли-
 лись изъ глазъ его; онъ началъ го-
 ворить объ ней; рассказывалъ всѣ

обстоятельствъ своей исторіи съ великою живоспію, и слушалъ съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П***, удивленный его перемѣною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. „Нѣтъ!“ отвѣчалъ молодой человекъ: „я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. — Въ гробъ мой!“ примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П*** узналъ, что Ліодоръ умеръ, *будучи выгнанъ изъ монастыря за непристойныя поступки*, которыхъ я не хочу описывать! . . . . Въ феноменъ человеческого сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ несчастливы, когда угодно Провидѣнію опни-мать у насъ радости, но останемся на сценѣ до послѣдняго дѣйствія — останемся въ училищѣ горестей до той минуты, какъ тайн-

спвенный звонокъ перезовеѣ насъ
въ другое мѣсто! — А вы, моло-
дые люди, въ несчастіяхъ и въ по-
теряхъ своихъ не обманывайте
себя мыслию, что рана ваша неиз-
цѣлима: нѣтъ! юное сердце, пы-
лая жизнь, излечается опъ горе-
шей собспвенною внутреннею си-
лою — и сіе выздоровленіе обнов-
ляетъ его чувствительность къ
удовольствіямъ жизни. — Иное дѣ-
ло, когда человекъ, подобно вечер-
нему солнцу, приближается къ сво-
ему западу: тогда единспвенно
упрапы бывають невозвратимы;
но и тогда, чѣобы не дѣйствовать
вопреки плану Напуры, не должно
умирать для свѣта прежде смер-
ти. Если между гробомъ и нами
нѣтъ уже никакого земнаго жела-
нія; если не можемъ наконецъ
быть дѣятельны для своего щастія,
то будемъ дѣятельны хотя для раз-
сѣянія, хотя для удовольствія дру-
гихъ людей, опираясь на якорь Ре-

лигїи, копорая, подобно надеждѣ, бросаетъ его человѣку въ бѣдспві-яхъ, но не обманываетъ человѣка такъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ И ЛЮБВИ КО ЧТЕНІЮ ВЪ РОССІИ.

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, копорыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріямно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуеетъ.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распроспранителемъ книжной торговли. Взявъ на оупкупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отда-

валъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуешь произведеніями всѣхъ земель: то естъ, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богачѣе содержаніемъ, прибавилъ къ полипическимъ разныя другія стапши, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское Чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, несмотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось Публикѣ. Число Пренумерантовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000. Съ 1797 году газеты сдѣлались важны для

Россіи Высочайшими Императорскими приказами и другими государственнымъ извѣспіями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходится Московскихъ около 6000: безъ сомнѣнія еще мало, когда мы вообразимъ величіе Имперіи, но много въ сравненіи съ прежнимъ расходомъ; и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возраспало, какъ въ Россіи. Правда, что еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самые безграмотные желаютъ знать, *что пишутъ изъ тужихъ земель!* Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чпеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пятеро изъ нихъ скла-

дываются и берутъ Московскія газетны, хопя чешверо не знають грамоны; но пяшой разбирають буквы, а другіе слушають.

Наша книжная торговля не можетъ еще равняться съ Нѣмецкою, Французскою или Англійскою; но чего не лзя ожидать отъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими поварами, привозятъ и богатства нашей Липперашуры. Такъ на примѣръ сельскія дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде поргаша ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перспнями: нынѣ ѣздятъ они съ *уценымъ товаромъ*, и хопя по большой части сами не умѣють чипать, но желая прельспить охопниковъ, рассказываютъ содержаніе романовъ и комедій, правда по-своему и весьма

забавно. Я знаю дворянѣ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 500 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, *библіотетки*, радуясь ими, и между тѣмъ, какъ мы бросаемъ, куда попало, богатые изданія Вольпера, Бюффона, они не дадутъ упасъ пылинкѣ на самага Мирамонда; читаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечипываютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Любопытный пожелаетъ, можетъ быть, знать, какого роду книги у насъ болѣе всего расходятся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: „романы!“ Не мудрено: сей родъ сочиненій есть безъ сомнѣнія самый любопытнѣйшій для большей части Публики, занимая сердце и воображеніе, представляя картину свѣта и подобныхъ намъ людей въ любопытныхъ положеніяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ самую обы-

кновенную спрасъ въ ея разнообразныхъ дѣйствіяхъ. Не всякой можеть философствовать или спавить себя на мѣстѣ Героевъ Истории; но всякой любитъ, любилъ или хотѣлъ любитъ, и находить въ романическомъ Герое самого себя. Чишпашелю кажется, что Авпоръ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ пишпаетъ надежду, въ другомъ пріятное воспоминаніе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе переводовъ, нежели сочиненій, и слѣдственно иностпанные Авпоры перебиваютъ славу у Рускихъ. Теперъ въ спрашной модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы пребовали *Персидскихъ писемъ* отъ всякаго Сочинишеля, такъ наши книгопродавцы пребуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ Авпоровъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, еспъли на пишпулъ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь: лишь бы только чипали! И романы, самые посредственные, — даже безъ всякаго таланта писанные, способствующіе нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Миканоромъ*, *злостнымъ* *дворяниномъ*, попу на лѣсницѣ умственного и моральнаго образованія споймъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что чипаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между Авторомъ и чипателемъ велико разстояние, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ умѣнь ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностію, такъ вкусъ нравственный открываетъ человеку вѣрную анало-

гію предмета съ его душею ; но сія душа можеѣь возвыситься поспепенно—и кпо начинаеѣь *Злощастнымъ дворяниномъ*, не рѣдко доходитѣь до Новой Элоизы.

Всякое пріятное чпеніе имѣеѣь вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетѣь, ни воображеніе не представляетѣь. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая Логика и Репюрика : кпо ихъ читаеѣь, будеѣь говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаеѣь ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: по описываетѣь какой нибудь Американской оспровъ, испоща Бишинга; по извясняетѣь свойство тамошнихъ растѣній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ обра-

зомъ чипашель узнаешъ и Географію и Напуральную Испорію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Планета Піацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравственности; всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную цѣль или представляютъ моральное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бывающъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми Авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся? обыкновенно чув-

спвишпельные; слезы, проливаемые
 чипашелями, текутъ всегда отъ
 любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ,
 нѣтъ! дурные люди и романовъ не
 чипаютъ. Жесткая душа ихъ не
 принимаетъ кропкихъ впечатлѣній
 любви и не можетъ заниматься
 судьбою нѣжности. Гнусный коры-
 сполубецъ, эгоистъ, найдетъ ли
 себя въ прелестномъ романическомъ
 Героѣ? а что ему нужды до дру-
 гихъ? Неоспоримо то, что романы
 дѣлаютъ и сердце и воображеніе...
*романтически*мъ: какая бѣда? пѣмъ
 лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для
 насъ, живелей холодного и желѣз-
 наго сѣвера! Безъ сомнѣнія не ро-
 маническія сердца причиною того
 зла въ свѣтѣ, на которое вездѣ
 слышимъ жалобы, но грубыя и хо-
 лодныя, то есть совсѣмъ имъ про-
 тивоположныя! Романическое сер-
 дце огоргаетъ себя болѣе, нежели
 другихъ; но за то оно любитъ свои

огорченія, и не опдастѣ ихѣ за самыя удовольствія эгоисповѣ.

Однимѣ словомѣ: хорошо, что наша Публика и романы читаеиѣ!

О СЛУЧАЯХЪ И ХАРАКТЕРАХЪ ВЪ
РОССІЙСКОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
МОГУТЪ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМЪ ХУДО-
ЖЕСТВЪ.

Письмо къ Господину • Н. Н.

Мысль, задавать художникамъ пред-
меты изъ отечественной Исто-
рии, достойна вашего Патриотизма,
и есть лучшій способъ оживить
для насъ ея великіе характеры и
случаи, особливо пока мы еще не
имѣемъ краснорѣчивыхъ Испори-
ковъ, которые могли бы поднимать
изъ гроба знаменитыхъ предковъ
нашихъ и явить тѣни ихъ въ лу-
чезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту
Рускому всего ближе и любезнѣе
прославлять Руское, въ то щаст-
ливое время, когда Монархъ и Са-
мое Провидѣніе зовутъ насъ къ

испипному народному величію. Должно пріучипь Россіянѣ кѣ уваженію собственаго; должно показати, что оно можетъ быти предметомъ вдохновеній Арпіста и сильныхъ дѣйствій Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бывають органами Патриотизма. Если историческій характеръ изображенъ разительнo на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣпописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человека, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣпописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣти свѣдѣніе о прошедшемъ.

Вы говорите о прехъ историческихъ картинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художествъ: содержаніе ихъ доспойно похвалы. *Взятіе Казани, избраніе Михаила Теодоровича и Полтавское сраженіе* предспавляють намъ важныя эпохи Россійской Исторіи. Разрушеніе Казанскаго царства запечашло независимость Россіи, славно освобожденной отъ ига Татарскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, испинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Съ воцареніемъ Романовыхъ опечество наше — говоря простыми Рускими словами — *увидѣло свѣтъ*: мяшежи прекрапились, и Россія начала возрастать въ величїи и славѣ съ какою-то удивительно спройною постепенноспїю. А Полтавское сраженіе ушвердило или, лучше сказаць, основало первенство Россіи на сѣверѣ. Я надѣюсь, что художники, почпивъ такимъ образомъ сіи при важныя

эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ пребываніямъ Искусства въ изображеніи дѣйствія.

Зная совершенно Исторію нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, которая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хопите совѣтоваться съ другими въ разсужденіи дальнѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ остается быть благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пуспой учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель опечеспвленной Исторіи, имѣющій только самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на карпинѣ самое начало Россійской Истории, то есть, призваніе Варяж-

скихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить прехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, копорая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляло ихъ говорить Неспоръ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ (или, справедливѣе, Триворъ) совѣщаются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Худож-

никѣ опличипѣ лица Славянскія
отѣ Варяжскихѣ : первыя должны
быпѣ нынѣшнія Рускія , а за обра-
зецѣ послѣднихѣ надобно взяпѣ
Шведскія, Норвежскія или Данскія.
Варяги были Норманцы : симѣ об-
щимѣ именемѣ назывались , какѣ
извѣстно , жишели упомянутыхѣ
трехѣ земель.

Еспѣли бы Госпомыслѣ былѣ въ
самомѣ дѣлѣ историческимѣ хара-
ктеромѣ , то мы конечно бы захо-
пѣли его изображенія; но Неспорѣ
не говоритѣ обѣ немѣ ни слова; а
всѣ другія лѣпописи слишкомѣ но-
вы , баснословны и списаны съ Поль-
скихѣ , также весьма новыхѣ и ба-
снословныхѣ. Я бьюсь обѣ закладѣ,
что прежде іб вѣка , или прежде
Сприковского, нигдѣ не упомина-
лось о Госпомыслѣ ; Неспорѣ жилѣ
въ первомѣ-надесяпѣ и не имѣлѣ
обѣ немѣ идеи. Эпо кажется мнѣ
рѣшипельнымѣ. — Вадимѣ *храбрый*

принадлежитъ также къ баснословію нашей Исторіи.

Олеѣъ, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту мину, какъ онъ прибываетъ щипъ свой къ Цареградскимъ вѣрошамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его товарищей, копорые смопрятъ на сей щипъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту мину Олеѣъ могъ спросить: *кто болѣе и славнѣе меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ картины другаго рода — философической, естли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, освященные древностию и самымъ просвѣщеннымъ Историкомъ уважаемая, особливо, естли онъ представляетъ *живыя терты времени*, или заключающъ въ себѣ мораль, или остроумны. Та-

кова естъ басня о смерти Олеговой. Волхвы предсказали ему, что онъ умретъ отъ любимаго коня своего. Геройство не спасало тогда людей отъ суевѣрія: Олегъ, повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ себя любимаго коня; вспомнилъ объ немъ черезъ нѣсколько лѣтъ — узналъ, что онъ умеръ — захопѣлъ видѣть его кости — и полкнувъ ногою черепъ, сказалъ: „эпо ли для меня опасно?“ Но змѣя скрывалась въ черепъ, ужалила Олега въ ногу, и Герой, побѣдитель Греческой Имперіи, умеръ отъ наѣкомаго. Впечатлѣніе сей карпины должно быть (какъ я сказалъ) философическое, моральное: *помни тлѣнность теловѣтеской жизни!* Я изобразилъ бы Олега въ то мгновеніе, какъ онъ съ видомъ презрѣнія опталкиваетъ черепъ; змѣя выспавляетъ голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выраженіе ея непріятны въ лицѣ геройскомъ. За нимъ спо-

япѣ воины съ Греческими профе-
ями, въ знакѣ одержанныхъ имѣ
побѣдѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи
можно представитъ одного изъ
волхвовъ, который смотритъ на
Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга есть Героиня нашихъ дре-
внихъ лѣтописей, которыя раз-
сказываютъ чудеса объ ея хитро-
сти. Художнику должно воспользо-
зоваться симъ знаменитымъ ис-
торическимъ характеромъ: ему ос-
тается выбрать любое изъ десяти
возможныхъ *представленій*. Захо-
четъ ли онъ изобразитъ Ольгу въ
ту мину, какъ она, пылая местью
въ сердцѣ за убіеніе супруга, и скры-
вая гнѣвъ свой подъ видомъ ласки,
принимаетъ у себя въ перемѣ по-
словъ Древлянскихъ; или когда на
могилѣ Игоревоѣ опправляетъ
призну (что подаетъ художнику
случай представитъ древніе обря-
ды языческаго); или когда она, сре-
ди торжественнаго великолѣпія

Греческой Религiи, креститсѣ въ Царѣ-Градѣ. Но я знаю, что художники не любѣтъ спарыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода. И такъ они могутъ изобразитъ ея стоворѣ. На примѣрѣ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, которой съ восхищенiемъ радостнаго сердца смотритъ на красавицу, невинную, снѣдливую, воспитанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею стоитъ мать ея, о которой нѣтъ хоща ни слова въ лѣтописяхъ, но которая присущимъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравственномъ образованiи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и состоянiи одна нѣжная родительница можетъ наилучшимъ образомъ воспитать дочь. Живописецъ изобразитъ приготовленiя къ стовору по своей фантазiи. Одинъ почтенный Россiанинъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю

пропировѣчипь ему, и знаю, что Неспорѣ обѣ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Арписъ могъ бы представитъ на сей картинѣ священныхъ служителей Лады и Полели, чптобы обогатитъ ея содержаніе.

Никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Свяшлавъ, не только храбрый вѣпязь, не только ужасъ Грековъ (которые спращали дѣпей своихъ именемъ *Сфендосолава*: такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣпскою рукою бросивъ копье въ Древланъ, убійцѣ его родителѣ, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ полѣ, дѣлилъ нужду и пруды съ вѣрными поварищами, спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ; но, любя, славу любилъ и строгую воинскую честность. Неспорѣ,

скупой на слова, не забылъ сей великой черпы характера его: *Святославъ* никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напередъ объявлялъ войну (что, въ тогдашнія варварскія времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и по тому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Рускихъ Князей назывался именемъ языка нашего. *Рюрикъ*, *Олегъ*, *Игорь*, были иностранцы; *Святославъ* родился отъ Славянки. *Художникъ*, знакомый съ мысленнымъ образцемъ Геройства и съ духомъ времени, представивъ намъ, какъ сей древній *Суворовъ* Россіи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видя себя окруженнаго со всѣхъ споронъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множествомъ, въ первый разъ уныла: побѣда казалась ей наконецъ невозможною. *Святославъ* говоришь рѣчь, достойную Спартанца или

Славянина : рѣчь, которую всѣ наши Историки хотѣли украситъ, но которая прекрасна только въ Неспорѣ, и безъ сомнѣнія не есть выдумка : ибо сей доброй старецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь, сказавъ : *ляжемъ здѣ костьми ; мертвые бо срама не имутъ*, обнажаетъ мечъ свой : вопѣ минута для живописца ! Свяпославовы випязи (которыхъ онъ изобразишь, сколько хочешь) въ быспромѣ движеніи геройскаго вдохновенія также извлекають мечи, машутъ копьями, гремятъ щитами, и проч. Вдали можно представить Греческій необозримый станъ. — Думаю, что искусный Арписъ найдетъ способъ оживитъ сію картину.

Владимира хотѣлъ бы я видѣть въ то мгновенье, какъ Епископъ Корсунскій, возложивъ на него послѣ крещенія руку, возвращаетъ ему зрѣніе. Сею карпиною ознаме-

новалась бы великая эпоха въ нашей Исторіи : введеніе Христіянскої Религіи , и художникъ могъ бы обнаружитъ весь свой талантъ въ выраженіи лицъ Владиміра , Царевны Анны , и въ щасливомъ расположеніи другихъ фигуръ : Греческихъ вельможъ , Духовныхъ , и Владиміровыхъ полководцевъ. Въ разсужденіи Царевны я замѣтилъ бы одно : лицо ея должно сіять только небесною , благочестивою радостію ; она выходитъ за Владиміра не по земной любви , а желая единственно обратишь его въ Христіянство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразить прекрасную и несчастную Рогнеду , названную отъ великихъ горестей ея прогательнымъ именемъ *Гориславы* ? Владиміръ разорилъ опечесство ея , умертвилъ родителей , братьевъ , и , къ довершенію своихъ жесто-

костей (*), женился на сей опча-
 янной плѣнницѣ. Онѣ могѣ бы еще
 вѣрною любовію примиритѣ съ со-
 бою нѣжное сердце женщины; но,
 удовлетворивъ спраси, Князь хо-
 чешѣ удалитѣ супругу. Тогда оскор-
 бленная любовь возобновляешѣ въ
 памяти своей всѣ злодѣянія жесто-
 каго и неблагодарнаго Владиміра,
 и Горислава, подкрѣпляемая уче-
 ніемъ языческой вѣры, которая
 ставила мещѣ въ число добродѣ-
 шелей, рѣшившися умертвитѣ его.
 Онѣ въ послѣдній разѣ приходитѣ
 къ ней и засыпаешѣ въ ея перемѣ:
 Рогнѣда беретѣ ножѣ — медлитѣ
 — и Князь, просыпаясь, вырываетѣ
 смертоносное оружіе изъ дрожа-
 щихъ рукъ ея. Тутѣ Горислава,
 въ испупленіи опчаянія, исчи-
 сляешѣ всѣ свои оскорбленія и его

(*) Это было до его крещенія. Святая
 Религія еще не дѣйствовала въ немъ
 своею благодатію.

жестокости. . . . Я, кажется, вижу передъ собою изумленного и наконецъ пронутаго Владимира ; вижу несчастную, вдохновенную сердце́мъ Гориславу, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ распрепанными волосами . . . Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенія и рѣзный образъ Перуна, стоящій въ углу. Владимиръ приподнялся съ ложа и держитъ въ рукѣ вырванный имъ ножъ ; онъ слушаетъ Рогнеду съ такимъ вниманіемъ, которое доказываетъ, что ея слова уже глубоко проникли къ нему въ душу. — Мнѣ кажется, что сей предметъ прогашеленъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ опрока Переяславля съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выберетъ *моментъ* (*): изобразитъ

(*) Слово техническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновениемъ*.

ли ихъ въ усиліяхъ борьбы, въ напряженіи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновеніе, какъ Руской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаетъ? Эта побѣда была спасительна для опечесства: Владиміръ, въ честь опрока, назвалъ его именемъ новый городъ Перѣяславль. Кажется, что надобно представить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Рускаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показати великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бореніе Мспислава, Князя Тмушараканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедю, великаномъ и богатыремъ (копорого онъ, послѣ многихъ щепныхъ усилій, наконецъ ударивъ объ землю, спупилъ ему ногою на горло), и поединокъ — правда, баснословный — Влади-

міра Мономаха съ Генуэзскимъ (Кафинскимъ или Θεодосійскимъ) воеводою, котораго онъ махомъ копья *изъ сѣдла высади́лъ*, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску (*).

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хотѣлъ просвѣпитъ Россію, учреждалъ школы, давалъ законы, велѣлъ перевести многія книги на Славянской языкъ. Вотъ мысль для карпины: „Ярославъ одною рукою развертываетъ свитокъ законовъ, а въ другой держитъ мечъ, готовый наказъ преступника. Вельможи Новгородскіе спановаятся на колѣна и съ видомъ смиренія принимаютъ ихъ отъ Князя и меча его. За Ярославомъ споятъ монахи съ переведенными книгами, въ знакъ того, что онъ въ нихъ

(*) Неспоръ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавридѣ.

„почерпнулъ нѣкоторыя идеи для „своего законодательства.“ — Хорошо также изобразить Ярослава молящагося въ полѣ передъ сраженіемъ съ лютымъ Святополкомъ, на восходѣ солнца, и на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь святаго Бориса, за которую Ярославъ хотѣлъ быть мстипелемъ.

Нѣкоторые изъ Криптиковъ Россійской Исторіи не хотѣли вѣрить, чшобы Генрихъ I, Король Французскій, былъ женатъ на Ярославовой дочери Аннѣ, по тому, что лѣтописи наши молчатъ о семъ бракѣ; что опдаленная Франція не имѣла тогда никакой связи съ Россією, и что различіе вѣрѣ долженствовало быть препятствіемъ для такого союза. На сію криптику возражаемъ: 1) что наши лѣтописи весьма не полны; 2) что всѣ Французскія согласно называютъ супругу Генриха *Рускою Принцессою Анною*, дочерью Ярослава (имена,

которыя безъ сего случая едва ли могли бы имъ быть извѣстны); 3) что еще гораздо прежде (въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бертинскаго монастыря) были уже во Франціи послы Рускіе; что войны и пр�ктапы нашихъ Князей съ Константинополемъ, съ Польшею и Венгріею, распространяли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Полишика могла заспавить и Генриха и Ярослава войши въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другога къ Западной Церкви, долженствовала успунить государспвенной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочипали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославны имѣетъ всю историческую досповѣрность — и я хотѣлъ бы оживить на полотнѣ сію любезную Россіянку; хотѣлъ бы видѣть, какъ она со слезами принимаетъ благословеніе Ярослава,

отдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенія и прогашательно для сердца. Оставивъ навсегда опечесство, семейство и милые навыки скромной дѣвической жизни, чшобы бхашъ на край свѣта, съ людьми чужими, которые говорили непонятнымъ языкомъ и молились (по погдашнему образу мыслей) другому Богу! . . . Здѣсь чувствительность должна бытъ вдохновеніемъ Арписпа. . . . Князь хочетъ казаться твердымъ ; но горячность родительская въ сію минуу превозмогаетъ Полипику и честлюбіе: слезы готовы излиться изъ глазъ его . . . . Несчастная мать въ обморокъ.

Послѣ Владиміра Мономаха видимъ уже менѣе великихъ людей на Княжескихъ пронахъ Россіи. Внутренніе раздоры занимаютъ воинскую и политическую дѣятельность Владѣтелей. Но художе-

ство найдеть еще богатые для себя предметы, и должно ознаменовать — на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманія. Онъ шелъ изъ Новгорода къ Кіеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ вспрѣпили бы его болота и пустыни, копорыя не представляли ему ни добычи, ни славы побѣдъ. Вообще надобно замѣтить, что сіи древніе завоеватели, пролагая себѣ пути къ извѣстной цѣли черезъ мѣста мало извѣстныя, старались всегда слѣдовать за теченіемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большія рѣки, вбирая въ себя влажностъ окрестныхъ мѣстъ, не дають образоваться непроходимымъ для войска болотамъ. Такимъ образомъ Днѣпръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кіеву. Въ

наше время Историкамъ уже не позволено бытъ Романистами и выдумывать древнее происхожденіе для городовъ, чшобы возвыситъ ихъ славу. Москва основана въ половинѣ вшораго-надесять вѣка Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, власполюбивымъ, иногда жестокимъ, но до спарости любилелемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, копорая разрушила Трою, поспроила нашу столицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Руской Исторіи. Прекрасная жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысяцкаго, плѣнила Юрія. Грубые тогдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, копорый, пользуясь опсущствіемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключился съ нею въ деревнѣ своей, тамъ, гдѣ Неглинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрій, узнавъ о томъ, оставилъ армию и спѣшилъ освободитъ

красавицу изъ започенія. Мѣсто-
положеніе Кучкина села, украшен-
ное любовью въ глазахъ спраспнаго
Князя, опмѣнно полюбилось ему:
онъ жилъ тамъ нѣскольکو времени,
веселился, и началъ строитъ го-
родъ. — Мнѣ хотѣлось бы пред-
ставишь начало Москвы *ландшаф-*
томъ — лугъ, рѣку, пріятное
зрѣлище строенія: деревья падающъ,
лѣсъ рѣдѣющъ, открывая виды окре-
стностей — небольшое селеніе дво-
рянина Кучки, съ маленькою цер-
ковью и съ кладбищемъ — Князя
Юрія, который, говоря съ Княземъ
Святославомъ, движеніемъ руки по-
казываетъ, что шупъ будетъ ве-
ликой городъ — молодые вельможи
занимающъ ловлею звѣрей. Худож-
никъ, наблюдая строгую нравствен-
ную пристойность, долженъ за-
быть прелестную хозяйку; но
вдали, среди крестовъ кладбища,
можетъ изобразитъ человека въ
глубокихъ, печальныхъ размышле-

ніяхъ. Мы угадали бы, кпо онѣ—
вспомнили бы прагическій конецъ
любовнаго романа—и пѣнь мелан-
холіи не испортила бы дѣйствія
карпины.

Но я нечувствительно написалъ
довольно страницъ; на сей разъ
могу кончить, съ живымъ удоволь-
ствиемъ воображая себѣ цѣл ую кар-
пинную галерею опечеспвенной
Испоріи и дѣйствіе ея на сердце
любителей Искусства. Руской, по-
казывая чужестранцу достойные
образы нашихъ древнихъ Героевъ,
говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и
чужестранецъ захопѣлъ бы чи-
тать наши лѣтописи — хопя въ
Левекѣ!

Мы приблизились въ испори-
ческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ
бѣдспвеннымъ временамъ Россіи;
и еспьли живописецъ положили
кисль, по ваятель возьметъ рѣ-
зецъ свой, чпобы сохраниль память
Рускаго геройства въ нещаспяхъ,

которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ. Тѣмъ предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принять цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидають монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обогренномъ ихъ кровію. Можесть ли искусство и мраморъ найсти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величій древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ Патриотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, ко-

порою ихъ жишели прославили
 себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Но-
 вѣгородѣ глаза мои ищущъ спашуи
 Минина, который, положивъ одну
 руку на сердце, указываетъ дру-
 гою на Московскую дорогу. Мысль,
 что въ Рускомъ, опдаленномъ отъ
 столицы городѣ, дѣши гражданъ бу-
 дущъ собираются вокругъ мону-
 менпа славы, читають надпись и
 говорятъ о дѣлахъ предковъ, ра-
 дуешь мое сердце. Мнѣ кажется,
 что я вижу, какъ народная гор-
 досць и славолубіе возраспають
 въ Россіи съ новыми поколѣніями!..
 А тѣ холодные люди, которые не
 вѣрятъ сильному вліянію *Изящ-*
наго на образованіе душъ, и смѣютъ-
 ся (какъ они говорятъ) надъ ро-
 мантизмомъ. *Патріотизмомъ*, до-
 стойны ли отвѣта? Не отъ нихъ
 опечесво ожидаетъ великаго и
 славнаго; не они рождены сдѣлать
 намъ имя Руское еще любезнѣе и
 дороже. — Повторимъ истину не-

сумнительную: въ девятомъ-надесятьмъ вѣкѣ одинъ попу народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными Искусствами, Литтературою и Науками способствуетъ успѣхамъ человечества въ его славномъ печеніи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства!

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖѢ ВЪ ЦАР-
СТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛО-
ВИЧА.

Кровопролипіе, мятежи и бѣдспвіа
соспавляющѣ главную и, кѣ не-
щаспью, любопытнѣйшую часпъ
всемирныхѣ лѣпописей; но Испоріа
нашего опечеспва, подобно дру-
гимѣ описывая жестокія войны и
гибельные раздоры, рѣдко упоми-
наетѣ о бунтахѣ пропиеѣ Власпей
законныхѣ: что служиѣ кѣ вели-
кой чеспи народа Рускаго. Онѣ,
кажется, всегда чувспвовалѣ необ-
ходимоспъ повиновенія и шу ис-
пину, что своевольная управа гра-
жданѣ еспѣ во всякомѣ случаѣ ве-
λικое бѣдспвіе для государспва.
Такимѣ образомѣ народѣ Москов-
скій великодушно шерпѣлѣ всѣ ужа-

сы временъ Царя Ивана Васильевича, всѣ неисповсѣва его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами пронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствование Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляеѣ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа. . . Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Рускихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтель-

ное нравоученіе, по мы вздумали собрать разсѣянные извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достоверныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ протѣпательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ несчастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Папріарха Филарета, который былъ истиннымъ Геніемъ-хранителемъ

и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистию, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Θεодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой полиптики сего великаго человека, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ Папріоповъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвесити отъ дѣлъ

(*) Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителей, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: шронъ дорого стоилъ его добродушію.

государственныхъ : ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись прудобія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитроспешей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго ; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ, надѣясь шишломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Меншора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовью народною ; ихъ судящъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтели. Морозова уважали, но не терпѣли : Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подаши и опкуны, тогда введенныя. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на соль и

опдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чиспову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собспвенной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительсво запретило употребленіе неклеимыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не

(*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть шестна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клеймныхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо меньше покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ недосоленія.

могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичъ Милославской хопя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись шестемъ Государя, осыпанный вдругъ Его благодѣянiями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обратишь милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственныхниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныхныя. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честью и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ переменною судьбы своей не переменялись душею: хотѣли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбiя древнихъ фамилій Боярскихъ; не

зная спыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и спраха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойспвенникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Форпуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависпи: Окольничіе Леонпій Плещеевъ и шуринъ его Троханіоповъ. Первый начальспвовалъ въ Земскомъ Приказѣ, по еспть уголовномъ и гражданскомъ судѣ споліцы, и жерпвовалъ правдою гнусной корыспи съ такимъ безспыдспвомъ, съ такою дерзоспію, чпо въ наше время трудно повѣритъ разсказамъ о дѣлахъ сего челоѡка (*). Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносишь на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ спражу, заключалъ въ шемницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Троханіоповъ, будучи гла-

(*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

вою Пушкарскаго Приказа , имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ , которые на нихъ работали ; но Троханіоновъ не думалъ исполнять его , бралъ деньги себѣ , и пирански мучилъ работниковъ , которые смѣли усиленно требоваъ платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оспавалось умереть съ голоду. — Напрасно упѣсненные искали правосудія. Челобитныя , вручаемыя даже самому Государю , не имѣли никакого дѣйствія : ибо онъ , не читая , отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ , которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ , и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость пѣмъ живѣе , что благодатное царствованіе Михаила пріучило

ихъ къ царству милости и правосудія ; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, опдѣленный отъ народа зысокою Кремлевскою стѣною , не зналъ , что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Троханіоповъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палапахъ своего родспвенника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власпи. Гроза висѣла надъ его головою ; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ , и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдспвенной перемѣны своего жребія.

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый.

Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирався передъ церквами, совѣщаясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, естли бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе упопребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хотѣть народнаго приискненія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Истории. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знаменѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели—и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. — Народъ

ныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣспны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Рускимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвращенія мятежъ, и спарались, можетъ быть, только закрыть сію пучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе власпителей бываетъ всегда предпечюю государспвенныхъ бѣдспвій. Сіи Бояре могли бы укротить народъ опспавкою Плещеева и Троханіопова; но имъ казалось спыдно покориться общему желанію, и людей своей фамиліи явно признавъ недоспойными чиновниками. Такія ничпожныя побужденія бывають для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обспоятельства тогдашняго времени, безъ копорыхъ не лзя имѣть справедливаго понятія о дѣйспвіяхъ, при-

спушаемъ къ горестному описанію
мятежа и крайностей народнаго
изступленія.

23 Іюня 1648 году (*), въ день
Крестнаго Хода въ монастырь
Срѣтенской, Царь, опслушавъ
тамъ обѣдню, возвращался верхомъ
въ Кремлевскій дворецъ свой: много-
численные толпы народа окружили
его на площади. *Стой, Государь!*
кричали ему со всѣхъ сторонъ, и
схватили за узду лошадь Царскую.
Изумленный Монархъ остано-
вился. . . Граждане молили его бысть
опцемъ своего народа; рассказали
все, что они терпявъ отъ судьи
неправеднаго, Леонтія Плещеева,
и просили съ величайшею покорно-
стію, чтобы Государь защитилъ
ихъ и на мѣсто сего жестокаго
человѣка посадилъ Боярина честна-
го и добросовѣстнаго. Царь слу-

(*) То есть, въ третій годъ царство-
ванія Алексѣя Михайловича.

шалъ съ удивленіемъ и милоспиво
оповѣспивовалъ, что граждане мо-
гутъ быть покойны; что онъ самъ
изслѣдуетъ дѣло и накажетъ ви-
новнаго. Народъ громогласно изъ-
явилъ благодарностъ Монарху, и
восклищанія: *здравія и многія лѣта*
нашему Царю-Государю! провожали
его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кон-
чипся мирно, законно и благопо-
лучно. Еще народъ не былъ пре-
спупникомъ: онъ пожаловался толь-
ко своему опцу и Монарху на судію
недостойнаго; желалъ единспвен-
но опспавки Плещеева: не пре-
бовалъ даже и его наказанія; умол-
чалъ о всѣхъ другихъ неудоволь-
спвіяхъ своихъ и людяхъ, ему не-
нависпныхъ. Такая умѣренностъ
предвѣщала ли злодѣйспва, копо-
рымъ надлежало совершипся въ
сей день, бѣдспвенный для Мос-
квы и цѣлой Россіи?.. Къ нещаспію,
нѣкоторыя чиновники, прискакавъ

за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонпія Плещеева, начали укоряшь гражданъ мяпежною дерзостію—даже бить ихъ, топтать лошадьми.... Тупъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власшь законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Спрашнй вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Спрѣльцы съ великимъ трудомъ могли оспановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева.... Бояринъ Морозовъ выходя въ на красное крыльцо, и говори въ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщаль имъ правосудіе и сдерживъ слово свое.... Напрасно; мяпежники крича въ ему: „намъ и тебя надобно; мы хопимъ

и швоей головы! “. . . Едва онѣ могѣ
спасшсь отѣ ихѣ злобы во дворецѣ
Государевѣ. Они бросились въ Кре-
млевскій домѣ Морозова; опбили
вороша; умершвили вѣрнаго слугу,
который хотѣлъ имѣ прошивишсь,
и ворвались въ горницу, гдѣ была су-
пруга Боярина. . . Сія женщина, мо-
лодая и прекрасная, ожидала вѣр-
ной смерти отѣ неисповыхѣ; но
они не пронули ее и сказали:
*благодари Бога, что Царица сестра
твоя! . . .* Такимѣ образомѣ и въ са-
момѣ бунтѣ народѣ не забывалѣ
уваженія къ Царской фамиліи. . . .
Вѣ нѣсколько минушѣ домѣ Боя-
рина былѣ разграбленѣ; сундуки,
шкапы взломаны; богашые ковры
Персидскіе, парчи, бархашы, соболи
и черныя лисицы изорваны на ча-
спи; мѣшки съ ефимками высыпаны
на полѣ, серебряная посуда выбро-
шена изѣ оконѣ на улицу; жем-
чугѣ выносили въ шапкахѣ и за
ничто продавали. Грабители дер-

знули даже прикоснувшись и къ свя-
тынѣ образовъ и сняли съ нихъ
богатныя ризы ; извѣстно , что въ
спарину сіи драгоцѣнные оклады
составляли въ домахъ главное укра-
шеніе и сокровище. Въ день свадь-
бы Морозова Государь подарилъ
ему великолѣпный берлинъ , око-
ванный серебромъ и внутри оби-
тый золопою парчею съ собольею
опушкою : народъ изломалъ его.
Глубокій погребъ Боярскій, по сло-
вамъ одного иносстранныго Писа-
теля, *обратился въ колодезь* . Нѣ-
мецкія и Фряжскія вина лились изъ
разбитыхъ бочекъ.

Мяшежники , опустошивъ домъ
перваго Боярина , раздѣлились на
многія толпы: однѣ пошли къ Дум-
ному Дьяку Чиспову, ненавистному
въ споліцѣ за соляной откупъ ;
другія къ Плещееву, Троханіонову,
къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и по-
мощникамъ, Князьямъ Никипѣ Одо-
евскому и Лыкову. Грабежъ въ до-

махъ ихъ продолжался во всю ночь, до самого утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслися бѣгствомъ; но Числовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался (*): невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые пирански умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человекомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голшпинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно

(*) Подъ вѣниками, говоритъ Олеарій.

не весь народъ участвоваѣ въ
 пакихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ,
 сильный въ щастіи, оказалъ всю
 малость души своей въ опасности;
 думалъ уже не совѣтовать Царю,
 а единственно спасаѣ жизнь свою,
 какъ спасають ее люди недоспой-
 ные власпи—по естѣ бѣгствоу.
 Кто родился управляѣ народомъ,
 тотъ предупреждаетъ опасность
 мудростію или отражаетъ ее ве-
 ликодушіемъ, или гибнетъ, держа
 твердою рукою жезлъ правленія. . .
 Юный Монархъ, оставленный сво-
 имъ главнымъ совѣтникомъ, изъ-
 являѣ нерѣшительность. Онъ по-
 велѣлъ только запереть Кремлев-
 скія ворота, когда народъ разсѣял-
 ся по Китаю и Бѣлому городу.

На другой день мятежники сно-
 ва явились на большой площади и
 грозили довершить свое мщеніе.
 Тогда Государь приказалъ собрать-
 ся въ Кремль войску иностранному.
 Нѣсколько сотъ Нѣмцовъ, подъ на-

чальствомъ Офицеровъ своихъ, шли
вооруженные сквозь шолпы народа,
копорый издавна не любилъ ихъ и
часто оскорблялъ грубыми насмѣш-
ками; но шупъ онъ свободно далъ
имъ дорогу и говорилъ ласково:
добрые Мѣлцы! не троньте насъ; а
мы въпредъ будемъ жить съ вами
дружно. Для нихъ отворили Спас-
скія ворота: никто изъ мяпежни-
ковъ не дерзнулъ итти въ Кремль
за ними. Офицеры иностранные
разспавили караулы у всѣхъ ба-
шенъ и вокругъ дворца, гдѣ собра-
лися вѣрные Бояре, гошовые уме-
ресть за Царя и опечесиво. Знап-
нѣйшій между ими былъ Никиѣа
Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, Дво-
рецкій Государя и ближній его род-
ственникъ, человекъ умный, но
безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣд-
ныхъ въ столицѣ, покровитель ино-
странцевъ и *новыхъ обычаевъ*, копо-
рыми Папріархъ часто укорялъ
его въ бесѣдахъ, но дружески и

ласково : ибо всѣ знатные и незнапные любили сего именипаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностию лѣпѣ расположенный кѣ средствамъ кропкимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ . . . . Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), копорый, окруживъ его полпами, кричалъ : *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣпелный Бояринъ съ чувспвипельностию извѣявилъ гражданамъ , сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольспвовались его обѣщані-

(*) Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, копорая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повпоряетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

емъ разсмопрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впади въ пресупленіе; чпо Государь вшорично даетъ имъ слово наказатъ всѣхъ народныхъ припѣснителей, но желаетъ, чшобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ. . . . Народъ опвѣспвовалъ, чшо онъ чувспвуетъ милость Царскую, гошовъ умереть за него, но не сойдеъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Троханіоповъ, не будутъ ему выданы и наказаны. . . . Никита Ивановичъ Романовъ извѣявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя кляпвенно, чшо Морозова и Троханіопова нѣтъ во дворцѣ, и чшо они бѣжали изъ города. Народъ пребуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль. . . .

Здѣсь Рускій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтивъ, что оно перешло за границы государственнаго блага, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ : рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ о себѣ спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Спрѣльцовъ и робы иносѣрныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, если они не хотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другіе* также, если они будутъ пойманы. . . . Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ

отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго : палачъ велъ его ; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мяпежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютостію расперзали чело-вѣка, нѣкогда для нихъ спраш-наго. . . . Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Троханіоповымъ; его догнали близъ монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня.— Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвра-тился въ городъ и пихонько про-брался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мяпежники, полагая, что сего Бо-

ярина нѣшѣ въ споліцѣ , удоволь-
снвовались обѣщаніемъ Царя нака-
зашъ его, когда онѣ будешѣ сы-
сканѣ. Изъявивѣ Государю благо-
дарностъ за Его правосудіе , они
разошлись по домамъ , и Москва
опдохнула, быѣ при дни жерпвою
мяпежа и спраха. . . .

Сіе спокойствіе скоро наруши-
лось бѣдспвіемъ инаго роду. Въ
10 часовъ упра возстановилась
пищина въ городѣ : въ при часа
вечера сдѣлался спрашный пожаръ
на Дмишровкѣ и на Тверской, ко-
порый обрапилъ въ пепелъ всѣ
домы, бывшіе за бѣлою спѣною до
самой Неглинной ; перешелъ даже
за сію рѣку и грозилъ обняшъ пла-
менемъ главный пишейный домъ
казенный , гдѣ спояло множеспво
бочекъ съ виномъ. . . . Кипай-городъ
и самый дворецъ Государевъ былъ
въ опасности. Вмѣсто того, что-
бы гасишъ огонь, чернь съ жадно-
стію бросилась въ казенные по-

греба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . . Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невброяпный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоришъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени. Вдругъ видяшъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащилъ за собою мершвое тѣло, и говоришъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; нитѣмъ другимъ не лзя остановить пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, шупъ бывшіе, схватили прупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю

свою гвардію (*). Милославскій, спасенный опѣ народной злобы достоинствомъ Царскаго ипесня, началъ также давалъ обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Папріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ пишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Плещева и Троханіюпова заняли чиновники достойные, извѣстные сполитѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре бздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда сполитца увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра—зрѣлище, котораго описаніе

(*) То есть, Стрѣльцовъ.

останется навѣки прогашельнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Рускихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни—день былъ праздничный—Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и спалъ на возвышенномъ мѣстѣ (*)... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ Нему, громогласно изъваяя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никиша Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что „Ему горестно было свѣдать все, преперпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные

(*) Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

заслужили казнѣ, упопреля во зло священную власть закона, копорая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Троханіопова, будутъ править и судить по уставу челоуѣколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми часями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли восстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ составляетъ единственнѣйшій предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ приобрести имя Ему любезное: имя отца народнаго“ . . . . Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Рускихъ...

Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, „что не находя его совершенно правымъ, не находить и во всемъ виновнымъ, и не потребовавъ еще въ Свое царствование никакой жертвы отъ гражданъ, надѣясь, что они исполнятъ первую просьбу Его и просятъ сего Боярина, который — за что Онъ ручается — заслужитъ впредъ любовь и дружбу ихъ; что если они не хотятъ видеть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ исключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣща, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человека, который былъ Ему впорымъ опцомъ и наставникомъ“... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онъ составили неизъяснимо - прогашельное заключение Его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неисповые мятежники

въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!* . . . Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуы печальнаго. Онъ изъявилъ народу Свою признапельность; увѣщавалъ его бытъ кропкимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ . . . . Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль . . . .

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхищательно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати - двухлѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича — минута, въ которую Онъ споль

разительнѣе доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоценное спокойствіе! Жить единственно для счастья подданныхъ, быть истиннымъ опцемъ народнымъ — сіи обѣщанія, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца! . . . мысль плѣнительная! . . . Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности? . . . Историкъ спрогимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человеку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Опи-

рая сладкія слезы свои, онѣ скажетъ, что здравая Полипика, основанная на опытахъ и знаніи чело-вѣчества, предписывала Царю Алек-сѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы упушишь мяшежъ. *Му-драя верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не тре-буетъ снисхожденія; она прощаеиъ, но не просиъ — и благодарносъ должна бытъ чувствомъ поддан-ныхъ, а не Монарха.*

Черезъ нѣсколько дней послѣ-шого (*) Государь отправился въ

(*) Въ *Лѣтолиси о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ ней означенное, можетъ бытъ опискою. Олеарій, рассказывая достоверно подробности, именно го-воритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣпен-скаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Іюня. — Г. Голиковъ, положась на Ядро Россійской Исторіи, говоритъ, что

монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благошворицелемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, пошлѣ могъ вѣрно ожидать успѣха, есѣли дѣло его было право. По-

Царь Алексѣй Михайловичъ наказалъ смертію многихъ мятежниковъ: это не сообразно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ согласиться на казнѣ Плещеева, Троханіошова, — просишь гражданъ, чѣобы они не требовали, головы Морозова, и въ то же время казнишь ихъ? Авторы Рускихъ записокъ мнимо - усердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: шакъ поступилъ и Хилковъ,

добно Боярину Никишѣ Ивановичу Романову, Морозовѣ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать Самъ Собою, часто присутствовать въ Совѣтѣ и входить во всѣ дѣла: ибо Онѣ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Боярѣ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ

или, лучше сказать, Переводчикѣ его Миссіи, сочинитель Ядра Россійской Исторіи. Онѣ боялся унижить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить въроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ втораго, бывшаго также въ царствование сего Монарха.

своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щаспїемъ Государя.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ пвердыхъ и строгихъ.

К О Н Е Ц Ъ С Е Д Ъ М А Г О Т О М А .

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 7

Moskva 1803

Opp. 659 b-7

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605660-5